

Чарльз Диккенс

Домби и сын

Чарльз Диккенс

Домби и сын

«Public Domain»

1848

Диккенс Ч.

Домби и сын / Ч. Диккенс — «Public Domain», 1848

Произведение дается в дореформенном алфавите. «Домби сидѣлъ въ углу закрытой комнаты въ большихъ креслахъ подлѣ постели, а сынъ, тепло закутанный, лежалъ въ плетеной корзинкѣ, осторожно поставленной на софѣ, подлѣ камина, передъ самымъ огнемъ. Домби-отцу было около сорока восьми лѣтъ; сыну – около сорока восьми минутъ. Домби былъ немножко плѣшивъ, немножко красенъ, мужчина вообще очень статный и красивый, хотя слишкомъ суровый и величавый. Сынъ былъ совершенно плѣшивъ, совершенно красенъ, ребенокъ, нечего сказать, прелестный и милый, хотя немножко сплюснутый и съ пятнами на тѣлѣ. Время и родная сестра его забота – эти безжалостные близнецы, безъ разбору опустошающіе свои человѣческія владѣнія – уже проложили на челѣ Домби нѣсколько роковыхъ замѣтокъ, какъ на деревѣ, назначенномъ для срубки; лицо сына было исковеркано множествомъ небольшихъ складокъ, но коварное время тупой стороной своей гуляющей косы готовилось выравнять и выгладить для себя новое поле, чтобы впослѣдствіи проводить по немъ глубокія борозды...»

Содержание

Часть первая	5
Глава I. Домби и Сынъ	5
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	27
Глава V	35
Глава VI	47
Глава VII	62
Глава VIII	66
Глава IX	81
Глава X	91
Глава XI	100
Глава XII	110
Глава XIII	122
Глава XIV	130
Глава XV	147
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Чарльз Диккенс

Домби и сын

Часть первая

Глава I. Домби и Сынъ

Домби сидѣлъ въ углу закрытой комнаты въ большихъ креслахъ подлѣ постели, а сынъ, тепло закутанный, лежалъ въ плетеной корзинкѣ, осторожно поставленной на софѣ, подлѣ камина, передъ самымъ огнемъ.

Домби-отцу было около сорока восьми лѣтъ; сыну – около сорока восьми минутъ. Домби былъ немножко плѣшивъ, немножко красенъ, мужчина вообще очень статный и красивый, хотя слишкомъ суровый и величавый. Сынъ былъ совершенно плѣшивъ, совершенно красенъ, ребенокъ, нечего сказать, прелестный и милый, хотя немножко сплюснутый и съ пятнами на тѣлѣ. Время и родная сестра его забота – эти безжалостные близнецы, безъ разбору опустошающіе свои человѣческія владѣнія – уже проложили на челѣ Домби нѣсколько роковыхъ замѣтокъ, какъ на деревѣ, назначенномъ для срубки; лицо сына было исковеркано множествомъ небольшихъ складокъ, но коварное время тупой стороной своей гуляющей косы готовилось выравнивать и выгладить для себя новое поле, чтобы впослѣдствіи проводить по немъ глубокія борозды.

Домби отъ полноты душевнаго наслажденія самодовольно побрякивалъ золотою часовою цѣпочкой, свѣсившейся изъ-подъ синяго фрака, котораго пуговицы, при слабыхъ лучахъ разведеннаго огня, свѣтились какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Сынъ лежалъ въ своей люлькѣ съ поднятыми маленькими кулаками, какъ будто вызывая на бой самоуправную судьбу, подарившую его неожиданнымъ событіемъ.

– Домъ нашъ съ этихъ поръ, м-съ Домби, – сказала м-ръ Домби, – не по имени только, а на дѣлѣ будетъ опять: Домби и Сынъ, Домби и Сынъ!

И эти слова имѣли на родильницу такое успокоительное дѣйствіе, что м-ръ Домби противъ обыкновенія пришелъ въ трогательное умиленіе и рѣшился, хотя не безъ нѣкотораго колебанія, прибавить нѣжное словечко къ имени жены: "не правда ли, м-съ моя... моя милая?"

Мимолетный румянецъ слабаго изумленія пробѣжалъ по блѣдному лицу больной женщины, не привыкшей къ супружескимъ нѣжностямъ. Она робко подняла на мужа глаза.

– Мы назовемъ еіо Павломъ, моя мил... м-съ Домби, не правда ли?

Больная въ знакъ согласія пошевелила губами и снова закрыла глаза.

– Это имя его отца и дѣда, – продолжалъ м-ръ Домби. – О, если бы дѣдъ дожилъ до этого дня!

Тутъ онъ немного пріостановился и затѣмъ снова повторилъ: "Доммби и Сынъ"!

Эти три слова выражали идею всей жизни м-ра Домби. Земля сотворена была для торговыхъ операций Домби и Сына. Солнце и луна предназначены для освѣщенія ихъ дѣлъ. Морямъ и рѣкамъ повелѣно носить ихъ корабли. Радуга обязывалась служить вѣстницей прекрасной погоды. Звѣзды и планеты двигаются въ своихъ орбитахъ единственно для того, чтобы въ исправности содержать систему, центромъ которой были: Домби и Сынъ. Обычныя сокращенія въ англійскомъ языкѣ получали въ его глазахъ особое значеніе, выражая прямое отношеніе къ торговому дому Домби и Сынъ. А. D. вмѣсто Anno Domini¹, м-ръ Домби читалъ Anno Dombey and Son.

¹ Отъ Рождества Христова. *Примѣчаніе ред.*

Какъ раньше его отецъ на пути жизни и смерти возвысился отъ Сына къ Домби, такъ и онъ теперь былъ единственнымъ представителемъ фирмы. Вотъ ужъ десять лѣтъ онъ женатъ; его жена, какъ говорили, не принесла въ приданое дѣвственнаго сердца: счастье бѣдной женщины заключалось въ прошедшемъ, и, выходя замужъ, она надѣялась успокоить растерзанную душу кроткимъ и безропотнымъ исполненіемъ суровыхъ обязанностей. Впрочемъ, эта молва никогда не достигала до ушей самодовольнаго супруга, да, еслибъ и достигла, м-ръ Домби ни за что на свѣтѣ не повѣрилъ бы безумнымъ и дерзкимъ сплетнямъ. Домби и Сынъ часто торговали кожами; но женскія сердца ни разу не входили въ ихъ коммерческія соображенія. Этотъ фантастическій товаръ оставляли они мальчикамъ и дѣвочкамъ, пансіонамъ и книгамъ. Насчетъ супружеской жизни понятія м-ра Домби были такого рода: всякая порядочная и благоразумная женщина должна считать для себя величайшею честью брачный союзъ съ такой особой, какъ онъ, представитель знаменитой фирмы. Надежда произвести на свѣтѣ новаго сочлена для такого дома должна подстрекнуть честолюбіе всякой женщины, если только есть въ ней честолюбіе. М-съ Домби, заключая брачный контрактъ, вполне понимала всѣ эти выгоды и потомъ съ каждымъ днемъ на дѣлѣ могла видѣть свое высокое значеніе въ обществѣ. Она за столомъ сидѣла всегда ыа первомъ мѣстѣ и вела себя, какъ подобаетъ знатной дамѣ. Стало быть, м-съ Домби совершенно счастлива. Иначе и быть не можетъ.

Но, разсуждая такимъ образомъ, м-ръ Домби охотно соглашался, что для полноты семейнаго счастья требовалось еще одно весьма важное условіе. Вотъ уже десять лѣтъ продолжалась его супружеская жизнь; но вплоть до настоящаго дня, когда м-ръ Домби величаво сидѣлъ подлѣ постели въ большихъ креслахъ, побрякивая тяжелою золотою цѣпочкой, высокіе супруги не имѣли дѣтей.

То есть, не то, чтобы вовсе не имѣли: есть у нихъ дитя, но о немъ не стоитъ и упоминать. Это – маленькая дѣвочка лѣтъ шести, которая невидимкой стояла въ комнатѣ, робко забившись въ уголь, откуда пристально смотрѣла на лицо своей матери. Но что такое дѣвочка для Домби и Сына? ничтожная монета въ огромномъ капиталѣ торговаго дома, монета, которую нельзя пустить въ оборотъ, и больше ничего.

Однако-жъ, на этотъ разъ чаша наслажденія для м-ра Домби была уже слишкомъ полна, и онъ почувствовалъ, что можетъ удѣлить изъ нея двѣ-три капли, чтобы вспырнуть пыль на тропинкѣ своей маленькой дочери.

– Подойди сюда, Флоренса, – сказалъ о. нъ, – и посмотри на своего братца, если хочешь, да только не дотрагивайся до него.

Дѣвочка быстро взглянула на синій фракъ и бѣлый стоячій галстухъ отца, но, не сказавъ ни слова, не сдѣлавъ никакого движенія, снова вперила глаза въ блѣдное лицо своей матери.

Въ эту минуту больная открыла глаза и взглянула на дочь. Ребенокъ мгновенно бросился къ ней и, стоя на цыпочкахъ, чтобы лучше скрыть лицо въ ея объятіяхъ, прильнулъ къ ней съ такимъ отчаяннымъ выраженіемъ любви, какого нельзя было ожидать отъ этого возраста.

– Ахъ, Господи! – сказалъ м-ръ Домби, поспѣшно вставая съ кресель. – Какая глупая ребяческая выходка! Пойду лучше, позову доктора Пепса. Пойду, пойду. – Потомъ, остановившись у софы, онъ прибавилъ: – мнѣ нѣтъ надобности просить васъ, м-съ...

– Блоккитъ, сэръ, – подсказала нянька, сладенькая, улыбающаяся фигурка.

– Такъ мнѣ нѣтъ надобности просить васъ, м-съ Блоккитъ, чтобы вы особенно заботились объ этомъ юномъ джентльменѣ.

– Конечно, нѣтъ, сэръ. Я помню, когда родилась миссъ Флоренса...

– Та, та, та, – сказалъ м-ръ Домби, нахмутивъ брови и наклоняясь надъ люлькой. – Миссъ Флоренса – совсѣмъ другое дѣло: все хорошо было, когда родилась Флоренса. Но этотъ молодой джентльменъ призванъ для высокаго назначенія: не такъ ли, мой маленькій товарищъ?

Съ этими словами м-ръ Домби поднесъ къ губамъ и поцѣловаль ручку маленькаго товарища; но потомъ, испугавшись, по-видимому, что такой поступокъ несообразенъ съ его достоинствомъ, довольно неловко отошелъ прочь.

Докторъ Паркеръ Пепсъ, знаменитый придворный акушеръ, постоянный свидѣтель приращенія знатныхъ фамилій, ходилъ по гостинной взадъ и впередъ, съ сложенными назадъ руками, къ невыразимому наслажденію домашнего врача, который въ послѣднія шесть недѣль протрубилъ всѣмъ своимъ паціентамъ, пріятелямъ и знакомымъ, что вотъ того и гляди м-съ Домби разрѣшится отъ бремени, и его, по поводу этого событія, пригласятъ вмѣстѣ съ докторомъ Паркеромъ Пепсомъ.

— Ну, что, сэръ, — сказалъ Пепсъ звучнымъ, басистымъ голосомъ, — поправилась ли сколько-нибудь ваша любезная леди при нашемъ присутствіи?

— Ободрилась ли она? — прибавилъ домашній врачъ и въ то же время наклонился къ знаменитому акушеру, какъ-будто хотѣлъ сказать: "извините, что я вмѣшиваюсь въ разговоръ, но случай этотъ важный".

М-ръ Домби совершенно потерялся отъ такихъ вопросовъ! Онъ почти вовсе не думалъ о больной и теперь не зналъ, что отвѣчать. Опомнившись, онъ проговорилъ, что докторъ Пепсъ доставитъ ему большое удовольствіе, если потрудится взойти наверхъ.

— Ахъ, Боже мой! — сказалъ Паркеръ Пепсъ. — Мы не можемъ больше отъ васъ скрывать, что ея свѣтлость герцогиня — прошу извинить: я перемѣшиваю имена, — я хотѣлъ сказать, что ваша любезная леди чувствуетъ чрезмѣрную слабость и во всемъ ея организмѣ замѣтно всеобщее отсутствіе эластичности, а это такой признакъ, котораго мы...

— Не хотѣли бы видѣть, — перебилъ домашній врачъ, почтительно наклонивъ голову.

— Именно такъ, — сказалъ Паркеръ Пепсъ, — этого признака мы не хотѣли бы видѣть. По всему замѣтно, что организмъ леди Кенкеби, — прошу извинить, я хотѣлъ сказать организмъ м-съ Домби, — но я всегда перемѣшиваю фамиліи паціентовъ.

— Еще бы, при такой огромной практикѣ! — бормоталъ домашній врачъ. — Мудрено тутъ не смѣшивать. Докторъ Паркеръ Пепсъ знаменитый, велик...

— Очень вамъ благодаренъ, — прервалъ докторъ. — Такъ я хотѣлъ замѣтить, что организмъ нашей паціентки выдержалъ такое потрясеніе, отъ котораго, быть можетъ, она освободится; но для этого необходимо съ ея стороны болыіе, крѣпкое и...

— Могучее, — добавилъ домашній врачъ.

— Именно такъ, — продолжалъ докторъ, — и могучее усиліе. М-ръ Пилькинсъ, по своему положенію врачебнаго совѣтника въ этомъ домѣ, а я увѣренъ, никто лучше его не можетъ выполнить этого назначенія

— Охъ! — пробормоталъ домашній врачъ. — Удостоиться такой похвалы отъ знаменитаго придворнаго доктора Паркера Пепса!

— Вы слишкомъ добры, — возразилъ Паркеръ Пепсъ. — М-ръ Пилькинсъ, говорю я, по своему положенію домашняго врача, очень хорошо знаетъ организмъ паціентки въ ея нормальномъ состояніи, — а такое знакомство весьма важно въ настоящемъ случаѣ. Мы оба теперь такого мнѣнія, что натура должна сдѣлать могучее усиліе, и если, сверхъ чаянія, наша интересная паціентка графиня Домби, — прошу извинить, — если м-съ Домби не...

— Не въ состояніи будетъ, — перебилъ домашній врачъ.

— Именно такъ. Если м-съ Домби не выдержитъ этого усилія, то въ такомъ случаѣ можетъ произойти опасный, очень опасный кризисъ, и послѣдствія его будутъ гибельны.

Нѣсколько секундъ эскулапы не говорили ни слова, опустивъ глаза въ землю. Потомъ, по нѣмому движенію доктора Пепса, они пошли на верхъ. Домашній врачъ почтительно отворялъ двери передъ знаменитымъ собратомъ.

Мы будемъ несправедливы къ м-ру Домби, если скажемъ, что мнѣніе врачей не произвело на него никакого вліянія. Правда, онъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы могъ когда-либо

и отчего бы то ни было испытывать сильныя ощущенія; но если бы – чего Боже избави! – жена его вдругъ захворала и умерла, нѣтъ сомнѣнія, м-ръ Домби былъ бы очень огорченъ: тогда бы онъ почувствовалъ, что въ его хозяйствѣ недостаетъ одной изъ самыхъ драгоцѣнныхъ мебели, и потеря ея была бы для него крайне чувствительна. Но само собою разумѣется, печаль его была бы холодная, спокойная джентльменская.

Между тѣмъ, какъ м-ръ Домби разсуждалъ объ этомъ предметѣ, размышленія его были прерваны поспѣшной ходьбой и шумомъ платья на лѣстницѣ. Вдругъ вбѣжала въ комнату женщина болѣе чѣмъ солидныхъ лѣтъ, но перетянутая въ ниточку и одѣтая по послѣдней модѣ, какъ молодая дама въ полномъ расцвѣтѣ юности и красоты. Лицо ея и вся фигура обличали сильное волненіе. Она стремительно бросилась къ нему на шею и сказала трогательнымъ голосомъ:

– Павелъ, милый мой Павелъ! Вѣдь онъ настоящій Домби!

– Что-жъ тутъ мудренаго? – возразилъ братъ, – м-ръ Домби былъ братъ вбѣжавшей леди. – Фамильное сходство должно быть. Но отчего ты такъ встревожена, Луиза?

– Охъ, я знаю, что это глупо, – отвѣчала Луиза, усаживаясь на стулъ и вынимая платокъ изъ ридикюля, – но онъ настоящій вылитый Домби. Въ жизнь я не видала такого сходства.

– Но въ какомъ положеніи Фанни? – сказалъ м-ръ Домби. – Съ нею что дѣлается?

– Ничего, милый Павелъ, – отвѣчала Луиза, – рѣшительно ничего, повѣрь мнѣ, такъ-таки иросто ничего. Небольшое изнуреніе, истощеніе силъ, но ничего такого, что я вытерпѣла съ моимъ Жоржемъ или Фридерикомъ. Стоитъ ей немножко потерпѣть, – вотъ и все. О, если бы Фанни была Домби! Но я не сомнѣваюсь и даже увѣрена, что она сдѣлаетъ это усиліе, котораго отъ нея требуютъ: вѣдь она знаетъ, какъ это необходимо. – Ахъ, милый Павелъ, я вся взволнована, и дрожь проняла меня съ ногъ до головы: это глупо, очень глупо; но что дѣлать? Ужъ я такъ создана. Вели мнѣ, пожалуйста, дать рюмку вина и перекусить что-нибудь. Я думала, что совсѣмъ упаду на лѣстницѣ, когда выбѣжала отъ Фанни и посмотрѣла на нашего крошечнаго пѣвунчика.

За этими словами, вызванными живѣйшимъ воспоминаніемъ о ребенкѣ, послышалась скромная походка, и кто-то слегка постучался въ дверь.

– М-съ Чиккъ, – проговорилъ ласковый женскій голосъ, – какъ вы себя чувствуете, моя милая?

– Любезный Павелъ, – тихонько сказала Луиза, вставая со стула, – это миссъ Токсъ, прекрасная, преинтересная дѣвица: мнѣ никогда бы не быть безъ нея здѣсь! Миссъ Токсъ, рекомендую вамъ – братъ мой, м-ръ Домби; Павелъ, милый Павелъ, – рекомендую: моя искренняя пріятельница, мой лучший другъ – миссъ Токсъ.

Отрекомендованная интересная дѣвица была длинная, сухоощавая фигура съ такимъ увядшимъ лицомъ, какъ-будто щеки ея были когда-то натерты линючей краской, и эта краска мгновенно сбѣжала отъ дѣйствія воды и солнечныхъ лучей. Зато ее можно было назвать настоящей розой учтивости и добродушія. Отъ продолжительной привычки вслушиваться во все, что при ней говорили, и внимательно всматриваться въ фізіономію собесѣдниковъ, какъ-будто было у ней намѣреніе неизгладимо запечатлѣть въ душѣ ихъ портреты, голова ея совершенно склонилась на одну сторону. Ея руки получили судорожную привычку подниматься сами собою въ знакъ невольнаго удивленія; въ глазахъ постоянно отражалось это же чувство. Голосъ ея былъ самый нѣжный и вкрадчивый; на самой переносицѣ усѣлась у нея небольшая шишка, и огромный орлиный носъ ея, по этой причинѣ, никогда не вздергивался кверху.

Миссъ Токсъ одѣвалась богато и даже по модѣ, но въ ея платьѣ всегда замѣтна была какая-то скудость и оборванность. На шляпкѣ или чепчикѣ у ней всегда красовались разнокалиберныя цвѣточки, и волосы иной разъ убирались странными букетами. Любопытныя глаза замѣчали также, что на ея воротникахъ, манжетахъ, косынкахъ и вообще на всемъ, гдѣ долженъ быть узелъ, два конца никогда не сходились вмѣстѣ какъ слѣдуетъ, а торчали какъ-то стран-

нымъ образомъ. Зимой носила она разные мѣховые наряды, налантины, боа, муфты; но все это никогда не приглаживалось, и мѣхъ по обыкновенію тарашился въ разныя стороны. Она любила носить маленькіе кошельки съ замочками, стрѣлявшими на подобіе пистолетовъ всякій разъ, когда она ихъ запирала или когда они запирались сами собою; эти и другія подобныя принадлежности въ ея костюмѣ содѣйствовали къ распространенію мнѣнія, что миссъ Токсъ дама независимая во всѣхъ отношеніяхъ, и такое мнѣніе она при всякомъ случаѣ старалась обратить въ свою пользу. Ея мелкая, жеманная походка была также очень для нея выгодна: она раздѣляла обыкновенный шагъ на двѣ или на три части, и это, какъ думали, происходило оттого, что миссъ Токсъ привыкла изъ каждой вещи дѣлать возможно большее употребленіе.

– Увѣрю васъ, – сказала миссъ Токсъ, – я всегда считала за величайшую честь быть представленной м-ру Домби; но, признаюсь, никакъ не думала удостоиться такой чести въ эту минуту. Любезная, милая м-съ Чиккъ... или ужъ позвольте назвать васъ просто Луизой.

М-съ Чиккъ крѣпко пожала руку миссъ Токсъ, поставила рюмку вина, отерла слезу и трогательнымъ голосомъ произнесла: – благодарю, благодарю васъ!

– Милая Луиза, – продолжала миссъ Токсъ, – дорогой мой, неоцѣненный другъ, какъ вы себя чувствуете?

– Теперь немного лучше, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – выпейте вина, моя милая; вы почти такъ-же взволнованы, какъ я, – вамъ надобно подкрѣпиться.

М-ръ Домби началъ подчивать.

– Вотъ что, любезный Павелъ, – продолжала м-съ Чиккъ, взявъ подругу за руку, – зная, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидалась я этого дня, несравненная миссъ Токсъ приготовила для Фанни небольшой подарокъ, который я общалась ей передать. Подарокъ этотъ – маленькая подушечка для булавокъ; но я должна сказать тебѣ, милый Павелъ, миссъ Токсъ обнаружила тутъ всю деликатность нѣжнаго сердца. На подушечкѣ вышито: "пожалуйста сюда, крошечка Домби"! Каково?

– Это девизъ? – спросилъ братъ.

– Да, девизъ, – отвѣчала Луиза.

– Но вы должны оправдать меня, милая Луиза, – сказала миссъ Токсъ тономъ покорной просьбы, – только лишь – ахъ, какъ бы это сказать? – неизвѣстность этого случая заставила употребить такую свободу. Мнѣ бы гораздо приличнѣй было выразиться: "пожалуйста сюда, господинъ Домби"! Но какъ могли мы знать, что дождемся такого ангельчика? Иначе бы я никакъ не позволила себѣ эту непростительную фамильярность, увѣрю васъ.

Говоря это, миссъ Токсъ сдѣлала очень граціозный книксенъ, и м-ръ Домби отвѣчалъ ей тоже очень граціознымъ поклономъ. Надобно сказать, братъ въ совершенствѣ понималъ свою сестру, считая ее слабой и пустой женщиной; тѣмъ не менѣе м-съ Чиккъ имѣла надъ нимъ большое вліяніе именно потому, что очень искусно поддѣлывалась подъ его характеръ, толкуя безпрестанно о Домби и Сынѣ.

– Вотъ теперь, – сказала м-съ Чиккъ, сладко улыбаясь, – я готова за все простить Фанни, за все!

Послѣ этого припадка христіанской любви къ ближнему, на душѣ м-съ Чиккъ сдѣлалось очень легко. Собственно говоря, ей вовсе не за что было прощать свою невѣстку, потому что та ни въ чемъ передъ ней не провинилась: преступленіе ея состояло только въ томъ, что она осмѣлилась выдти замужъ за ея брата, да еще развѣ въ томъ, что за шесть лѣтъ передъ этимъ бѣдная женщина родила дѣвочку вмѣсто сына, котораго отъ нея ожидали.

Въ эту минуту м-ръ Домби поспѣшно былъ отозванъ въ спальню жены, и дамы остались однѣ. Миссъ Токсъ немедленно настроила себя на восторженный ладъ.

– Я знала, – замѣтила м-съ Чиккъ, – что братъ мой вамъ понравится. Я говорила, что вы будете ему удивляться.

Руки и глаза миссъ Токсъ выразили глубокое удивленіе.

– А какъ онъ богатъ, моя милая!

– Ужь и не говорите! – съ глубокимъ вздохомъ произнесла миссъ Токсъ.

– Да, намъ не пересчитать его милліоновъ.

– Но каково его обращеніе, милая Луиза! – замѣтила миссъ Токсъ. – Какая осанка, какой благородный, величественный видъ! Много мужчинъ, много джентльменовъ видала я на своемъ вѣку; но ни въ комъ и наполовину не нашла такихъ достоинствъ. Что-то этакое, знаете, какая-то въ немъ сановитость, прямота, и грудь такая широкая! Это настоящій финансовый герцогъ Юркскій, никакъ не менѣе: такъ бы и хотѣлось называть его: "Ваша финансовая свѣтлость"!

– Что съ тобою, милый Павелъ? – вскричала сестра, увидѣвъ вошедшаго брата. – Ты такой блѣдный! Что тамъ случилось?

– Я ужасно разстроенъ, Луиза: доктора сказали, что Фанни...

– О, не вѣрь имъ, милый Павелъ, не вѣрь! Положись на мою опытность, мой другъ, я знаю въ чемъ дѣло: Фанни должна сдѣлать надъ собой усиліе, вотъ и все тутъ. Но къ этому усилію, – продолжала сестра, снимая шляпку и хлопотливо надѣвая перчатки, – ее надобно поощрить, побудить и даже принудить въ случаѣ нужды. Пойдемъ со мной.

На этотъ разъ м-ръ Домби дѣйствительно повѣрилъ своей сестрѣ, какъ опытной женщинѣ. Онъ нѣсколько успокоился и молча пошелъ за ней въ комнату больной.

Родильница, какъ и прежде, лежала въ постели, прижавъ къ груди маленькую дочь. Дѣвочка, какъ и прежде, плотно прильнула къ матери, не поднимая головы, не отнимая щекъ отъ ея лица. Она не обращала никакого вниманія на окружающихъ, не говорила, не шевелилась, не плакала.

– Ей дѣлается хуже безъ этой дѣвочки, – шепнулъ докторъ м-ру Домби. – Мы нарочно ее оставили.

Вокругъ постели господствовала торжественная тишина. Врачи смотрѣли на безжизненное лицо съ такимъ состраданіемъ, съ такою безнадежностью, что м-съ Чиккъ хотѣла сначала оставить свое намѣреніе. Вскорѣ однако-жъ, призвавъ на помощь свою храбрость и то, что называлось у ней присутствіемъ духа, она подѣла къ постели и тихонько проговорила такимъ голосомъ, какъ-будто хотѣла разбудить спящую:

– Фанни! Фанни!

Никакого отвѣта! Торжественная тишина нарушалась только громкимъ боемъ карманныхъ часовъ м-ра Домби и доктора Паркера Пепса.

– Фанни, милая Фанни, – повторяла м-съ Чиккъ съ принужденною веселостью, – здѣсь м-ръ Домби, онъ желаетъ видѣть тебя. Не хочешь ли говорить съ нимъ? Надо сюда положить твоего ребенка, Фанни, твоего сына, моя милая; ты еще не видала его? А вѣдь нельзя его положить, пока ты не привстанешь. Ну, моя милая, понатужься немножко; ну же?

Она нагнулась ухомъ къ постели и прислушивалась, значительно въ то же время посматривая на зрителей, поднявъ палецъ вверхъ.

– Ну же, ну! – повторила она. – Что ты говоришь, Фанни? Я не разслышала.

Нѣмое, упорное молчаніе, ни малѣйшаго звука въ отвѣтъ. Часы м-ра Домби и Пепса бѣжали взапуски, стараясь, по-видимому, перегнать другъ друга.

– Что-жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, милая Фанни? – говорила невѣстка, перемѣняя положеніе и принявъ серьезный тонъ. – Я разсорюсь съ тобой, если ты не встанешь. Тебѣ необходимо сдѣлать усиліе, быть можетъ, болѣзненное, мучительное усиліе; но ты знаешь, Фанни, на этомъ свѣтѣ ничего не достается даромъ, и мы не должны унывать, когда такъ много зависитъ отъ насъ. Ну же, милая Фанни, попробуй, попытайся, не то я право разсержусь на тебя.

Бѣготня часовъ при слѣдующей паузѣ доходила до свирѣпаго неистовства: казалось, они сталкивались и колотили другъ друга.

– Фанни! – продолжала Луиза, осматриваясь вокруг съ возрастающим беспокойством. – По крайней мѣрѣ, взгляни на меня. Открой глаза и покажи, что ты слышишь и понимаешь меня: не такъ ли? – Ахъ, силы небесныя! Ну что тутъ дѣлать, господа?

Врачи значительно помѣнялись взорами черезъ постель. Акушеръ, нагнувшись, шепнулъ что-то на ухо ребенку. Не понявъ содержанія словъ, дѣвочка обратила на доктора свое совершенно безцвѣтное лицо и глубокіе темные глаза; но ни на сколько не измѣнила своей позы.

Докторъ повторилъ свои слова.

– Маменька! – сказала дѣвочка.

Знакомый любимый голосокъ пробудилъ лучъ сознанія въ угасающей душѣ. Больная открыла глаза, и легкая тѣнь улыбки показалась на ея устахъ.

– Маменька! – кричалъ ребенокъ, громко рыдая. – Милая мама! Охъ, милая мама!

Докторъ тихонько отнялъ локоны дѣвочки отъ лица и губъ матери. Увы! Какъ спокойно они тамъ лежали! Какъ мало было дыханія въ этихъ устахъ, чтобы пошевелить ихъ!

И бѣдная мать, крѣпко ухватившись за эту слабую вѣтку, въ ея объятіяхъ, поплыла далеко по темному и невѣдомому морю, которое волнуется вокругъ всего свѣта.

Глава II

Изъ которой видно, какъ въ благоустроенныхъ фамиліяхъ заранѣе принимаютъ мѣры противъ всего, что можетъ случиться

– Ахъ, какъ я рада, что за все простила бѣдную Фанни! Вѣдь вотъ оно что, – кто бы могъ предвидѣть такой случай? Ужъ подлинно, самъ Богъ меня надоумилъ. Ну, теперь что бы ни случилось, а это всегда будетъ для меня утѣшеніемъ.

Такъ говорила м-съ Чиккъ, воротившись въ гостиную отъ модистокъ, занятыхъ наверху шитьемъ фамильнаго траура. Это замѣчаніе она сдѣлала въ назиданіе своего супруга, м-ра Чикка, толстаго, плѣшиваго джентльмена съ широкимъ лицомъ, съ руками постоянно опущенными въ карманы. М-ръ Чиккъ имѣлъ маленькую слабость насвистывать и напѣвать разныя аріи вездѣ, гдѣ бы ни привелось ему быть, и теперь, въ домѣ сѣтованія и печали, ему трудно было удержаться отъ любимой привычки.

– Не суетись такъ, Луиза, – замѣтилъ въ свою очередь м-ръ Чиккъ, – съ тобой, пожалуй, опять сдѣлаются спазмы. Тра-ла-ла! Фи, чортъ побери, все забываюсь. – Какъ, подумаешь, коротка жизнь-то человѣческая!

М-съ Чиккъ бросила сердитый взглядъ и продолжала свою назидательную рѣчь:

– Надѣюсь, – говорила она, – этотъ трогательный случай для всѣхъ послужитъ урокомъ, какъ необходимо вставать и дѣлать усилія, когда этого отъ насъ требуютъ. Во всемъ есть нравоученія: умѣй только ими пользоваться. Сами же будемъ виноваты, если выпустимъ изъ виду такой страшный урокъ.

Въ отвѣтъ на эту сентенцію м-ръ Чиккъ очень некстати затянулъ совершенно неприличную арію "Ужъ какъ жилъ поживалъ сапожникъ" и вдругъ, остановивъ себя, съ нѣкоторымъ смущеніемъ замѣтилъ, что, конечно, наша вина, если мы не пользуемся такими несчастными случаями.

– Ты могъ бы, я думаю, говорить объ этомъ, не насвистывая своихъ гадкихъ пѣсень, – возразила м-съ Чиккъ, сдѣлавъ своему супругу очень непріятную мину.

– Что дѣлать, душа моя, – отвѣчалъ м-ръ Чиккъ, – привычка!

– Глупость, а не привычка, мой милый. Умный человѣкъ постыдился бы такъ оправдываться! Привычка! Если бы я, напримѣръ, привыкла ходить вверхъ ногами по потолку, какъ мухи, тогда, я знаю, не перестали бы толковать объ этомъ.

М-ръ Чиккъ не счелъ нужнымъ оспаривать, что такая привычка дѣйствительно получила бы нѣкоторую гласность.

– Ну, что, Луиза, каковъ ребенокъ? – спросилъ онъ, чтобы переменить разговоръ.

– О какомъ ребенкѣ говоришь ты? – возразила м-съ Чиккъ. – Сегодня въ столовой было цѣлое стадо дѣтей.

– Стадо дѣтей! – бормоталъ м-ръ Чиккъ, съ безпокойствомъ озираясь вокругъ.

– Тутъ нечего и толковать, – продолжала м-съ Чиккъ, – нѣтъ бѣдной матери, такъ надо пріискать кормилицу.

– Охъ! Ахъ! – говорилъ м-ръ Чиккъ. – Тра-ла-ла! Жизнь-то наша, подумаешь. Ты ужъ, вѣроятно, нашла кормилицу, моя милая?

– Покамѣстъ нѣтъ еще, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – а между тѣмъ ребенокъ...

– Отправится къ чорту, – замѣтилъ глубокомысленно м-ръ Чиккъ, – я увѣренъ въ этомъ.

Сердитый взглядъ почтенной супруги напомнилъ ему всю неумѣстность этой выходки. Чтобы поправить такой промахъ, онъ прибавилъ:

– Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, чѣмъ – нибудь помочь до времени бѣдному сиротинкѣ?

Эта нѣжная заботливость о бѣдномъ сиротинкѣ была, сверхъ чаянія, увѣнчана вожделѣннѣйшимъ успѣхомъ. М-съ Чиккъ, не сказавъ ни слова своему супругу, величественно встала, подошла къ окну и съ большимъ вниманіемъ смотрѣла черезъ стору на подъѣзжавшій экипажъ. М-ръ Чиккъ, тоже не сказавъ ни слова, началъ ходить по комнатѣ, покоряясь судьбѣ, которая, на этотъ разъ, была противъ него. Не всегда, однако-жъ, терпѣлъ онъ такую невзгоду. Случалось, на его улицѣ тоже бывалъ прадзникъ, и тогда онъ жестоко наказывалъ Луизу. Говоря вообще, это была самая согласная, чудесно подобранная, другъ для друга сотворенная чета. Когда разгоралась между ними ссора, заранѣе никакъ нельзя было угадать, на чьей сторонѣ будетъ верхъ. Иной разъ м-ръ Чиккъ уже совсѣмъ, по-видимому, готовъ былъ сдаться, какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего вскакивалъ онъ съ мѣста, хваталъ стулья, стучалъ безъ милосердія надъ самымъ ухомъ озадаченной суируги и бросалъ все, что ни подвертывалось подъ руку. Но если окончательная побѣда была на сторонѣ м-съ Чиккъ, супружеская размолвка принимала какой то нерѣшительный характеръ, полный жизни и одушевленія.

Когда экипажъ остановился у подъѣзда, въ комнату вдругъ со всѣхъ ногъ вбѣжала миссъ Токсъ, едва переводя духъ.

– Луиза, милая Луиза, – говорила она, – мѣсто еще вѣдь не занято?

– Какъ вы добры, мой безцѣнный другъ, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – нѣтъ еще, мой ангелъ.

– Въ такомъ случаѣ, милая Луиза, – продолжала миссъ Токсъ, – я надѣюсь и увѣрена... но погодите, я тотчасъ приведу.

Черезъ минуту миссъ Токсъ снова вбѣжала въ комнату, сопровождаемая цѣлымъ конвоемъ гостей, которыхъ она высадила изъ наемной кареты. Это были: полная, круглолицая, краснощекая, здоровая молодая женщина, съ толстымъ ребенкомъ на рукахъ, за ней – молодая женщина, не такая полная, но тоже краснощекая и круглолицая, какъ наливное яблоко; она вела двухъ мальчиковъ, очень полныхъ и совершенно круглолицыхъ; позади, самъ собою, шель еще мальчикъ, круглолицый и очень полный. Наконецъ, послѣ всѣхъ выступалъ изъ-за двери толстый и круглолицый, какъ яблоко, мужчина съ полнымъ и совершенно круглолицымъ ребенкомъ на рукахъ; онъ поставилъ его на полъ и сказалъ сильнымъ голосомъ; "держись крѣпче за братца Джонни".

– Милая Луиза, – сказала миссъ Токсъ, – зная ваше безпокойство и желая помочь горю, я отправилась въ родильный домъ королевы Шарлотты и спросила, нѣтъ ли тутъ кормилицы въ хорошій домъ? Мнѣ сказали, что нѣтъ. Послѣ этого отвѣта, вы не повѣрите, моя милая, я пришла въ совершенное отчаяніе на вашъ счетъ. Но къ счастью, надо же такъ случиться: одна дама, услышавъ, въ чемъ дѣло, сказала, что знаетъ женщину очень хорошую во всѣхъ отношеніяхъ. Едва я это услышала, я взяла адресъ, моя дорогая, и тотчасъ отправилась.

– Какъ вы добры, какъ услужливы, моя милая, – сказала Луиза.

– Погодите, погодите, еще не все, – возразила миссъ Токсъ. – Когда я вошла въ домъ – какая чистая комната, моя милая, вы могли бы кушать на полу! – Все семейство сидѣло за столомъ и, какъ мнѣ показалось, что никакая рекомендація не сравнится съ тѣмъ, что я увидѣла, то я рѣшилась всѣхъ ихъ привести съ собою, чтобы лично представить вамъ и м-ру Домби. Вотъ этотъ джентльмень, – продолжала миссъ Токсъ, указывая на толстаго круглолицаго мужчину, – отецъ семейства. Не угодно ли вамъ, сэръ, подойти поближе?

Круглолицый мужчина, повинувшись приказанію, неповоротливо выступилъ впередъ и оскалилъ зубы.

– А вотъ это его жена, – продолжала миссъ Токсъ, обращаясь къ молодой женщинѣ съ ребенкомъ. – Какъ ваше здоровье, Полли?

– Слава Богу, сударыня, благодарю васъ, – отвѣчала женщина.

Миссъ Токсъ говорила какъ со старыми знакомыми, которыхъ не видала около двухъ недѣль.

– Очень рада, очень рада, – продолжала она. – А эта другая молодая женщина – ея незамужняя сестра, она живетъ съ ними и ходить за ихъ дѣтьми. Ее зовутъ Джемимой. Какъ вы поживаете, Джемима?

– Очень хорошо, сударыня, благодарю васъ, – отвѣчала Джемима.

– Ну, слава Богу, очень рада, – сказала миссъ Токсъ. – Надѣюсь, и всегда будетъ хорошо. Пятеро дѣтей. Младшему шесть недѣль. Вотъ этотъ прелестный мальчикъ съ прыщикомъ на носу старшій сынъ. Отчего у него прыщикъ? – продолжала миссъ Токсъ, обращаясь съ вопросительнымъ взгледомъ къ почтенному семейству.

– Отъ утюга, – пробормоталъ сквозь зубы яблочный мужчина.

– Извините, сэръ, что вы сказали?

– Отъ утюга, – повторилъ глава семейства.

– Ахъ, да, я и забыла, – продолжала миссъ Токсъ. – Именно такъ, отъ утюга. Ребенокъ, въ отсутствіи матери, дотронулся до горячаго утюга. Вы совершенно правы, сэръ. Когда я была у васъ, вы мнѣ сказали также, что ваше ремесло...

– Кочегаръ, сударыня.

– Да, кочегаръ, – повторила миссъ Токсъ.

– Кочегаръ, сударыня, на паровой машинѣ.

– Ну, да, кочегаръ на парахъ, – сказала миссъ Токсъ, по-видимому не совсѣмъ хорошо понимая значеніе этого ремесла. – А какъ оно вамъ нравится?

– Что, сударыня?

– Ваше ремесло.

– Славнае ремесло, сударыня. Только иной разъ пепель входитъ сюда, – онъ указалъ на грудь, – и отъ этого голосъ становится сиплымъ. Я, вотъ видите, хриплю, сударыня, но это отъ пепла, не отъ чего другого.

Миссъ Токсъ, по-видимому, такъ мало понимала это объясненіе, что не знала, какъ продолжать разговоръ. Между тѣмъ м-съ Чиккъ подробно спрашивала жену кочегара о дѣтяхъ, о домашнемъ житьѣ-бытьѣ, о брачномъ свидѣтельствѣ, и такъ далѣе. Когда молодая женщина съ честью выдержала этотъ экзаменъ, м-съ Чиккъ отправилась съ донесеніями въ комнату брата, взявъ съ собой двухъ особенно полныхъ краснощекихъ мальчиковъ, какъ блистательное дополненіе къ своей рекомендаціи.

М-ръ Домби по смерти жены безвыходно оставался въ своей комнатѣ, погруженный въ глубокія размышленія относительно младенчества, юности, воспитанія и будущей судьбы своего сына. Тяжелое и холодное бремя лежало на его душѣ; но онъ горевалъ больше о лишеніяхъ сына, чѣмъ о собственной своей потерѣ. Какая опасность, какія огорченія ожидаютъ его при самомъ вступленіи въ свѣтъ! Жизнь только что начинается, – и вотъ нужно пріискивать чужую, постороннюю женщину, отъ которой будутъ зависѣть первыя впечатлѣнія, первое развитіе ребенка: какое горестное униженіе для Домби и сына! Мысль, что наемная женщина должна будетъ на время выполнять всѣ обязанности матери, была такъ противна, такъ огорчительна для гордой и ревливой души его, что онъ чувствовалъ явное удовольствіе всякій разъ, когда отказывалъ кандидаткамъ, которыхъ ему представляли. Но пришло наконецъ время, когда нужно прекратить борьбу между этими двумя чувствованіями. Передъ нимъ стояли прекрасныя дѣти будущей кормилицы, безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ, блистательно отрекомендованной родною сестрой и услужливою миссъ Токсъ.

– Дѣти очень здоровы, – сказалъ Домби, – но когда я подумаю, что со временемъ они, нѣкоторымъ образомъ, сдѣлаются роднею моего Павла... Отведи ихъ, Луиза! Пусть войдетъ женщина съ своимъ мужемъ.

Черезъ минуту неуклюжая чета остановилась передъ очами м-ра Домби.

– Я понимаю, – сказалъ онъ, поворачиваясь въ креслахъ, какъ заведенная безжизненная машина, а не какъ существо изъ плоти и крови; – вы бѣдны и вы желаете заработать деньжонокъ

чрезъ воспитаніе дитяти, моего сына, который такъ рано понесъ ничѣмъ незамѣнимую потерю. Я съ своей стороны не прочь пособить вамъ. Судя по всему, вы годитесь для моего сына. Но прежде чѣмъ вы войдете въ мой домъ, я долженъ предложить два-три условія, и отъ васъ будетъ зависѣть принять или не принять ихъ. Какъ ваша фамилія?

– Тудль, – отвѣчала молодая женщина.

– Во все время, как вы пробудете у меня, – продолжалъ м-ръ Домби, – вы должны прозваться «Р_и_ч_а_р_д_с_ъ»: это обыкновенная и очень приличная фамилія. Принимаете ли вы это условіе? Посовѣтуйтесь съ мужемъ.

Но почтенный супругъ только скалилъ зубы и безпрестанно подносилъ ко рту правую руку, отчего ладонь была у него очень мокра. М-съ Тудль толкнула его два или три раза; но такъ какъ это его нисколько не образумило, она учтиво сдѣлала книксенъ и сказала, что, вѣроятно, дадутъ ей особую плату, если она перемѣнитъ свою фамилію.

– Само собою разумѣется, – отвѣчалъ м-ръ Домби. – Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь вотъ еще условіе: во все время, какъ станете вы, за извѣстное вознагражденіе, воспитывать моего сиротку, я желаю, чтобы вы какъ можно рѣже видѣлись со своимъ семействомъ. Потомъ, какъ скоро услуги ваши сдѣлаются бесполезными и денежные счета будутъ между нами кончены, я хочу, чтобы съ того времени прекратились всѣ сношенія между нами. Понимаете ли вы меня?

М-съ Тудль, по-видимому, не совсѣмъ вникла въ смыслъ этого условія, а супругъ ея попрежнему скалилъ зубы, вовсе не обращая вниманія на разговоръ.

– У васъ есть свои дѣти, – продолжалъ м-ръ Домби. – Въ нашу торговую сдѣлку отнюдь не входитъ, что вы обязаны полюбить моего сына или чтобы мой сынъ со временемъ полюбилъ васъ. Я не ожидаю и вовсе не желаю чего-нибудь въ этомъ родѣ. Совсѣмъ напротивъ. Какъ скоро вы отойдете, торгъ нашъ оконченъ, условія выполнены, и вы не должны больше знать моего дома. Ребенокъ перестанетъ васъ помнить и вы, если угодно, можете совершенно забыть моего сына.

Яркій румянецъ покрылъ и безъ того красныя щеки м-съ Тудль. Она потупила глаза и отвѣчала:

– Надѣюсь, сэръ, я знаю свое мѣсто.

– Конечно, конечно, – продолжалъ м-ръ Домби, – я увѣренъ, что вы отлично понимаете свое мѣсто. Иначе и быть не можетъ: это такъ просто и обыкновенно! Любезная Луиза, уговорись съ этой женщиной насчетъ жалованья, и скажи, что она можетъ получить деньги когда ей угодно. Теперь съ вами, м-ръ – какъ ваше имя? – пару словъ.

Задержанный такимъ образомъ на порогѣ при выходѣ изъ комнаты вмѣстѣ съ женой, Тудль воротился и очутился одинъ на одинъ съ мромъ Домби. Это былъ дюжій, широкоплечій, косматый, неуклюжій мужчина въ растрепанномъ платьѣ, съ мозолями на рукахъ, съ четырехугольнымъ лбомъ, съ густыми волосами, съ черными усами и бакенбардами, еще болѣе вычерненными дымомъ и копотью. Онъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ поразительный контрастъ съ м-ромъ Домби, принадлежавшимъ къ породѣ тѣхъ гладко обритыхъ и выстриженныхъ купцовъ-капиталистовъ, у которыхъ голова лоснится, какъ новая банковая ассигнація, и которые, по-видимому, вспырынуты золотымъ дождемъ.

– Есть у васъ сынъ? – спросилъ м-ръ Домби.

– Четыре, сэръ. Четверо сыновей и одна дочь. Всѣ живехоньки.

– Вамъ, я думаю, довольно трудно содержать ихъ? – продолжалъ м-ръ Домби.

– Трудновато, сэръ; но еще было бы труднѣе...

– Что такое?

– Потерять ихъ, сэръ.

– Умѣете вы читать? – спросилъ м-ръ Домби.

– Не бойко, сэръ.

– А писать?

– Мѣломъ, сэръ?

– Чѣмъ-нибудь.

– Мѣломъ немножко маракаю, когда мнѣ показываютъ, – сказалъ Тудль послѣ нѣкотораго размышленія.

– А вѣдь вамъ, я думаю, будетъ около тридцати двухъ или трехъ лѣтъ.

– Да, около этого, сэръ, – отвѣчалъ Тудль, подумавъ немного побольше.

– Отчего же вы не учитесь? – спросилъ м-ръ Домби.

– Я ужъ подумываю объ этомъ, сэръ. Вотъ видите ли, одинъ изъ моихъ мальчугановъ скоро будетъ ходить въ школу, и тогда мы станемъ учиться вмѣстѣ... то есть, онъ будетъ мнѣ показывать,

– Хорошо! – сказалъ м-ръ Домби, внимательно и не совсѣмъ благосклонно посмотрѣвъ на своего собесѣдника, который между тѣмъ, разиня ротъ, осматривалъ комнату, особенно потолок. – Вы слышали, что я сказалъ вашей женѣ?

– Полли все слышала, сэръ, – сказалъ Тудль, указывая черезъ плечо шляпой къ дверямъ, съ видомъ совершеннѣйшаго довѣрія къ дражайшей половинѣ. – Все будетъ ладно.

– Такъ какъ вы во всемъ полагаетесь на свою жену, – продолжалъ м-ръ Домби, обманутый въ намѣреніи яснѣйшимъ образомъ изложить свои условія мужу, какъ главному лицу въ этой сдѣлкѣ, – то я думаю, мнѣ не о чемъ больше толковать съ вами.

– Совершенно не о чемъ, сэръ, – отвѣчалъ Тудль. – Полли все слышала, а ужъ она не дастъ промаху.

– Такъ я не хочу дольше васъ удерживать, – сказалъ м-ръ Домби, озадаченный неожиданнымъ отвѣтомъ. – А гдѣ вы работали?

– Сперва, сэръ, подъ землею, пока не былъ женатъ. А теперь работаю наверху. Я хожу на желѣзныя дороги, когда ихъ совсѣмъ отдѣлываютъ.

Какъ послѣдняя соломенка подавляетъ своей тяжестью спину навьюченного верблюда, такъ это послѣднее извѣстіе о подземельной работѣ окончательно разстроило гордую душу м-ра Домби. Онъ молча указалъ на дверь будущему кормильцу своего сына, и тотъ вышелъ, по-видимому, очень охотно. Потомъ, заперевъ комнату, м-ръ Домби началъ ходить взадъ и впередъ, погруженный въ горькое раздумье. Несмотря на непоколебимое достоинство и умѣнье владѣть собою, слезы невольно текли изъ его глазъ, и часто въ сильномъ волненіи онъ повторялъ: "бѣдное, бѣдное дитя"! Этой горести, этого разстроеннаго вида м-ръ Домби ни за что въ свѣтѣ не обнаружилъ бы передъ другими людьми.

Довольно характеристическая черта въ гордости нашего героя, что онъ въ своемъ сынѣ жалѣлъ самого себя. "И такъ", говорилъ онъ, "я принужденъ ввѣрить своего сына женѣ грубаго рабочаго, всю жизнь работавшаго подъ землею!.. А между тѣмъ смерть ни разу не постучалась въ двери этого рабочаго, а за столомъ его ежедневно обѣдаютъ четверо сыновей. Что будетъ съ тобою, бѣдное дитя мое"?

Эти слова шевелились на его губахъ, какъ вдругъ пришло ему въ голову, – и здѣсь опять новое доказательство притягательной силы, по которой всѣ его надежды, опасенія, мысли постоянно стремились къ одному общему центру, – что эта женщина подвергалась въ его домѣ великому искушенію. Собственный ея ребенокъ былъ еще въ пеленкахъ: что, если она задумаетъ подмѣнить его на мѣсто маленькаго Домби?

Хотя эту мысль онъ тотчасъ же отвергнулъ какъ романическую и невѣроитную, – впрочемъ безспорно возможную, – однако, воображеніе его невольно продолжало рисовать картину такого подмѣна. Что мнѣ дѣлать, думалъ онъ, если обманъ откроется, когда ребенокъ уже вырастетъ? Въ состояніи ли буду я, послѣ многихъ лѣтъ, лишить обманщика своей заботливости, довѣрія и привычной нѣжности, и перенести все это на родного сына, который между тѣмъ сдѣлается для меня совершенно чужимъ?

Впрочемъ, это необыкновенное волненіе скоро прошло, и опасенія совершенно исчезли. Тѣмъ не менѣе м-ръ Домби рѣшился на всякій случай строго присматривать за кормилицей, не давая ей этого замѣтить. На душѣ у него стало легко, и теперь былъ онъ очень радъ, что заранѣе выговорилъ условіе, отстранявшее тѣсную связь между этой женщиной и его сыномъ.

Между тѣмъ условія между м-съ Чиккъ и Ричардсъ, при содѣйствіи миссъ Токсъ, были заключены, и Ричардсъ съ большими церемоніями, какъ будто давали ей орденъ, получила маленькаго Домби, передавъ въ то же время, послѣ многихъ слезъ и поцѣлуевъ, своего ребенка Джемимъ. Потомъ принесли вина, чтобы развеселить печальныхъ гостей.

– Не хотите ли рюмку вина, сэръ? – сказала миссъ Токсъ, когда вошелъ Тудль.

– Благодарствую, сударыня, – отвѣчалъ кочегаръ, – почему же нѣтъ? Выпить можно, когда подносятъ.

– Не правда ли, вамъ очень пріятно оставить свою милую жену въ такомъ почтенномъ домѣ? – продолжала миссъ Токсъ, лукаво прищуривая глаза и кивая головой въ его сторону.

– Вовсе нѣтъ, сударыня, – отвѣчалъ Тудль, – мнѣ пріятнѣе было бы увезти ее назадъ.

При этомъ Полли заплакала навзрыдь. М-съ Чиккъ, по женскому инстинкту, поняла, что такая неумѣренная печаль можетъ сдѣлаться вредною для маленькаго Домби, и немедленно поспѣшила на выручку.

– О чемъ тужить, моя милая? – сказала она. – Вашъ ребенокъ вырастетъ безъ горя и безъ нужды подъ надзоромъ тетушки Джемимы, и вы здѣсь будете совершенно счастливы. Что дѣлать? Безъ горя на этомъ свѣтѣ ничего не бываетъ; надо владѣть собою. Не сняли ли съ васъ мѣрку, Ричардсъ, для траурнаго платья?

– Сняли, сударыня, – рыдая отвѣчала Полли.

– А платье будетъ чудесное, – продолжала м-съ Чиккъ, – эта мадамъ шьетъ и для меня. Безподобная матерія!

– Вы будете такъ хороши, – прибавила миссъ Токсъ, – что и мужъ васъ не узнаетъ: не правда ли, сэръ?

– Неправда, – угрюмо возразилъ Тудль, – я угадаю ее вездѣ и во всемъ.

Ясно, кочегаръ отъ рукъ отбивался.

– Что касается до кушанья, Ричардсъ, – сказала м-съ Чиккъ, – самыя лучшія блюда будутъ въ вашемъ распоряженіи. Вы сами станете заказывать обѣдъ, и все, чего ни захотите, мигомъ для васъ приготовятъ.

– О, разумѣется! – сказала миссъ Токсъ, усердно поддерживая подругу. – И пива она можетъ также пить сколько душѣ угодно. Не правда ли, Луиза?

– Конечно, конечно, – отвѣчала м-съ Чиккъ такимъ же тономъ. – Только вамъ нужно будетъ, моя милая, немножко воздержаться отъ зелени.

– И еще, можетъ быть, отъ соленаго, – подхватила миссъ Токсъ.

– А кромѣ зелени и соленаго, – продолжала Луиза, – вы будете получать все, что хотите, безъ всякаго ограниченія.

– Вы знаете, разумѣется, – сказала миссъ Токсъ, – что она горячо любитъ своего собственнаго ребенка, и вы, я увѣрена, Луиза, не станете ее бранить за это?

– О, безъ сомнѣнія! – благосклонно отвѣчала м-съ Чиккъ.

– Но ей, конечно, – продолжала миссъ Токсъ, – нужно обратить все вниманіе, всю заботливость на своего маленькаго воспитанника. Она должна считать величайшимъ счастьемъ, что этртъ херувимчикъ, такъ тѣсно связанный съ высшимъ обществомъ, будетъ на ея глазахъ расцвѣтать съ каждымъ днемъ. Не правда ли, Луиза?

– Безъ всякаго сомнѣнія! – сказала м-съ Чиккъ. – Вы видите, душа моя, она ужъ совершенно успокоилась и думаетъ только, какъ бы съ веселымъ сердцемъ и улыбкой проститься со своей сестрицей Джемимой, съ дѣтками и съ честнымъ мужемъ. Не такъ ли, моя милая?

– Ну, да, – вскричала миссъ Токсъ, – видно по глазамъ, что ей хочется проститься.

Бѣдная Полли съ отчаяніемъ въ душѣ обняла всѣхъ членовъ семейства и потомъ хотѣла скрыться въ своей комнатѣ, чтобы избѣжать горестной разлуки съ дѣтьми. Но хитрость не удалась: младшій сынъ, угадывая намѣреніе матери, ухватился за ея платье и побѣждалъ вмѣстѣ съ ней, между тѣмъ какъ старшій, прозванный въ семействѣ котломъ, въ воспоминаніе паровой машины, забилъ ногами яростную тревогу, и его примѣру послѣдовали прочіе члены семейства.

Нѣсколько апельсиновъ и мелкихъ денегъ усмирили маленькихъ Тудлей, и семейство немедленно отправилось домой въ наемной каретѣ, ожидавшейся у подъѣзда. Дѣти, подъ надзоромъ Джемимы, стали у окна и бросали оттуда апельсины и деньги. Самъ м-ръ Тудль расположился на запяткахъ, считая этотъ родъ ѣзды удобнѣе всѣхъ другихъ.

Глава III

Мистеръ Домби, какъ человѣкъ и отецъ, является главою домашняго департамента

Когда похороны покойной леди были окончены къ совершенному удовольствію гробовщика и вообще всѣхъ сосѣдей, очень взыскательныхъ на этотъ счетъ и готовыхъ обижаться за всякія упущенія при такихъ церемоніяхъ, различные члены въ хозяйствеинномъ департаментѣ м-ра Домби заняли свои мѣста по домашнему управленію. С_е_й м_а_л_ы_й м_і_р_ъ – увы! – какъ и большой, отличался похвальною способностью скоро забывать своихъ мертвецовъ. Когда кухарка сказала, что покойница – вѣчная ей память! – была очень тихаго характера, а ключница прибавила, что таковъ есть общій жребій всѣхъ человѣковъ; когда буфетчикъ сказалъ: "кто бы могъ это подумать!", а горничная съ лакеемъ проговорили, что имъ все это мерещится какъ будто во снѣ; тогда назидательный предметъ совершенно истощился, и всѣ единодушно рѣшили, что траурное платье слишкомъ скоро износилось.

Что касается до кормилицы Ричардсъ, заключенной наверху въ качествѣ почетной плѣнницы, заря новой ея жизни, казалось, разсвѣтала холодно и угрюмо. Огромный домъ м-ра Домби стоялъ на тѣнистой сторонѣ высокой, темной и во всѣхъ отношеніяхъ модной улицы между Портлендской площадью и Брайэнстонскимъ скверомъ. Это былъ угольный домъ, занятый внизу погребами съ желѣзными рѣшетками и кривыми дверями, искоса поглядывающими на мусорныя ямы, печальный домъ съ круглыми флигелями назади, содержащими цѣлый рядъ парадныхъ комнатъ, обращенныхъ на дворъ, устланный щебнемъ, гдѣ торчали два тощихъ дерева съ почернѣвшими пнями и вѣтвями, съ закоптѣлыми листьями, которые немилосердно трещали при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Лѣтнее солнце появлялось на улицѣ только во время завтрака вмѣстѣ съ водовозами, ветошниками, починщиками старыхъ зонтиковъ, цвѣточниками и продавцами стѣнныхъ часовъ, возвѣщавшими о своемъ появленіи звонкой трелью колокольчика. Но скоро дневное свѣтило исчезало, а за нимъ выступали на сцену бродячія труппы музыкантовъ, шарманщики съ куклами и обезьянами, продавцы бѣлыхъ мышей, а иногда, для довершенія спектакля, появлялся балагуръ, промышлявшій ежами. Въ сумерки, когда вся эта компанія съ дневной добычей убиралась во свояси, выходили къ воротамъ лакеи, если господа ихъ обѣдали не дома, и фонарщикъ, по заведенному обычаю, употреблялъ суетныя усилія освѣтить улицу газомъ.

Огромный и пусть былъ домъ м-ра Домби снаружи и внутри. Тотчасъ же, послѣ похоронъ негоціантъ приказалъ накрыть чехлами всю мебель – быть можетъ, для того, чтобы сберечь ее для сына – и фізіономія комнатъ измѣнилась, за исключеніемъ тѣхъ, которыя оставлены были для самого хозяина въ нижнемъ этажѣ. Среди уединенныхъ залъ и гостиныхъ явились таинственныя фигуры изъ стульевъ и столовъ, собранныхъ въ одну кучу и нахлобученныхъ большими саванами. На колокольчикахъ, столахъ, зеркалахъ, окутанныхъ газетными и журнальными листами, мелькали отрывочныя извѣстія о смертяхъ и страшныхъ убійствахъ. Каждая люстра, обернутая въ голландское полотно, казалась огромной чудовищной слезою, висѣвшей изъ потолочнаго глаза. Изъ каждаго камина несло сыростью и затхлымъ воздухомъ, какъ изъ могильнаго склепа. Умершая и похороненная леди смотрѣла изъ картинной рамы, какъ страшное привидѣніе въ бѣломъ саванѣ. Вѣтеръ между тѣмъ безпрестанно развѣвалъ полу-сгнившіе клочки соломы, насланной подлѣ дома, когда хозяйка была больна: эти клочки, по какому-то невидимому притяженію, постоянно летѣли къ порогу противоположнаго грязнаго дома, который отдавался внаймы, и, казалось, посылали оттуда печальную рѣчь къ окнамъ м-ра Домби.

Комнаты, назначенныя негоціантомъ для собственнаго употребленія, примыкая къ большой залѣ, состояли изъ кабинета, библіотеки и столовой, въ которую превращена маленькая стеклянная горница, обращенная окнами къ означеннымъ сухопарымъ деревьямъ, гдѣ по обыкновенію разгуливали кошки. Библіотека была въ то же время и гардеробною, такъ что запахъ веленовой бумаги, пергамента, кожи и русскаго сафьяна смѣшивался въ ней съ запахомъ ваксы и сапоговъ. Эти три комнаты соединялись бдна съ другого. Поутру, когда м-ръ Домби изволилъ кушать свой обыкновенный завтракъ, и вечеромъ, когда онъ возвращался домой къ обѣду, мадамъ Ричардсъ должна была, по звону колокольчика, являться въ стеклянную комнату и расхаживать взадъ и впередъ со своимъ маленькимъ питомцемъ. Бросая по временамъ украдкой бѣглые взоры на м-ра Домби, который сидѣлъ въ далекомъ углубленіи и безмолвно посматривалъ на ребенка изъ-подъ темной тяжелой мебели – домъ былъ прадѣдовскій, старомодный и угрюмый – кормилица мало-по-малу начала приходить къ заключенію, что хозяинъ ея очень похожъ на арестанта въ тюремномъ замкѣ, или на странное привидѣніе, на выходца съ того свѣта безъ способности говорить и понимать языкъ живыхъ людей.

Уже нѣсколько недѣль кормилица вела такую жизнь и носила маленькаго Павла. По временамъ выходила она со двора, но отнюдь не одна: по обыкновенію въ хорошую погоду заходила за ней м-съ Чиккъ въ сопровожденіи миссъ Токсъ: онѣ приглашали ее съ ребенкомъ освѣжиться чистымъ воздухомъ, или, другими словами, церемонно ходить по мостовой взадъ и впередъ на подобіе погребальнаго конвоя. Разъ, когда послѣ одной изъ такихъ процессій Ричардсъ возвратилась къ себѣ наверхъ и сѣла съ ребенкомъ подлѣ окна, дверь въ ея комнату потихоньку отворилась, и на порогѣ остановилась черноглазая маленькая дѣвочка.

– Это, вѣроятно, миссъ Флоренса воротилась отъ своей тетки, – подумала Ричардсъ, еще не выдавшая хозяйской дочери. – Что вамъ угодно, миссъ?

– Это мой братъ? – спросила дѣвочка, указывая на ребенка.

– Да, моя красавица, – отвѣчала Ричардсъ, – подойдите, поцѣлуйте его.

Но дѣвочка, не двигаясь съ мѣста, задумчиво посмотрѣла на лицо кормилицы и сказала:

– Что вы сдѣлали съ моей мамой?

– Господи, помилуй! – вскричала Ричардсъ, – Какой печальный вопросъ! Что я сдѣлала?

Ничего, миссъ

– Что о_н_и сдѣлали съ моей мамой? – повторила Флоренса.

– Въ жизнь не видала такой жалости! – проговорила Ричардсъ, невольно поставивъ себя въ положеніе покойной леди и вспоминая о собственныхъ дѣтяхъ. – Подойдите поближе, моя милая, не бойтесь меня!

– Я не боюсь васъ, – отвѣчала дѣвочка, входя въ комнату, – но мнѣ надобно знать: что они сдѣлали съ моей мамой?

– Голубушка, – скааала Ричардсъ, – это черное платье вы носите въ воспоминаніе о своей маменькѣ.

– Я могу помнить свою маменьку во всякомъ платьѣ, – проговорилъ ребенокъ со слезами на глазахъ.

– Но ужъ такъ заведено надѣвать черное платье, когда отходятъ.

– Куда отходятъ?

– Сядьте здѣсь, моя милая, – сказала растроганная женщина, – я расскажу, какъ и что однажды случилось.

Въ живой увѣренности получить отвѣтъ на свой вопросъ, Флоренса положила шляпку, которая до сихъ поръ была у нея въ рукахъ, сѣла на маленькую скамейку у ногъ кормилицы и пристально уставила на нее глаза.

– Жила-была, – начала Ричардсъ, – одна леди, очень добрая леди, и была у ней маленькая дочь, и эта дочка нѣжно любила ее.

– Очень добрая леди, и маленькая дочка нѣжно любила ее, – повторила Флоренса.

– И угодно стало Богу, чтобы захворала добрая леди, захворала и умерла.
Ребенокъ вздрогнулъ.

– И умерла добрая леди, и никто не увидитъ ее здѣсь, и похоронили добрую леди въ сырой землѣ, гдѣ деревья растутъ.

– Въ сырой землѣ! – проговорила дѣвочка, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

– Нѣтъ, нѣтъ, я ошиблась: не въ сырой, а въ теплой землѣ, гдѣ дурныя, грязныя сѣмена превращаются въ прекрасныя цвѣточки, и въ траву, и въ колосья, и ужъ не знаю, во что еще, гдѣ добрыя души превращаются въ свѣтлыхъ ангеловъ и улетають на небеса!

Ребенокъ, опустившій передъ этимъ головку, поднялъ ее опять и внимательно началъ смотрѣть на рассказчицу.

– Ну, такъ... дай Богъ память! – сказала Полли, сильно взволнованная этимъ пытливымъ взоромъ, своимъ желаніемъ утѣшить дитя внезапнымъ успѣхомъ и слабымъ довѣріемъ къ собственнымъ силамъ. – Ну, такъ когда эта добрая леди умерла, куда бы ни дѣвали ее, гдѣ бы ни положили, она отошла къ Богу! И она молится Ему, эта добрая леди, – продолжала Полли, рас-
троганная до глубины души, – чтобы онъ научилъ ея маленькую дочку вѣрить, что она счастлива на небесахъ и любить по прежнему свое дитя, – научилъ надѣяться. – Охъ, всю жизнь надѣяться, – что и она, эта маленькая дочка, свидится съ нею на небесахъ, свидится и не разстанется никогда, никогда, никогда!

– Это моя мама! – закричала дѣвочка, вскочивъ съ мѣста и обнимая кормилицу.

– И сердце этого дитяти, – говорила Полли, прижимая Флоренсу къ своей груди, – сердце этой маленькой дочки наполнилось такою нѣжностью, такою вѣрою, что даже когда она слышала объ этомъ отъ чужой посторонней женщины, не умѣвшей хорошенько рассказывать, но которая сама была бѣдная мать и больше ничего, – она нашла утѣшеніе въ ея словахъ, перестала чувствовать себя одинокою, зарыдала и прижалась къ груди этой женщины, нѣжно прильнула къ младенцу, что на ея колѣняхъ, и – тогда, тогда, тогда, – продолжала Полли, лаская кудри дѣвочки и обливая ихъ слезами, – тогда, мое милое, бѣдное дитя...

– Эй, миссъ Флой? Куда вы затесались? Развѣ не знаете, какъ папаша будетъ сердиться? – закричалъ у дверей громкій, пронзительный голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ вошла низенькая, смуглая, курносая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ выразительными черными глазами, сверкавшими какъ бусы. – Вѣдь вамъ крѣпко-накрѣпко запрещено сюда таскаться! Зачѣмъ вы тормозите кормилицу?

– Она нисколько не беспокоитъ меня, – отвѣчала изумленная Полли, – я очень люблю дѣтей.

– Не въ томъ дѣло, не въ томъ дѣло, м-съ Ричардсъ, – возразила черноглазая дѣвчонка съ такимъ колкимъ видомъ, какъ будто хотѣла проглотить свою жертву, – прошу извинить – какъ бишь васъ? – м-съ Ричардсъ; я, вотъ видите ли, м-съ Ричардсъ, очень люблю бисквиты, да вѣдь мнѣ не подають ихъ къ чаю.

– Не въ этомъ дѣло, – сказала въ свою очередь Полли.

– А въ чемъ же этакъ, по вашему, любезная моя м-съ Ричардсъ? Не худо бы вамъ зарубить хорошенько на носъ, что вы ходите за м-ромъ Павломъ, а миссъ Флой подъ моимъ надзоромъ.

– Къ чему же намъ ссориться? – возразила Полли.

– Не къ чему, совершенно не къ чему, несравненная моя м-съ Ричардсъ, вотъ-таки рѣшительно не къ чему, – скороговоркой отвѣчала Выжига, – я вовсе не желаю ссориться; миссъ Флой у меня всегда, м-ръ Павелъ у васъ на время.

Выжига выражалась сжато и сильно, употребляя по-видимому, только запятые, и выстрѣливая одной сентенціей, не переводя духу, все, что вертѣлось у нея на языкѣ.

– Миссъ Флоренса только что воротилась домой: не правда ли? – спросила кормилица.

– Ну, да, м-сь Ричардс, она только что воротилась домой, а вы, мисс Флой, не успѣли повернуться, и ужъ нашли время выпачкать дорогое траурное нлатье, которое м-сь Ричардс носить по вашей матери.

Съ этими словами Выжига, которой настоящее имя было Сусанна Нипперъ, оторвала дѣвочку отъ ея новаго друга съ такимъ сильнымъ и крутымъ порывомъ, какъ будто вырывала зубъ. Но все это, казалось, дѣлала она не столько по обдуманной злости, сколько отъ усерднаго желанія выполнить свою обязанность надзирательницы.

– Теперь, когда мисс Флоренса воротилась домой, – сказала Полли, бросая ободрительную улыбку на здоровое лицо дѣвочки, – она будетъ совершенно счастлива и увидитъ нынче своего милаго папеньку.

– Что-оо? Что вы сказали, м-сь Ричардс? – закричала во все горло Сусанна Нипперъ. – Она увидитъ милаго папеньку? Вотъ новости! Хотѣла бы я посмотрѣть, какъ она его увидитъ!

– Почему же нѣтъ? – спросила Полли.

– Да потому... ахъ, какая вы странная, м-сь Ричардс! У папеньки ея теперь есть кого видѣть; да и прежде, какъ никѣмъ онъ не былъ занятъ, мисс Флой никогда не была его любимицей, такъ какъ, вотъ видите ли, м-сь Ричардс, женщина въ этомъ домѣ ничего не значить, право ничего.

Дѣвочка быстро взглянула на собесѣдницъ, какъ будто понимала и чувствовала этотъ разговоръ.

– Вы удивляете меня! – сказала Полли. – Неужели м-ръ Домби не видалъ ее съ тѣхъ поръ?

– Не видалъ, не видалъ, – прервала Сусанна Нипперъ. – Да и прежде того онъ не видалъ ее мѣсяцевъ пять-шесть, и если бы передъ тѣмъ онъ встрѣтился съ ней на улицѣ, онъ не угадалъ бы въ ней мисс Флой, да и что тутъ толковать? Встрѣтъ онъ ее хоть завтра, право, не узнаетъ, что это его дочь. Такъ-то, м-сь Ричардс! Ну, и что касается до меня, – продолжала Выжига, не переводя духу и помирая со смѣху, – бьюсь объ закладъ, м-ръ Домби вовсе не знаетъ, что живетъ на свѣтѣ Сусанна Нипперъ Выжига, его покорная слуга.

– Бѣдненькая! – сказала Ричардс, думая о маленькой Флоренсѣ.

– Такъ-то, любезная моя Ричардс! – продолжала Сусанна Нипперъ. – Нашъ хозяинъ настоящій великій моголь, который живетъ отъ насъ за тридевять земель въ тридесатомъ царствѣ, право, такъ. Ну, прощайте, Ричардс! А вы, мисс Флой, идите-ка со мной, да смотрите, впередъ ведите себя хорошенько, не такъ, какъ невоспитанная, глупая дѣвчонка, что всѣмъ вѣшается на шею.

Но, несмотря на строгій выговоръ, несмотря даже на опасность вывихнуть правое плечо, если Сусанна Нипперъ по-прежнему рванетъ за руку, маленькая Флоренса вырвалась отъ своей надзирательницы и нѣжно поцѣловала кормилицу.

– Прощайте, – говорила дѣвочка, – прощайте. моя добрая! Скоро я опять къ вамъ приду, а не то вы приходите ко мнѣ. Сусанна намъ позволить видѣться: не правда ли, Сусанна?

Собственно говоря, Выжига въ сущности была довольно добрая дѣвушка и вовсе не злого характера; только она принадлежала къ разряду тѣхъ воспитателей юношества, которые думаютъ, что надобно толкать и трясти дѣтей, какъ звонкую монету, чтобы они сохранили свой первоначальный блескъ. Когда Флоренса обратилась къ ней съ умоляющимъ и кроткимъ взоромъ, она сложила свои коротенькія руки, покачала головой, и большіе, открытые черные глаза ея приняли ласковое выраженіе.

– Напрасно вы объ этомъ просите, мисс Флой. Отказать вамъ, вы знаете, я не могу, вотъ мы посмотримъ съ кормилицей, что надобно дѣлать; мнѣ бы хотѣлось съѣздить въ Чансю, да только не знаю, какъ оставить Лондонъ; хорошо, если бы м-сь Ричардс на это время согласилась за вами смотрѣть.

Полли согласилась на предложеніе.

– Въ этомъ домѣ веселье никогда не ночевало, – продолжала Выжига, – и намъ было бы глупо съ своей стороны дичиться другъ друга и увеличивать скуку. Если бы какая-нибудь Токсъ, или какая-нибудь Чиккъ вздумала для потѣхи вырвать у меня два переднихъ зуба, я была бы дура, когда бы подставила ей всю свою челюсть.

Полли не сочла нужнымъ опровергать этой сентенціи.

– И выходить, – заключила Сусанна Нипперъ, – что мы должны жить но пріятельски, м-съ Ричардсъ, пока вы возитесь у насъ съ маленькимъ Павломъ, только, разумѣется, не надо нарушать порядка, который тутъ заведенъ. Эй, миссъ Флой, вы еще по сю пору не раздѣлись? Ахъ, вы глупое, неразумное дитя, ступайте домой!

Съ этими словами Выжига схватила свою воспитанницу и вышла изъ комнаты.

На лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ бѣдной сиротки выражалось столько грусти и кроткаго, безропотнаго самоотверженія, что кормилица маленькаго Домби почувствовала глубокое состраданіе, когда осталась опять одна. Сердце несчастной дѣвочки горѣло пламеннымъ желаніемъ любви – и некого было любить ей! Ея душа проникнута была болѣзненной тоскою – и никто не раздѣлялъ ея горя! Никто не брался облегчить бремя ея страданій! Все это какъ нельзя лучше постигало материнское сердце м-съ Ричардсъ, и она почувствовала, что съ этой поры между ней и безпріютной сироткой утверждается родъ довѣренности, важной и необходимой для обѣихъ. Флоренса, въ свою очередь, инстинктивно поняла это искреннее участіе, такъ неожиданно встрѣченное въ незнакомой женщинѣ.

Несмотря на высокое мнѣніе кочегара о своей супругѣ, его Полли, такъ же, какъ и онъ, не имѣла никакого понятія о житейскомъ благоразуміи. Но она представляла изъ себя простой, безыскусственный образецъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя въ общей массѣ живѣе, благороднѣе, вѣрнѣе, возвышеннѣе чувствуютъ и гораздо долѣе сохраняютъ въ душѣ всю нѣжность и сожалѣніе, самоотверженіе и преданность, нежели грубыя натуры мужчинъ. Быть можетъ, при всей необразованности, ей удалось бы своевременно забросить лучъ сознанія въ черствую душу м-ра Домби, и это сознаніе впослѣдствіи не поразило бы его подобно яркой молніи.

Но мы удаляемся отъ предмета. Полли въ это время думала только о томъ, какъ бы потѣснѣе сблизиться съ бойкой Сусанной и повести дѣла такъ, чтобы можно было видѣться съ маленькой Флоренсой безъ бунта и на законномъ основаніи. Случай представился въ тотъ же вечеръ.

Въ обыкновенное время кормилица, по звону колокольчика, явилась въ стеклянную комнату и начала ходить взадъ и впередъ съ младенцемъ на рукахъ, какъ вдругъ, къ величайшему ея изумленію и страху, м-ръ Домби нечаянно вышелъ изъ своей засады и остановился передъ ней.

– Добрый вечеръ, Ричардсъ.

И теперь это былъ тотъ же суровый, угрюмый, неподвижный джентльменъ, какимъ она видѣла его въ первый день. Онъ уставишь на воспитательницу своего сына холодный и безжизненный взоръ, и бѣдная женщина, въ одно и то же время, по невольному движенію, потупила глаза и сдѣлала книксенъ.

– Здоровъ ли м-ръ Павелъ, Ричардсъ?

– Совершенно здоровъ, сэръ, и растеть очень скоро.

– Это замѣтно, – сказалъ м-ръ Домби, съ большимъ участіемъ разсматривая крошечное личико, открытое для его наблюденія. – Надѣюсь, вамъ даютъ все, что нужно?

– Покорно благодарю, сэръ, я очень довольна.

Но вдругъ, послѣ этого отвѣта, на лицѣ ея выразилось такое тревожное колебаніе, что м-ръ Домби, уже повернувшій въ свою комнату, оборотился опять и устремилъ на нее вопросительный взглядъ.

– Я думаю, сэръ, ребенокъ былъ бы живѣй и веселѣй, если бы вокругъ него играли другія дѣти, – сказала Полли ободрившись.

– Когда вы пришли сюда, Ричардс, – отвѣчалъ м-ръ Домби, нахмуривъ брови, – я, кажется, говорилъ вамъ, чтобы дѣтей вашихъ не было въ моемъ домѣ. Можете продолжать свою прогулку.

Съ этими словами м-ръ Домби скрылся въ свою комнату, и Полли имѣла удовольствіе видѣть, что онъ совершенно не понялъ ея намѣренія, и она ни за что ни про что попала въ немилость.

Вечеромъ на другой день, когда она сошла внизъ, м-ръ Домби расхаживалъ по стеклянной комнатѣ. Озадаченная этимъ необыкновеннымъ видѣніемъ, она остановилась у дверей и не знала идти ей или воротиться назадъ. Домби далъ знакъ войти.

– Если вы точно думаете, что нѣкоторое общество необходимо для моего сына, – поспѣшно сказалъ онъ, какъ-будто ни минуты не прошло иослѣ ея предложенія, – то гдѣ же миссъ Флоренса?

– Ничего не можетъ быть лучше, какъ миссъ Флоренса, – съ жаромъ отвѣчала Полли, – но я слышала отъ ея дѣвушки, что не...

М-ръ Домби позвонилъ и молча продолжалъ ходить по комнатѣ, пока не явился слуга.

– Сказать, чтобы миссъ Флоренсу пускали къ Ричардс когда она хочетъ, чтобы она ходила съ ней гулять, сидѣла въ ея комнатѣ, и такъ далѣе, Сказать, чтобы дѣти были вмѣстѣ, когда потребуетъ Ричардс.

Желѣзо было горячо, и Ричардс съ усердіемъ принялась ковать. Смѣло продолжала она доброе дѣло, хотя инстинктивно и боялась м-ра Домби.

– Миссъ Флоренс, – сказала она, – не худо бы по временамъ заходить и сюда, въ эту комнату, чтобы она привыкала любить братца.

Когда слуга ушелъ передавать приказаніе господина, кормилица притворилась, будто нянчить ребенка, но въ то же время ей показалось, что фیزیономія м-ра Домби совершенно измѣнилась и лицо его поблѣднѣло. Онъ поспѣшно оборотился назадъ, и какъ-будто хотѣлъ уничтожить всѣ эти распоряженія, да только стыдъ удерживалъ его.

И она не ошиблась. Онъ видѣлъ въ послѣдній разъ отвергнутое дитя въ печальныхъ объятіяхъ умирающей матери, и эта сцена служила для него вмѣстѣ откровеніемъ и упрекомъ. Какъ ни были его мысли исключительно заняты сыномъ и его блистательною будущностью, тѣмъ не менѣе онъ не могъ забыть этой поразительной сцены. Не могъ онъ забыть, что здѣсь, въ этомъ предсмертномъ прощаньи матери и дочери, для него не было никакой доли. Передъ нимъ, передъ его глазами, были два прекрасныя созданія, тѣсно заключенныя въ объятія другъ друга, а онъ стоялъ подлѣ нихъ какъ отторженный посторонній зритель, и не позволили ему принять участія въ этомъ свѣтломъ проявленіи глубокой истины и безпредѣльной нѣжности!

Такъ какъ всѣ эти образы, со всѣмъ мрачными оттѣнками, невольно протѣснялись въ его гордую душу, и никакая сила неспособна была удалить отъ него этихъ воспоминаній, прежнее его равнодушіе къ маленькой Флоренсѣ измѣнилось теперь въ какое-то странное, необыкновенное безпокойство. Онъ почти чувствовалъ, какъ-будто она наблюдаетъ его, не довѣряетъ ему, какъ-будто въ рукахъ ея ключъ отъ той задушевной тайны, въ которой онъ и самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета. Ему казалось, наконецъ, будто въ ней таится врожденное понятіе объ этой неправильно-настроенной струнѣ его души, и будто могла она однимъ дыханіемъ привести ее въ движеніе.

Его отношенія къ дочери, съ самаго ея рожденія, имѣли отрицательный характеръ. Онъ никогда не чувствовалъ къ ней отвращенія, но зато никогда и не думалъ о ней. Она прежде не была для него положительно непріятнымъ иредметомъ; но теперь онъ чувствовалъ изъ-за нея какую-то неловкость, и она возмутила покой его души. Онъ желалъ бы вовсе о ней не думать, да только не зналъ какъ. Быть можетъ, – кто разрѣшитъ эти тайны человѣческаго сердца! – онъ боялся, что со временемъ принужденъ будетъ ненавидѣть ее.

Когда маленькая Флоренса робко вошла въ стеклянную комнату, м-ръ Домби пересталъ ходить, остановился и взглянулъ на свою дочь. Если бы посмотрѣлъ онъ на нее съ большимъ участіемъ и глазами отца, онъ прочелъ бы въ ея свѣтлыхъ взорахъ разнообразныя впечатлѣнія нерѣшительности, надежды и страха. Онъ увидѣлъ бы въ нихъ страстное желаніе побѣжать къ нему, броситься въ его объятія и воскликнуть: "отецъ! попытайся любить меня! У меня никого нѣтъ кромѣ тебя!". И вмѣстѣ онъ прочелъ бы опасеніе быть оттолкнутой, страхъ показаться слишкомъ смѣлою и оскорбить отца, умилительную потребность въ ободреніи и успокоеніи, и, наконецъ, онъ увидѣлъ бы въ этихъ ясныхъ глазахъ, съ какимъ тревожнымъ безпокойствомъ ея переполненное юное сердце отыскивало естественнаго пріюта для своей нѣжности и подавляющей печали. Но онъ увидѣлъ только, какъ она нерѣшительно остановилась у дверей и взглянула на него. Больше ничего не увидѣлъ м-ръ Домби!

– Войди, – сказалъ онъ, – войди; чего ты боишься?

Она вошла, и, посмотрѣвъ вокругъ себя, съ нерѣшительнымъ видомъ, остановилась у дверей, и крѣпко сложила руки.

– Подойди сюда, Флоренса! – холодно сказалъ отецъ. – Знаешь ли, кто я?

– Знаю, папа.

– Не хочешь ли сказать что-нибудь?

Флоренса подняла на отца заплаканные глаза и слезы ея оледенѣли на щекахъ, когда она встрѣтила суровое выраженіе на его лицѣ. Она опять опустила голову и робко протянула дрожащую руку.

М-ръ Домби небрежно взялъ руку дѣвочки и безмолвно простоялъ нѣсколько минутъ съ опущенной головой. По-видимому, онъ такъ же, какъ и она, не зналъ, что дѣлать или говорить.

– Ну, будь же доброй дѣвочкой, – сказалъ онъ наконецъ, потрепавъ ее по головкѣ и какъ будто украдкой бросая на нее тревожный и сомнительный взглядъ. – Ступай къ Ричардсъ, ступай!

Но Флоренса еще съ минуту простояла на одномъ мѣстѣ. По-видимому, ей все еще хотѣлось броситься въ объятія отца, и она не переставала надѣяться, что онъ возьметъ ее на руки и поцѣлуетъ. Она еще разъ взглянула на его лицо. М-ръ Домби нашель, что фізіономія ея получила точно такое же выраженіе, какъ и въ ту роковую ночь, когда она смотрѣла на доктора. Онъ машинально выпустилъ ея руку и отворотился.

Нетрудно понять, что Флоренса своею наружностью и обращеніемъ произвела на отца очень невыгодное впечатлѣніе. Не только въ ея душѣ, но и во всѣхъ ея движеніяхъ выказывалось принужденіе, и она совершенно утратила естественную живость и граціозность. Полли между тѣмъ съ надеждой продолжала смотрѣть на эту сцену, и, судя о м-рѣ Домби по самой себѣ, она много разсчитывала на нѣмой языкъ траурнаго платица маленькой Флоренсы. "Не жестоко ли будетъ, – думала она, – если онъ обратитъ всю привязанность на одного сына, тогда какъ другое дитя, дѣвочка-сиротка, стоитъ передъ его глазами!".

Полли какъ можно долѣе продержала дѣвочку на глазахъ отца и распорядилась такъ, что маленькій Павелъ дѣйствительно повеселѣлъ въ присутствіи сестры. Когда пришло время идти на верхъ, она хотѣла послать Флоренсу въ комнату отца, чтобы пожелать ему доброй ночи; но дѣвочка робко отступила назадъ, и, когда кормилица начала ее принуждать, она поднесла обѣ руки къ глазамъ, какъ-будто скрывая отъ себя собственное униженіе, и сказала: "о нѣтъ! нѣтъ! онъ не хочетъ меня! онъ не хочетъ меня!".

Этотъ маленькій споръ обратилъ на себя вниманіе м-ра Домби, который между тѣмъ сидѣлъ за столомъ и пилъ вино.

– Что тамъ такое? – спросилъ онъ.

– Миссъ Флоренса, – отвѣчала Ричардсъ, – желаетъ съ вами проститься, да только боится васъ обезпокоить.

– Ничего, ничего, – возразилъ м-ръ Домби. – Пусть идетъ не смотря на меня.

Выслушавъ этотъ двусмысленный отвѣтъ, Флоренса проворно ускользнула изъ комнаты, прежде чѣмъ кормилица успѣла оглянуться.

Какъ бы то ни было, добрая Полли чрезвычайно радовалась успѣху своей хитрости и обо всемъ тотчасъ же рассказала Выжигѣ, когда та пришла въ ея комнату. Но, сверхъ ожиданія, миссъ Нипперъ довольно холодно приняла это доказательство дружеской довѣренности, и вовсе не пришла въ восторгъ, когда м-съ Ричардсъ объявила, что съ этой поры имъ можно видѣться во всякое время.

– Я думала, вамъ будетъ это пріятно, – сказала Полли.

– Мнѣ очень пріятно, очень пріятно, м-съ Ричардсъ, покорно благодарю, – отвѣчала Сусанна, вдругъ вытянувшись въ струнку, какъ-будто вставили новую кость въ ея корсетъ.

– Этого однако-жъ не видно, – замѣтила Полли.

– Я живу здѣсь всегда, м-съ Ричардсъ, а не на время, какъ вы, – отвѣчала Сусанна, – мнѣ было бы глупо болтать все, что ни подвернется подъ языкъ. Сосѣдній домъ можетъ быть очень хорошъ, вѣроятно, даже лучше, чѣмъ здѣшній; но у меня нѣтъ никакой охоты бросать свое мѣсто и идти куда бы то ни было. Такъ-то м-съ Ричардсъ!

Глава IV

Здѣсь выступаютъ на театрѣ приключеній новыя лица

Контора Домби и Сына находится въ Сити, въ главной торговой части Лондона, тамъ, гдѣ слышенъ звонъ баустритскихъ колоколовъ, если не заглушаетъ его ученый шумъ. Гогъ и Магогъ, двѣ знаменитыя городскія статуи, отстояли отъ нея минутъ на десять обыкновенной ходьбы; королевская биржа еще ближе, а великолѣпнымъ сосѣдомъ ея былъ англійскій банкъ съ его подземными подвалами, набитыми золотомъ и серебромъ.

На углу улицы возвышался богатый домъ остиндской компаніи, котораго имя напоминало драгоценныя камни и ткани, тигровъ, слоновъ, гуки, зонтики, пальмовыя деревья, паланкины, и смуглыхъ, разодѣтыхъ князьковъ, съ важностью засѣдающихъ на коврахъ въ своихъ золотыхъ туфляхъ. Почти тутъ же кое-гдѣ виднѣлись картины кораблей, плывущихъ на всѣхъ парусахъ во всѣ части свѣта; магазины со всѣми возможными товарами, готовые нагрузить въ полчаса всякой всячиной всякую денежную душу, и, наконецъ, тутъ же, для полноты эффекта, на дверяхъ лавокъ съ навигаціонными инструментами выставлены были маленькіе деревянные мичманы въ старинныхъ морскихъ мундирахъ, какъ-будто для наблюденій за проѣзжающими экипажами.

Одна изъ такихъ деревянныхъ вывѣсокъ представляла фигуру въ чудовищномъ камзолѣ въ башмакахъ съ пряжками, съ огромнымъ оптическимъ инструментомъ передъ правымъ глазомъ. Творецъ и единственный властитель этого мичмана, пожилой джентльменъ въ валлійскомъ парикѣ, справедливо гордившійся своимъ произведеніемъ, уже очень давно платилъ квартирныя, гильдейскія и пошлинныя деньги, такъ давно, что еще до рожденія самаго стараго изъ всѣхъ мичмановъ, а извѣстно, что въ англійскомъ флотѣ нѣтъ недостатка въ мичманахъ очень почтеннаго возраста.

Лавка этого пожилого джентльмена наполнена была хронометрами, барометрами, телескопами, компасами, секстантами, квадрантами и всякаго рода инструментами, необходимыми въ навигаціонномъ дѣлѣ для управленія кораблемъ, морскихъ вычисленій и открытій. Мѣдныя и стеклянныя вещи въ строгой симметріи разложены были въ ящики и на полки, такъ что непосвященному въ тайны этихъ инструментовъ никогда бы не удалось ни отгадать ихъ употребленія, ни уложить по мѣстамъ, если бы вздумалось ихъ вынуть и рассмотреть. Каждая вещь укладывалась въ футляръ краснаго дерева такъ плотно, что малѣйшій уголокъ ея крѣпко прижимался къ вырѣзкѣ, обклеенной сукномъ, – и все это было заперто для предохраненія отъ порчи или безпорядка при морской качкѣ. Относительно сбереженія мѣста и плотнѣйшей укладки инструментовъ взяты были такія необыкновенныя мѣры, – такъ много нужнаго для пракческаго мореплаванія было уложено и заперто въ каждомъ ящикѣ, что лавка, какъ самые инструменты, имѣла удивительно-компактный характеръ и скорѣе походила на пловучій футляръ, которому недоставало только морской воды, чтобъ безопасно пуститься на какой-нибудь отдаленный, необитаемый островъ.

Подробности домашней жизни почтеннаго хозяина морскихъ инструментовъ, гордаго своимъ деревяннымъ мичманомъ, еще болѣе подтверждали эту мысль. Обширный кругъ его знакомыхъ состоялъ изъ однихъ шкиперовъ, кушавшихъ за его столомъ настоящіе корабельные сухари и копченое мясо. Соленые припасы подавались въ кувшинахъ съ надписью: "торговля корабельной провизіей", а горячіе напитки обыкновенно приносились въ низенькихъ, съ короткими горлышками бутылкахъ, употребляемыхъ только на морѣ. По стѣнамъ, въ симметрическомъ порядкѣ, висѣли рисунки кораблей, съ алфавитнымъ описаніемъ ихъ мистерій; каминъ украшенъ былъ рѣдкими раковинами, мохомъ и морскими растеніями; а небольшая контора позади лавки освѣщалась, на подобіе корабельной каюты, стекляннымъ люкомъ.

Хозяинъ лавки, шкиперъ этого пловучаго футляра, жилъ одинъ одиухонекъ только съ однимъ племянникомъ, Вальтеромъ, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, который для полнаго довершенія мѣстной характеристики, совершенно похожъ былъ на гардемарина. Зато самъ Соломонъ Гильсъ, или, какъ обыкновенно его называли, старикъ Соль – рѣшительно не имѣлъ принадлежностей истиннаго моряка. Онъ былъ человѣкъ медлительный, молчаливый, угрюмый, и въ своемъ валлійскомъ парикѣ, гладкомъ и упругомъ, какъ только можетъ быть валлійскій парикъ, всего меньше походилъ на корсара. Красные глаза мелькали у него, какъ два миниатюрныя солнца сквозь туманъ, и взглядъ его былъ такъ мутенъ, какъ будто онъ сряду три или четыре дня постоянно смотрѣлъ въ сильныя стекла оптическихъ инструментовъ и потомъ вдругъ, обративъ глаза, увидѣлъ всѣ предметы въ зеленомъ свѣтѣ. Перебѣны въ его костюмѣ не было почти никакой: изрѣдка только перебѣнялъ онъ свою кофейную пару платья съ свѣтлыми пуговицами на другую, тоже кофейнаго цвѣта, но уже съ брюками изъ свѣтлой нанки. Его шея была стянута высокими, стоячими воротничками, лобъ украшался парой лучшихъ очковъ, а въ карманѣ лежалъ у него огромный хронометръ, и старикъ такъ вѣровалъ въ дѣйствительность его показаній, что скорѣе готовъ былъ заподозрить въ заговорѣ всѣ стѣнные и карманные часы во всемъ городѣ и даже самое солнце, нежели усомниться въ драгоценномъ хронометрѣ. Такъ прожилъ онъ многіе годы въ своей лавкѣ и маленькой конторѣ за своимъ деревяннымъ мичманомъ; онъ спалъ всякую ночь на чердакѣ, вдали отъ другихъ квартиръ, гдѣ, по временамъ, къ его наслажденію, свистѣлъ вѣтеръ и бушевала буря, между тѣмъ какъ почтенныя жилыцы нижнихъ этажей не имѣли ни малѣйшаго понятія о погодѣ.

Читатель познакомился съ Соломономъ Гильсомъ въ осенній день, въ половинѣ шестого часа пополудни, въ то самое время, когда старикъ вынулъ изъ кармана свой безукоризненный хронометръ. Городскія улицы начинали пустѣть, народныя толпы отхлынули въ разныя стороны, густыя тучи нависли надъ горизонтомъ, и дождь, казалось, располагался идти цѣлую ночь. Всѣ барометры въ лавкѣ упали, и дождевыя капли уже накапывали на лакированную шляпу деревяннаго мичмана.

– Куда это запропастился Вальтеръ? – сказала Соломонъ Гильсъ, еще разъ посмотрѣвъ внимательно на хронометръ. – Вотъ ужъ полчаса, какъ обѣдъ готовъ, а его все нѣтъ да нѣтъ.

Повернувшись за конторкою на своемъ стулѣ, м-ръ Гильсъ нагнулся къ окну и посмотрѣлъ сквозь инструменты, не идетъ ли его племянникъ. Но племянника на улицѣ не было. Мимо его лавки тащились запоздалые пѣшеходы съ вымоченными зонтиками, да еще мальчишка, разнощикъ афишъ, лѣниво плелся въ своемъ засаленномъ клеенчатомъ картузѣ и, останавливаясь передъ дверьми, чертилъ пальцемъ свое имя на мѣдной доскѣ, гдѣ красовалась фамилія м-ра Домби.

– Еслибъ я не зналъ, что онъ меня горячо любитъ и никогда не рѣшится безъ моего согласія уйти на корабль, его отсутствіе очень встревожило бы меня, – проворчалъ м-ръ Гильсъ, постукивая пальцами о стекла двухъ или трехъ барометровъ, – да, очень встревожило бы. Всѣ барометры упали! Какая мокрота на улицахъ! Мнѣ кажется, – продолжалъ онъ, сдувая пыль со стекла компаснаго ящика, – эта стрѣлка не такъ постоянна, какъ привязанность Вальтера!

– Дядюшка!

– А, это ты, мой милый! – вскричалъ мастеръ морскихъ инструментовъ, быстро поворачиваясь назадъ. – Насилу-то воротился!

Въ комнату вбѣжалъ веселый, быстроглазый, кудрявый мальчикъ, съ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ поспѣшной ходьбы на дождѣ.

– Ну, дядюшка, что ты безъ меня подѣлывалъ? Готовъ ли обѣдъ? Мнѣ ужасно хочется ѣсть.

– Что подѣлывалъ? – добродушно сказалъ Соломонъ. – Развѣ мнѣ нечего дѣлать безъ такого повѣсы, какъ ты? Обѣдъ ужъ съ полчаса готовъ, и я тоже проголодался!

– Такъ идемъ, дядюшка, – вскричалъ мальчикъ, – да здравствуетъ адмираль.

– Пропади онъ совсѣмъ! – возразилъ Соломонъ Гильсъ. Ты вѣрно хотѣлъ сказать о лордъ-мерѣ?

– Вовсе нѣтъ! – Да здравствуетъ адмираль! Да здравствуетъ адмираль! Маршъ впередъ!

При этой командѣ валлійскій парикъ и его хозяинъ безъ сопротивленія были втиснуты въ маленькую контору. Дядюшка Соль и племянникъ усердно принялись за холодное, имѣя въ перспективѣ отличное блюдо жаркого.

– Да здравствуетъ лордъ-меръ, любезный Валисъ! – сказалъ Соломонъ. – На что намъ адмиралы! Теперь твой адмираль – лордъ-меръ.

– А кто это повѣсилъ на гвоздь мою серебряную кружку? – спросилъ молодой человѣкъ.

– Я, – отвѣчалъ дядя, – она теперь не нужна; мы сегодня станемъ пить изъ стакановъ, Вальтеръ, какъ люди дѣловые, какъ граждане. Не такъ ли? Вѣдь съ нынѣшняго утра мы вступили съ тобой на широкую дорогу жизни.

– Хорошо, дядюшка, – сказалъ мальчикъ, – я буду пить за твое здоровье изъ чего угодно и сколько могу. Да здравствуетъ дядюшка Соль и...

– Лордъ-меръ! – прервалъ старикъ.

– Да здравствуетъ лордъ-меръ и вся городская дума! – вскричалъ мальчикъ.

Дядя съ величайшимъ удовольствіемъ кивнулъ головой.

– Ну, теперь расскажи-ка намъ про свой торговый домъ! – прибавилъ Соломонъ Гильсъ.

– О, дядюшка, про него нечего много рассказывать, – отвѣчалъ мальчикъ, усердно работая ножомъ и вилокъ, – контора ужасно темна и угрюма; въ той комнатѣ, гдѣ сажу я, – высокій каминъ, желѣзная касса, нѣсколько картъ, календарь, попитры, стулья, чернильница, книги, коробки и пропасть паутины, такъ что одна густая гряда прямехонько виситъ надъ моей головой.

– И больше ничего? – спросилъ дядя.

– Ничего, кромѣ старой клѣтки, – не знаю, какъ она туда попала! – да еще корзинки съ углями.

– А счетныя, вексельныя, долговыя книги и другія принадлежности коммерческихъ оборотовъ богатаго дома? – сказалъ старикъ, внимательно взглянувъ на племянника сквозь туманъ, постоянно помрачавшій его глаза, и придавая особенное выраженіе словамъ.

– О, этого добра я думаю, очень много, – отвѣчалъ безпечно мальчикъ, – но вѣдь все это лежитъ въ комнатахъ м-ра Каркера, м-ра Морфина или м-ра Домби.

– Былъ сегодня въ конторѣ м-ръ Домби? – спросилъ дядя.

– О, да! Онъ очень часто приходилъ и уходилъ.

– Съ тобой, разумѣется, ничего не говорилъ?

– Нѣтъ, говорилъ. Проходя мимо меня – какой суровый, жестокий человѣкъ! – онъ сказалъ: – "а, ты сынъ м-ра Гильса, мастераморскихъ инструментовъ?" – Племянникъ, сэръ, – отвѣчалъ я. – "Ну, да, любезный, я и говорю, племянникъ", – возразилъ онъ. А право, дядюшка, онъ назвалъ меня твоимъ сыномъ, а не племянникомъ.

– Ты ошибся, мой другъ, – вотъ и все. Да впрочемъ небольшая бѣда.

– Конечно, небольшая. Только непріятно, что онъ такъ гордъ и грубъ. Потому м-ръ Домби сказалъ, что ты говорилъ съ нимъ обо мнѣ, что онъ нашелъ мнѣ мѣсто въ своей конторѣ, что я долженъ быть прилеженъ, аккуратенъ и... уменъ. Кажется, я не слишкомъ ему понравился.

– Ты хочешь сказать, – замѣтилъ старикъ, – что онъ не слишкомъ тебѣ понравится.

– Можетъ быть, и такъ, дядюшка, – отвѣчалъ улыбаясь мальчикъ, – только я объ этомъ не думалъ.

Послѣ обѣда Соломонъ развеселился и отъ времени до времени посматривалъ на племянника. Когда убрали со стола и сняли скатерть, – кушанье было принесено изъ сосѣдняго трактира, – онъ спустился въ погребъ въ сопровожденіи мальчика, который со свѣчею въ рукахъ

остановился на сырой лѣстницѣ. Порывшись нѣсколько времени въ разныхъ углахъ, онъ воротился со старой, заплесневѣлой бутылкой, покрытой пылью и пескомъ.

– Что ты дѣлаешь, дядюшка, – вскричалъ мальчикъ, – вѣдь это твоя завѣтная мадера? Ея всего двѣ бутылки.

Старикъ Соль значительно кивнулъ своей головой, давая знать, что понимаетъ въ чемъ штука, и съ торжественной важностью вытащилъ пробку. Потомъ онъ налилъ два стакана и поставилъ бутылку на столъ вмѣстѣ съ третьимъ пустымъ стаканомъ.

– Другую бутылку, Валли, – сказалъ онъ, – мы разопьемъ, когда ты составишь свою карьеру, то есть когда сдѣлаешься ты порядочнымъ, почтеннымъ, счастливымъ человекомъ, – то есть когда путеводная звѣзда новой, сегодня начатой тобой жизни, – о, если бы Богъ услышалъ мою молитву! – выведетъ тебя на ровный, гладкій путь того поприща, на которое ты вступилъ. Благословляю тебя отъ всей души!

Туманъ, постоянно висѣвшій на глазахъ старика, какъ-будто опустился ему на горло: голосъ его сдѣлался хриплымъ и рука дрожала, когда онъ начиналъ чокаться съ племянникомъ. Но лишь только онъ попробовалъ вина, тяжелое бремя свалилось съ его плечъ, и ясная, спокойная улыбка показалась на лицѣ.

– Любезный дядюшка, – сказалъ растроганный мальчикъ, стараясь улыбнуться сквозь слезы, – приношу тебѣ мою глубокую благодарность за честь... и прочая, и прочая, и прочая! Теперь позволь мнѣ предложить тостъ. Vivat, м-ръ Соломонъ Гильсъ! Да здравствуетъ онъ сто тысячъ разъ! ура!.. Ты отплатишь мнѣ, дядюшка, когда разопьемъ съ тобой послѣднюю бутылку: не правда ли?

Они опять чокнулись. Вальтеръ, бережливый на вино, только обмочилъ губы и, поднявъ стаканъ, принялся разсматривать его съ напряженнымъ вниманіемъ. Нѣсколько минутъ дядя безмолвно смотрѣлъ на племянника, и потомъ, когда глаза ихъ встрѣтились, Соломонъ громко продолжалъ свою мысль, какъ будто не переставалъ говорить:

– Ты видишь, Валли, – сказалъ онъ, – я совершенно сроднился со своимъ мастерствомъ. Я такъ къ нему привыкъ, что не могу и жить безъ этихъ занятій. И между тѣмъ дѣла идутъ дурно, очень дурно. Когда носили вотъ эти мундиры, – прибавилъ онъ, указывая на деревяннаго мичмана, – такъ можно было заниматься дѣломъ и стоило! А теперь... конкуренціи, новыя изобрѣтенія, моды... свѣтъ перегналъ меня. Не знаю, куда дѣвались мои покупатели, да и самъ я Богъ знаетъ гдѣ.

– Полно, дядюшка, не думай объ этомъ.

– Съ тѣхъ поръ, какъ ты воротился изъ пансіона, а этому ужъ десять дней, – продолжалъ Соломонъ, – я помню, только одинъ человекъ и заглянулъ въ нашу лавку.

– Нѣтъ, двое, дядюшка! Развѣ ты не помнишь? Сперва приходилъ мужчина размѣнять червонецъ...

– Ну, да, – и больше никого.

– Какъ, дядюшка! А развѣ ты забылъ женщину, помнишь, что входила спросить, гдѣ пройти въ Тернпэйкъ?

– Да, я и забылъ. Точно, двое.

– Но, вѣрно, они ничего не купили? – вскричалъ мальчикъ.

– Разумѣется, не купили ничего! – спокойно отвѣчалъ Соломонъ.

– Да, кажется, имъ ничего и не нужно было?

– Конечно, иначе они купили бы въ другой лавкѣ, – проговорилъ Соломонъ тѣмъ же тономъ.

– Но все же приходило двое, а ты говоришь, что одинъ! – проговорилъ мальчикъ торжествующимъ тономъ, какъ будто открытіе забытой посѣтительницы было важною находкой.

– Эхъ, Вальтеръ, – началъ старикъ, помолчавъ немного, – вѣдь мы не дикари на пустомъ острову Робинзона Крузо. Ну, что толку, что одинъ размѣнялъ у насъ червонецъ, а другая

справилась о дорогѣ: будешь ли съ этого сытъ? Право, свѣтъ перегналъ меня и не подѣ силу мнѣ идти за нимъ. Все теперь не то, что прежде: и мастера не такіе, и ученики не такіе, и дѣла не тѣ, и товары не тѣ. Инструменты мои вышли изъ моды, и я старый торговецъ въ старой лавкѣ... куда и къ чему я пригоденъ? Улица наша тоже не та... все рѣшительно не такъ, какъ прежде. Да, я отсталъ отъ времени и поздно, очень поздно догонять его. Шумъ жизни тревожитъ меня...

Вальтеръ хотѣлъ отвѣчать, но дядя остановилъ его.

— Вотъ почему, Валли, мнѣ хотѣлось бы поскорѣй пристроить тебя на этомъ дѣловомъ свѣтѣ. Я ужъ не дѣлецъ, а такъ себѣ, только тѣнь дѣлового человѣка: умру — и тѣни не будетъ. Это плохое для тебя наслѣдство! Хорошо еще, что могъ употребить въ твою пользу почти единственный остатокъ моихъ старыхъ связей. Сосѣди думаютъ, что я богатъ. Желалъ бы для твоего счастья, чтобъ это была правда. Во всякомъ случаѣ, поступивъ въ контору Домби, ты выбралъ прекрасную дорогу. Будь дѣятеленъ, дитя мое, трудись, устраивай свою карьеру, и... Господь благословить тебя!

— Постараюсь всѣми силами оправдать твои надежды, любезный дядюшка, и не забуду твоихъ совѣтовъ, — съ твердостью отвѣчалъ мальчикъ.

— Знаю и не сомнѣваюсь въ этомъ, — отвѣчалъ Соломонъ и съ возрастающимъ удовольствіемъ принялся за второй стаканъ мадеры. — Ну, а что касается до морской службы, Валли, — продолжалъ онъ, — такъ это довольно хорошо въ воображеніи, въ мечтахъ, а на дѣлѣ не годится, совсѣмъ не годится! Разумѣется, глазѣя на эти снаряды, ты привыкъ мечтать о морѣ, — но все это вздоръ, другъ мой, то есть рѣшительный вздоръ!

Однако-жъ Соломонъ Гильсъ, говоря о морѣ, потиралъ руки съ тайнымъ удовольствіемъ и смотрѣлъ на свои морскіе инструменты съ невыразимымъ наслажденіемъ.

— Вотъ, напримѣръ, это вино, — продолжалъ старикъ, — оно Богъ знаетъ сколько разъ прогуливалось въ Остъ-Индію взадъ и впередъ и даже совершило путешествіе вокругъ свѣта, — видѣло ночи, черныя какъ смоль, слышало свистъ вѣтровъ, ревъ моря...

— Громъ, молнію, дождь, градъ, — всевозможныя бури! — съ живостью вскричалъ мальчикъ.

— Да, — сказалъ Соломонъ, — это винцо прошло по всѣмъ мытарствамъ. Вообрази, мой милый, какъ скрипятъ и трещатъ корабельныя мачты, какъ воеетъ вѣтеръ между канатами и снастями.

— Какъ матросы бѣгаютъ взапуски и карабкаются на реи, какъ спѣшатъ укрѣпить паруса, а корабль между тѣмъ летитъ и прыгаетъ, какъ бѣшеный! — вскричалъ племянникъ.

— Все, все видала старая бочка съ этой почтенной мадерой, — сказалъ Соломонъ. — Когда "Прекрасная Салли" отплыла...

— Въ Балтійское море, въ темную ночь! Помню, помню... Она погибла въ самую полночь, четырнадцатаго февраля тысяча семьсотъ сорокъ девятого года! — вскричалъ Вальтеръ съ большимъ одушевленіемъ.

— Да, именно такъ! — отвѣчалъ Соломонъ. — На кораблѣ было пятьсотъ бочекъ съ этимъ виномъ, и весь экипажъ, за исключеніемъ перваго мачтоваго, перваго лейтенанта, двухъ матросовъ и одной дамы, которые пересѣли въ лодку, — бросился къ бочкамъ, разбилъ ихъ, напился мертвецки пьянъ и, торжественно распѣвая "Rule Britannia", пошелъ ко дну, вмѣстѣ съ кораблемъ, при адскихъ крикахъ и проклятіяхъ.

— А помнишь, дядюшка, какъ страшный вѣтеръ прибилъ "Георга Второго" къ берегамъ Корнвалиса, за два часа до захода солнца, четырнадцатаго марта семьдесятъ перваго года? На кораблѣ было до двухсотъ лошадей: испуганныя бурей, онѣ сорвались, бѣгали подѣ палубой взадъ и впередъ, топгали другъ друга, ржали, стонали и подняли такой невыразимый гвалтъ, что экипажъ вообразилъ, будто кораблемъ овладѣли тысячи чертей. Лучшіе матросы, потерявъ присутствіе духа, побросались въ море и только двое остались въ живыхъ, чтобъ рассказать о происшествіи.

– А помнишь, – сказалъ старикъ Соль, – когда "Полифемъ"...

– Торговый вестиндскій транспортъ Онерса, Вигса и К°, въ триста пятьдесятъ тоннъ, капитанъ Джонъ Броунъ изъ Дептфорта? – вскричалъ Вальтеръ.

– Тотъ самый, – отвѣчалъ Соломонъ. – Когда на немъ въ четвертый день плаванія показался огонь...

– Да, на кораблѣ были тогда два брата! – прервалъ племянникъ съ живостью и одушевленіемъ. – Въ единственномъ корабельномъ ботѣ, набитомъ людьми, оставалось только одно мѣсто, и ни одинъ изъ братьевъ не хотѣлъ занять его до тѣхъ поръ, пока старшій не бросилъ туда младшаго насильно. Тогда этотъ юноша, поднявшись въ лодкѣ, закричалъ: "Любезный Эдуардъ! подумай о своей невѣстѣ! Я еще мальчикъ, и никто не ждетъ меня дома. Ступай скорѣй на мое мѣсто!" – и съ этими словами онъ бросился въ море.

Вальтеръ, воодушевленный разсказомъ, вскочилъ со стула; его блестящіе глаза и живой румянецъ, казалось, напомнили Соломону что-то такое, о чемъ онъ совершенно забылъ. Въ-сто того, чтобы продолжать любимые анекдоты, онъ сухо откашлялся и сказалъ: – Поговоримъ-ка о другомъ, Валли!

Дѣло въ томъ, что тайная страсть къ чудесному и необыкновенному, развитая въ Соломонѣ самымъ ремесломъ, перешла во всей полнотѣ и къ его племяннику. Напрасно старались дать другое направленіе его наклонностямъ: никакія мѣры не помогали, и препятствія, казалось, еще болѣе раздражали эту страсть. Извѣстно, что всѣ книги и сказки, какія пишутся и разсказываются дѣтямъ съ цѣлью привязать ихъ къ землѣ, имѣютъ совершенно обратное дѣйствіе и неотразимо влекутъ ихъ къ морской стихіи.

Между тѣмъ маленькое общество увеличилось новымъ лицомъ. Это былъ мужчина въ синемъ плащѣ, съ густыми черными бровями, у котораго вмѣсто правой кисти торчалъ изъ рукава крюкъ, а въ лѣвой рукѣ была голстая палка, шишковатая, какъ и его носъ. На шеѣ красовался у него огромный черный шелковый платокъ, а высокіе воротники рубашки были такъ толсты и грубы, что скорѣе походили на парусъ. Ясно, что это былъ гость, для котораго поставленъ третій стаканъ, и онъ, по-видимому, хорошо это зналъ. Повѣсивъ за дверью на гвоздь свой плащъ и жесткую клеенчатую шляпу, отъ которой на лбу его оставалась красная полоса, какъ будто отъ желѣзныхъ тисковъ, – онъ взялъ стулъ, придвинулъ къ столу и сѣлъ прямо передъ стаканомъ. Этого посѣтителя называли капитаномъ; вѣроятно, былъ онъ штурманъ или шкиперъ, а, можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ.

Лицо его, загорѣлое и суровое, прояснилось, когда онъ пожалъ руку дядѣ и племяннику; но, по-видимому, онъ былъ не слишкомъ разговорчивъ и выражался лаконически.

– Ну, что? – спросилъ онъ.

– Ладно! – отвѣчалъ Соломонъ, подвигая вино.

Гость приподнялъ бутылку и, осмотрѣвъ внимательно, сказалъ съ особымъ выраженіемъ:

– Та?

– Та самая! – отвѣчалъ продавецъ морскихъ инструментовъ.

Капитанъ налилъ стаканъ и, насвистывая какую-то мелодію, казалось, размышлялъ о необыкновенномъ праздникѣ.

– Вальтеръ, – сказалъ онъ, приглаживая своимъ крѣпкимъ рѣдкимъ волосомъ указывая на Соломона: – "Чти дядю твоего и воспитателя твоего со страхомъ и трепетомъ, да благо ти будетъ, и долголѣтень будешь на водѣ". Отыщи этотъ текстъ въ своей книгѣ и загни листокъ. Да благословить тебя Богъ!

Онъ такъ былъ доволенъ приведенной цитатой, что повторилъ ее опять, говоря, что ужъ лѣтъ сорокъ не читалъ этого.

– Я никогда не затруднялся, если мнѣ нужны были правила въ жизни, – замѣтилъ онъ. – Я не тратилъ словъ, какъ другіе.

Эта сентенція напомнила ему, что теперь они были не совсем бережливы на слова. Онъ задумался и молчалъ до тѣхъ поръ, пока старикъ Соль не вышелъ въ лавку за свѣчей; тогда, обратясь къ Вальтеру, гость, безъ всякаго предварительнаго введенія, сказалъ:

– Мнѣ кажется, онъ могъ бы сдѣлать часы, если бы захотѣлъ?

– Непремѣнно, – подтвердилъ мальчикъ, – я не сомнѣваюсь въ этомъ, капитанъ Куттль.

– И какъ бы они пошли! – сказалъ гость, выводя своимъ крюкомъ воздушные фантастическіе зигзаги. – Чортъ побери! какъ бы они пошли!

Двѣ или три минуты капитанъ Куттль, казалось, былъ погруженъ въ созерцаніе своихъ идеальныхъ часовъ, и смотрѣлъ неподвижно на мальчика, какъ-будто лицо его служило циферблатомъ.

– Да, онъ напичканъ познаніями, – продолжалъ капитанъ, указывая на инструменты. – Посмотри, чего тутъ нѣтъ? Земля, воздухъ, вода – все ему покорно. Хочешь подняться къ облакамъ на аэростатъ, спуститься на дно моря подъ водолазнымъ колоколомъ, – все къ твоимъ услугамъ! Задумай, пожалуй, достать и взвѣсить полярную звѣзду, онъ и тутъ къ твоимъ услугамъ!

Ясно, почтенный капитанъ питалъ глубокое уваженіе къ морскимъ инструментамъ, и его философія вовсе не знала или находила очень небольшое различіе между продажей и изобрѣтеніемъ этихъ вещей.

– Ахъ, – сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, – хорошо понимать эти штуки, хорошо и не понимать! Не знаю, что лучше. Пріятно сидѣть здѣсь и знать, что тебя могутъ взвѣсить, вымѣрить, намагнитизировать, наэлектризовать, на... и чортъ знаетъ, что еще, – и не понимать, какимъ образомъ!

Удивительная мадера, соединяясь съ благопріятнымъ случаемъ, развязала языкъ капитана, и онъ со славой произн. есь эту назидательную рѣчь. Но, казалось, почтенный морякъ никакъ не могъ себѣ растолковать, какимъ образомъ высказалъ онъ то, что бродило у него въ головѣ цѣлые десятки лѣтъ, всякій разъ какъ по воскресеньямъ обѣдалъ онъ въ этой лавкѣ. Онъ снова задумался и замолчалъ.

– Послушай, Недъ, – вскричалъ Соломонъ Гильсъ, входя опять въ комнату, – не лучше ли намъ опорожнить эту бутылку прежде, чѣмъ примемся за грогъ?

– Идетъ! – отвѣчалъ капитанъ, наливая свой стаканъ. – А что же твой племянничекъ?

– Выпьетъ и онъ, – отвѣчалъ Соломонъ. – Выпьемте всѣ за благосостояніе торговаго дома Вальтера, за будущую его контору! Кто знаетъ? Сэръ Ричардъ Виттингтонъ женился же на дочери своего хозяина.

– Прими-ка это къ свѣдѣнію, Вальтеръ! – сказалъ улыбаясь капитанъ.

– Хотя у м-ра Домби и нѣтъ дочери... – началъ Соль.

– Есть, есть, дядюшка! – закричалъ мальчикъ, покраснѣвъ и засмѣявшись.

– Есть? – воскликнулъ старикъ. – Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, должна быть.

– О, я навѣрное знаю, – отвѣчалъ мальчикъ. – Объ этомъ я слышалъ сегодня въ конторѣ. Говорятъ, – продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, – отецъ не любитъ ея. У него только и на умѣ, какъ бы поскорѣе присоединить сына къ торговому дому, хотя тотъ еще не вышелъ изъ пеленокъ. Онъ высчитываетъ балансъ – и думаетъ о сынѣ, любитъ своими кораблями – и съ вос- торгомъ воображаетъ, что всѣ эти сокровища принадлежать ему вмѣстѣ съ сыномъ. Вотъ что говорятъ. Впрочемъ я не знаю.

– Э! да молодецъ ужъ все провѣдалъ о ней! – сказалъ Соломонъ.

– Полно, дядюшка! – отвѣчалъ мальчикъ, смѣясь и краснѣя болѣе прежняго. – Что-жъ дѣлать когда я слышалъ это!

– Боюсь, Недъ, какъ бы этотъ сынъ не загородилъ намъ дорогу! – прибавилъ старикъ, съ улыбкой посматривая на племянника.

– Очень можетъ статься, – отвѣчалъ капитанъ.

– Но мы все-таки выпьемъ за его здоровье, – продолжалъ Соль. – Да здравствуютъ Домби и Сынъ!

– Прекрасно, дядюшка! – весело вскричалъ мальчикъ. – Но тостъ необходимо надобно измѣнить. Вы говорите, что я все провѣдалъ о дочери моего хозяина, и заранѣе меня съ ней соединяете, слѣдовательно... Да здравствуетъ Домби и Сынъ – и дочь!

Глава V

Крестины Павла

Рабочая кровь Тудлей пошла въ прокъ маленькому джентльмену. Благородный сынъ м-ра Домби съ каждымъ днемъ замѣтно выросталъ и укрѣплялся. Миссъ Токсъ также съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывалась къ Павлу, и ея почти набожная къ нему любовь до такой степени подѣйствовала на м-ра Домби, что онъ началъ считать ее женщиной съ большими природными дарованіями и при многихъ случаяхъ раскланивался съ ней совершенно особеннымъ образомъ. Онъ даже торжественно признался въ своемъ благоволеніи передъ сестрой и не разъ изволилъ говорить ей: – "Луиза! скажи миссъ Токсъ, что я ей весьма обязанъ!" Это необыкновенное вниманіе производило глубокое впечатлѣніе на леди, удостоившуюся такого отличія.

Миссъ Токсъ часто увѣряла м-съ Чиккъ, что ничто не можетъ сравниться съ участіемъ, какое она принимаетъ въ развитіи милаго ребенка, и безпристрастный наблюдатель могъ замѣтить, что поступки ея въ полной мѣрѣ согласовались съ словами. Она съ невыразимымъ наслажденіемъ смогрѣла на невинные обѣды юнаго джентльмена, какъ будто насыщеніе его столько же зависѣло отъ нея, сколько и отъ кормилицы. – Съ такимъ же, если еще не большимъ энтузіазмомъ она присутствовала при маленькихъ церемоніяхъ купанья и туалета, а медицинская часть – наблюденіе за здоровьемъ ребенка – находилась въ полномъ ея распоряженіи. – Однажды, въ припадкѣ скромности, она принуждена была спрятаться въ шкафъ, когда м-ръ Домби вошелъ въ дѣтскую съ сестрой полюбоваться, какъ сынъ его, ложась въ постель, будетъ въ коротенькой рубашечкѣ разгуливать по платью своей кормилицы. – Но миссъ Токсъ никакъ не выдержала, и въ избыткѣ нѣжнаго восторга закричала: "какъ онъ милъ, м-ръ Домби! какой купидончикъ!" – и тутъ же, опомнившись, она за дверью чуть не упала въ обморокъ отъ стыда и замѣшательства.

– Луиза, – сказали однажды м-ръ Домби своей сестрѣ, – я точно думаю, что, по случаю крестинъ Павла, нужно твоей пріятельницѣ сдѣлать какой-нибудь подарокъ. – Она съ самага начала приняла такое горячее участіе въ ребенкѣ и умѣла хорошо понять свое положеніе, – а это въ нашемъ свѣтѣ, къ сожалѣнію, большая рѣдкость. Мнѣ очень бы хотѣлось отличить ее чѣмъ-нибудь.

Въ глазахъ м-ра Домби это значило, что миссъ Токсъ умѣла вести себя совершенно приличнымъ образомъ въ отношеніи къ его особѣ.

– Любезный Павелъ, – отвѣчала сестра, – ты отдаешь справедливость миссъ Токсъ, чего разумѣется и должно ожидать отъ человѣка съ такимъ проникательнымъ умомъ. – Если въ англійскомъ языкѣ есть три слова, къ которымъ она питаетъ глубочайшее уваженіе, такъ эти слова – Домби и Сынъ.

– Вѣрю, – сказали м-ръ Домби. – Это дѣлаетъ честь почтенной миссъ Токсъ.

– И всякій подарокъ, любезный Павелъ, – продолжала м-съ Чиккъ, – все, что ни вздумалъ бы ты предложить, миссъ Токсъ, нѣтъ сомнѣнія, приметъ отъ тебя съ благоговѣніемъ, какъ святыню. Но я знаю, милый Павелъ, чѣмъ бы ты могъ выразить свою признательность къ миссъ Токсъ... да, это было бы для нея очень, очень лестно, если бы ты захотѣлъ.

– Что такое? – спросилъ м-ръ Домби.

– Разумѣется, крестный отецъ и крестная мать, – продолжала миссъ Чиккъ, – необходимы въ свѣтѣ для связей и покровительства.

– Не знаю, почему они должны быть необходимы для моего сына, – холодно сказали м-ръ Домби.

– Что правда, то правда, любезный Павелъ, – перебила миссъ Чиккъ съ необыкновенной живостью, – ты неизмѣнно вѣренъ самому себѣ. Я не могла ожидать отъ тебя ничего другого, и очень хорошо предвидѣла твои мысли на этотъ счетъ. Можетъ быть, – и м-съ Чиккъ немного

пріостановилась, какъ бы не зная, что говорить дальше, – можетъ быть, именно поэтому ты и не станешь противиться, чтобъ миссъ Токсъ сдѣлалась крестной матерью нашего ангельчика, или, по крайней мѣрѣ, замѣнила ее на крестинахъ. Нечего и говорить, что она приметъ эту честь за величайшее счастье.

– Луиза, – сказала м-ръ Домби послѣ минутнаго молчанія, – нельзя не согласиться...

– Конечно, – вскричала миссъ Чиккъ, спѣша предупредить отказъ, – я и не сомнѣваюсь въ этомъ.

М-ръ Домби съ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ на сестру.

– Не противорѣчь, любезный Павелъ, – вскричала м-съ Чиккъ, – мнѣ это очень вредно. Я еще не опомнилась съ тѣхъ поръ, какъ скончалась наша бѣдная Фанни.

М-ръ Домби искоса взглянулъ на носовой платокъ, который сестра держала передъ глазами, и прибавилъ:

– Нельзя не согласиться, говорю я...

– А я говорю, – прервала м-съ Чиккъ, – что я не сомнѣвалась въ этомъ.

– Боже мой, Луиза! – вскричалъ м-ръ Домби.

– Нѣтъ, любезный Павелъ, – возразила она съ достоинствомъ, между тѣмъ какъ на глазахъ ея навертывались слезы, – дай мнѣ договорить. У меня нѣтъ той силы убѣжденія, ума, краснорѣчія, какими отличаешься ты. Я очень хорошо это знаю, и тѣмъ хуже для меня. Но если ты хочешь выслушать мои послѣднія слова – а послѣднія слова должны быть для насъ священны, Павелъ, послѣ кончины любезной Фанни – такъ я скажу только, что никогда не сомнѣвалась въ этомъ. И что еще болѣе, – прибавила м-съ Чиккъ съ возрастающимъ достоинствомъ, какъ будто она берегла къ концу самое убѣлительнѣйшее доказательство, – я никогда не думала усомниться въ этомъ.

М-ръ Домби съ нетерпѣніемъ прошелъ по комнатѣ взадъ и впередъ.

– Нельзя не согласиться, Луиза, – продолжалъ онъ, не обращая вниманія на м-съ Чиккъ, которая съ неистовствомъ продолжала кричать: "я не сомнѣваюсь въ этомъ! я не сомнѣваюсь въ этомъ!" – нельзя не согласиться, что многія особы имѣли бы въ этомъ случаѣ больше права – еслибъ я только обращалъ вниманіе на право – нежели миссъ Токсъ. Но это вздоръ: мнѣ нѣтъ дѣла до правъ. Торговый домъ подъ фирмой "Домби и Сынъ" будетъ держаться самъ собою, безъ посторонней помощи. Я не нуждаюсь ни въ какомъ и ни въ чемъ кумовствѣ. Надѣюсь, я стою выше толпы. Довольно, если дѣтство и юность Павла протекутъ благополучно безъ потери времени, и онъ приготовится вступить съ честью на ожидающій его путь. Впослѣдствіи онъ можетъ, если сочтетъ нужнымъ, избрать могущественныхъ друзей, чтобы поддержать, а въ случаѣ надобности, и увеличить кредитъ торговаго дома. До тѣхъ поръ я одинъ буду для него все и не хочу, чтобы другой сталъ между нами. Я готовъ выразить признательность твоей обязательной пріятельницѣ и соглашаюсь на предложеніе. Другихъ воспріемниковъ замѣнимъ мы твоимъ мужемъ.

Въ этой рѣчи, произнесенной съ необыкновеннымъ, истинно-вельможнымъ величіемъ, м-ръ Домби высказалъ свою задушевную тайну. Неописанная недовѣрчивость ко всякому, кто бы могъ стать между нимъ и сыномъ, гордая боязнь нажить соперника или участника въ любви и почтеніи ребенка, жестокий ударъ, такъ недавно нанесенный его всемогущей власти надъ другими, и жестокий страхъ при мысли о возможности другого, жесточайшаго удара, – вотъ что наполняло въ это время его душу. Во всю жизнь онъ не имѣлъ друга: его холодная, отталкивающая натура никогда не искала и не встрѣчала друзей. И теперь, когда эта натура сосредоточилась съ такою силою въ одну только страсть родительской любви и гордости, то ея ледяной потокъ, вмѣсто того, чтобъ вскрыться подъ благотворнымъ вліяніемъ этого чувства и свободно катить свои ясныя воды, казалось, растаялъ только на минуту для того, чтобъ снова замерзнуть въ твердую, непроницаемую массу.

Такимъ образомъ самое ничтожество миссъ Токсъ послужило къ возвышенію ея въ крестныя матери маленькаго Павла, – и съ этого часа она была избрана и предназначена къ великой должности. М-ръ Домби тутъ же изъявилъ желаніе, чтобъ торжество, такъ долго откладываемое, совершилось безъ замедленія. Сестра, одержавъ такую блистательную побѣду, превосходящую ея самыя смѣлыя ожиданія, отправилась съ пріятной новостью къ дорогой подругѣ, и м-ръ Домби остался одинъ въ библіотекѣ.

Въ дѣтской была ужасная скука. Тамъ сидѣли и бесѣдовали м-ръ Чиккъ и миссъ Токсъ, къ величайшей досадѣ миссъ Сусанны Нипперъ, которая была такъ разсержена ихъ присутствіемъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлала за дверью преуморительныя гримасы: надо же было хоть чѣмъ-нибудь выразить свою досаду. Какъ странствующие рыцари старинныхъ временъ облегчали сердце, вырѣзывая имена возлюбленныхъ въ пустыняхъ, въ лѣсахъ и другихъ неприступныхъ мѣстахъ, гдѣ, вѣроятно, никому не случалось читать ихъ, – такъ и миссъ Сусанна Нипперъ вздергивала носъ на ящики и комоды, высовывала языкъ на шкапы и моргала глазами на посуду, мимоходомъ ворча на каждомъ шагу.

Между тѣмъ собесѣдницы, въ блаженномъ невѣдѣніи того, что вокругъ нихъ происходило, внимательно наблюдали сцену раздѣванья, кормленья и укладыванья въ постель маленькаго Павла. По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, онѣ усѣлись за чайный столикъ передъ каминомъ, и теперь только, обернувшись къ дѣтскимъ кроваткамъ, онѣ вспомнили о миссъ Флоренсѣ, которая тоже, благодаря настойчивости Полли, съ нѣкотораго времени спала въ одной комнатѣ съ братомъ.

– Какъ она крѣпко спитъ! – сказала миссъ Токсъ.

– Вѣдь вы знаете, моя милая, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – она слишкомъ много рѣзвится съ маленькимъ Павломъ: устала!

– Это замѣчательная дѣвочка, – продолжала миссъ Токсъ.

– Вылитая мать! – возразила м-съ Чиккъ, понизивъ голосъ.

– Бѣдняжка, – сказала миссъ Токсъ. – О, Боже мой!

Эти слова миссъ Токсъ произнесла съ глубокимъ сожалѣніемъ, хотя сама не знала для чего.

– Флоренса никогда, никогда не будетъ Домби, – сказала м-съ Чиккъ, – проживи она хоть тысячу лѣтъ!

Миссъ Токсъ возвела очи свои горѣ, и духъ ея, видимо, сокрушался отъ полноты сердечной скорби.

– Меня ужасно беспокоитъ ея будущность, – сказала м-съ Чиккъ съ видомъ благочестивой кротости и смиренія. – Я не могу безъ ужаса вообразить, что станетъ съ нею, когда она вырастетъ? Бѣдняжка! какое мѣсто займетъ она въ свѣтѣ? Во мнѣніи отца она стоитъ невысоко, да иначе и быть не можетъ: въ ней ничего нѣтъ общаго съ Домби!

Физиономія миссъ Токсъ выразила ясно, что противъ такого убѣдительнаго аргумента нечего и возражать.

– Этотъ ребенокъ, – продолжала м-съ Чиккъ, съ искренней довѣренностью, – вылитая покойная Фанни! Она неспособна ни къ какому усилію, ручаюсь въ этомъ. Ни къ какому! Она никогда не пробьется въ сердце отца, никогда не обовьется около него, какъ...

– Какъ плющъ? – прибавила миссъ Токсъ.

– Какъ плющъ! – подтвердила м-съ Чиккъ. – Она никогда не бросится и не приникнетъ въ родительскія объятія, какъ...

– Робкая серна? – прибавила миссъ Токсъ.

– Какъ робкая серна! – сказала м-съ Чиккъ. – Никогда! Бѣдная Фанни! А какъ я, однакожь, любила ее!

– Не разстраивайте себя, моя милая, – сказала миссъ Токсъ умоляющимъ тономъ. – Успокойтесь, вы такъ чувствительны.

– Мы всё имеем недостатки, – сказала м-сь Чикк, проливая слезы и покачивая головой, – да, у нас у всех есть недостатки. Я очень хорошо видела ее пороки, но никогда не давала этого замечать. Сохрани Бог! А как я любила ее!

Покойная м-сь Домби точно имела свои слабости и недостатки – увы! кто их не имеет! – но она была ангелом женской кротости и ума, если сравнить ее с м-сь Чикк, с этой пустой, надутой бабой, которая теперь с таким же нахальством хвасталась своим мнимым покровительством, с каким во время оно при всяком удобном случае обнаруживала перед невѣсткой свое гордое снисхождение и терпимость. Как прекрасна терпимость, когда проистекает из чистого сердца, и как отвратительна, когда ею маскируется злой и гордый характер!

М-сь Чикк еще продолжала в сердобольном умилении вытирать сухие глаза и знаменательно качать головою, как вдруг кормилица осмѣлилась замечать, что мисс Флоренса проснулась и сидит на кровати. В самом деле она проснулась, как говорила кормилица, и на ресницах ее сверкали слезы. Но никто, кроме Полли, не видал ее мокрых глазок, никто не шепнул сиротке утешительного слова, никто не слышал, как билось и стучало ее сердце!

– Няня, – сказала малютка, пристально смотря на кормилицу, – я пойду к братцу, позволю мне лечь под него.

– Зачем, голубушка? – спросила Ричардс.

– Ах, мне кажется, он любит меня! – вскричала почти в безпамятстве малютка. – Пустите меня к нему. Пожалуйста, няня!

М-сь Чикк обратилась к ребенку с материнскими наставлениями и замечала, что доброй девочке стыдно капризничать. Но Флоренса, не сводя с доброй няни испуганных глаз, еще повторила просьбу, соединенную на этот раз с громким плачем и рыданием.

– Я не разбужу его, – сказала она, опустив голову и закрыв руками глаза. – Я только положу к нему руку и усну. Ах, сделайте милость, позвольте лечь с ним; я знаю, он любит меня!

Ричардс, не говоря ни слова, взяла девочку на руки и положила на кровать, где спал младенец. Малютка плотно придвинулась к брату и, слегка обняв его шейку, сомкнула заплаканные глаза и успокоилась.

– Бѣдная крошка, – сказала мисс Токс, – верно, ей что-нибудь пригрезилось!

Это незначительное происшествие прервало назидательный разговор, и уже трудно было его возобновить. М-сь Чикк, по-видимому, совершенно была утомлена созерцанием доблестных подвигов высокой своей нравственности. Приятельницы поспѣшно допили чай и немедленно отправили слугу за фиаком. Наем извозчика для мисс Токс был делом первой важности, и она приступала к нему не иначе, как с большими приготовлениями, в которых соблюдалась строжайшая система.

– Потрудитесь, пожалуйста, Таулисон, – сказала мисс Токс, – взять с собою чернильницу с пером и хорошенько запишите номер.

– Слушаю, сударыня, – отвечал Таулисон.

– Да потрудитесь, пожалуйста, Таулисон, – продолжала мисс Токс, – перевернуть в фиаке подушку. Она обыкновенно, – прибавила мисс Токс, обращаясь к м-сь Чикк, – по ночам бывает сыра, моя милая. Да еще я побеспокою вас, Таулисон, – продолжала мисс Токс, – потрудитесь взять вот эту карточку и шиллинг. Скажите, что он должен ехать по этому адресу и что ему больше шиллинга не дадут. Не забудьте, пожалуйста.

– Не забуду, – отвечал Таулисон.

– Да еще, – мне совѣстно, что я вас так беспокою, Таулисон, – сказала мисс Токс, нерѣшительно поглядывая на лакея.

– Ничего, сударыня, – отвечал Таулисон.

– Такъ потрудитесь, пожалуйста, Таулисонъ... но нѣтъ, ужъ такъ и быть, ступайте, Таулисонъ. Мнѣ право очень совѣстно...

– Ничего, ничего, сударыня, – возразилъ услужливый лакей.

– Такъ вотъ что, – сказала, наконецъ, миссъ Токсъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ, – вы этакъ какъ-нибудь мимоходомъ намекните извозчику, что леди, съ которой онъ поѣдетъ, не то что какая-нибудь этакъ... что у ней есть знатный дядя, сильный и строгій человѣкъ, что онъ засадитъ въ тюрьму всякаго, кто оскорбитъ его племянницу. Вы можете даже, любезный Таулисонъ, разумѣется, какъ-будто мимоходомъ, невзначай, по-дружески, рассказать, что ужъ одного дерзкаго грубіяна, который недавно умеръ, такъ проучили за это, что онъ всю жизнь не забывалъ.

– Слушаю, сударыня, – отвѣчалъ Таулисонъ.

– Теперь доброй ночи моему премиленькому, распримиленькому крестничку, – сказала миссъ Токсъ, посылая сладенькіе поцѣлуи при каждомъ повтореніи прилагательнаго, – а вы, дружочекъ Луиза, дайте слово, что напьетесь на ночь бузины и успокоите себя.

Черноглазая Сусанна Нипперъ съ величайшимъ трудомъ удерживалась въ присутствіи миссъ Чиккъ; но когда дѣтская опустѣла, она поспѣшила достойнымъ образомъ вознаградить себя за долговременное принужденіе.

– Если бы на меня недѣль на шесть надѣли какую-нибудь чумичку, – сказала она, – и тогда бы я не бѣсилась, какъ теперь. Ну, слыханное ли дѣло?... Ахъ, чучелы, чучелы!

– И говорить, что этому ангельчику пригрезилось! – сказала Полли.

– Кр-р-р-р-расавицы, черти бы васъ побрали! – вскричала Выжига, съ гримасой присѣдая передъ дверью, откуда вышли предметы ея ярости. – Никогда не будетъ Домби! И слава Богу, что никогда не будетъ! Довольно и одной.

– Не разбудите дѣтей, Сусанна, – сказала Полли.

– Чувствительнѣйше благодарю, м-съ Ричардсъ, – вскричала Сусанна, готовая въ сердцахъ на комъ-нибудь выместить свою досаду, – какъ мулатка и невольница, я должна съ почтеніемъ выслушивать ваши приказанія. М-съ Ричардсъ, не угодно ли вамъ еще что-нибудь замѣтить? Говорите, пожалуйста, не церемоньтесь съ вашей покорной слугой.

– Что за вздоръ вы несете, моя милая?

– Какой вздоръ, помилуйте, сударыня! Гдѣ вы изволили родиться, – вскричала Сусанна, – развѣ вамъ неизвѣстно, что вы, какъ временная гостя, можете помыкать мною, какъ угодно? Но гдѣ бы вы ии родились, Ричардсъ, – продолжала Выжига, быстро замахавъ головой, – когда бы вы ни родились, – а вы должны знать, что давать приказанья и исполнять приказанья – двѣ вещи не очень похожія одна на другую. Вы, напримѣръ, можете приказать мнѣ броситься внизъ головой изъ пятаго этажа на мостовую, а я, напримѣръ, могу побереечь свою шею и не послушаться васъ, м-съ Ричардсъ. Вотъ оно какъ.

– Что-жъ я вамъ сдѣлала, Сусанна? – Вы накинудись на меня за то, что обижаютъ миссъ Флоренсу! Вы очень добрая дѣвушка; но вѣдь я же не виновата, моя милая.

– Да, вамъ хорошо этакъ разсуждать, – возразила Сусанна, нѣсколько смягчившись, – когда за вашимъ ребенкомъ ухаживаютъ, какъ за князькомъ, цѣлуютъ его и милуютъ, какъ чортъ знаетъ кого; а что бы вы сказали, если бы затапывали его въ грязь, какъ эту милую, прелестную сиротку, о которой эти вѣдьмы говорили, какъ о пропавшей твари?... Прр-р-р-проклятыя!.. Да что, какая намъ забота! Не капризничайте, миссъ Флой! Спите, негодная шалунья! А вотъ я сейчасъ позову съ чердака домового и велю съѣсть васъ живьемъ. Спите!

Эти слова миссъ Нипперъ произнесла съ особымъ выраженіемъ, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ ее слышала домовая, готовый по первому знаку броситься на исполненіе ея лютыхъ приказаній. Она поспѣшила успокоить свою маленькую воспитанницу, закутавъ ей головку одѣяломъ и хлопнувъ сердито трм или четыре раза по подушкѣ. Потомъ она сложила руки, сжала

ротъ, сѣла передъ каминомъ и въ этомъ положеніи провела весь остатокъ вечера, не сказавъ болѣе ни одного слова,

Хотя въ дѣтской увѣрили, что маленькій Павелъ начинаетъ понимать и даже дѣлать наблюденія, ири всемъ томъ онъ вовсе, по-видимому, не замѣчалъ, что его собираются крестить на слѣдующій день и что съ необыкновенной хлопотливостью приготавливаютъ парадное платье какъ для собственной его особы, такъ и для всей свиты. Даже въ самый торжественный день, онъ, сверхъ чаянія, ничѣмъ не показалъ, что понимаетъ важность церемоніи; напротивъ, въ самую роковую минуту ему вдругъ заблагоразсудилось уснуть крѣпкимъ сномъ счастливой невинности, и потомъ онъ былъ очень недоволенъ, когда его разбудили и начали одѣвать съ особеннымъ стараніемъ.

Пасмурно-сѣрый осенній день, съ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ, вполне согласовался и съ этимъ торжествомъ и съ холодною фигурой м-ра Домби. Онъ стоя принималъ въ библиотекѣ гостей, и на все смотрѣлъ сентябремъ. Когда, подходя къ окнамъ, онъ заглядывалъ въ маленький садъ и смотрѣлъ на деревья, сухіе и пожелтѣвшіе листья съ трескомъ начинали осыпаться, какъ-будто отъ его взора. Темныя и холодныя комнаты, казалось, облеклись въ трауръ, какъ и самыя жилыцы. Книги, разставленныя по ранжиру и вытянутыя въ строй, какъ солдаты, стояли неподвижно въ своихъ мрачныхъ, холодныхъ, однообразныхъ мундирахъ, — и если, какъ у солдатъ, была въ нихъ какая-нибудь мысль, такъ это только мысль о холодной погодѣ. Книжный шкафъ за стеклами, крѣпко запертый на ключъ, отталкивалъ всякое желаніе прикоснуться къ параднымъ переплетамъ. На верху шкафа угрюмо стоялъ бронзовый бюстъ Вильяма Питта, не одушевленный ни одною чертой живого сходства, и, какъ заколдованный мавръ, сторожилъ завѣтный складъ. По бокамъ его двѣ пыльные урны, изъ какой-то древней гробницы, казалось, проповѣдывали о бренности и суетѣ здѣшняго міра; а зеркало, вдѣланное надъ каминомъ, отражая вмѣстѣ и м-ра Домби и его портреты, казалось, погружено было въ самыя меланхолическія размышленія. Закоптѣлая, холодная рѣшетка у камина была чрезвычайно похожа на самого м-ра Домби, облеченнаго въ свой синій, застегнутый до верха фракъ, бѣлый стоячій галстухъ и модные сапоги съ величественнымъ скрипомъ, съ дополненіемъ къ этому туалету неизбѣжной золотой цѣпи, выглядывавшей изъ подъ фрака. Но это случайное родство каминной рѣшетки съ хозяиномъ могло быть допущено только за отсутствіемъ его родственниковъ, м-ра и м-съ Чиккъ, которые при этой оказіи не замедлили явиться собственными особами.

— Любезный Павелъ, — прошептала м-съ Чиккъ, обнимая брата, — нынѣшній день, я надѣюсь, будетъ началомъ многихъ веселыхъ дней.

— Благодарю, Луиза, — отвѣчалъ съ пасмурнымъ видомъ м-ръ Домби, — какъ ваше здорovie, м-ръ Джонъ?

— Какъ ваше здорovie, сэръ? — отвѣчалъ Чиккъ.

Онъ протянулъ руку м-ру Домби съ такою медленностью, какъ будто опасался электрическаго удара. М-ръ Домби дотронулся до его руки съ такою осторожностью, какъ-будто прикасался къ рыбѣ или морскому растенію, или вообще къ чему-нибудь мокрому и клейкому.

— Не нужно ли приказать, Луиза, развести для тебя огня? — спросилъ м-ръ Домби, поворачивая голову въ своемъ высочайшемъ галстухѣ, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

— О, нѣтъ, мой милый, — отвѣчала м-съ Чиккъ, скорчиваясь въ три погибели отъ ужаснаго холода, — для меня все равно.

— А вамъ не холодно, м-ръ Джонъ? — продолжалъ хозяинъ.

М-ръ Чиккъ, который уже успѣлъ засунуть оба кулака въ широкіе карманы своихъ панталонъ и собирался свистнуть одну изъ своихъ любимыхъ арій, пріостановился и отвѣчалъ, что ему очень хорошо. Потомъ онъ уже и затянулъ: "у_ж_ъ_к_а_к_ъ_ж_и_л_ъ_п_о_ж_и_в_а_л_ъ_т_р_я_п_и_ч_н_и_к_ъ", но вдругъ вошелъ Таулисонъ и громко доложилъ:

— Миссъ Токсъ!

Прелестная дѣва на сей торжественный случай облеклась въ легкое газовое платье, украсивъ чело, власы и шею всею роскошью своего туалета. Лицо ея посинѣло, и она дрожала, какъ осиновый листъ.

– Какъ ваше здоровье, миссъ Токсъ? – сказалъ м-ръ Домби.

Миссъ Токсъ, присѣдая на вопросъ м-ра Домби, который сдѣлалъ два или три шага ей на встрѣчу, опустила въ свой пышный газъ и кружева, какъ мгновенно сдвинутая зрительная трубка.

– Я никогда не забуду этого дня, сэръ! – нѣжно сказала миссъ Токсъ, – о, никогда! Любезная Луиза, я почти не смѣю вѣрить своимъ чувствамъ!

Если бы миссъ Токсъ вѣрила по крайней мѣрѣ одному изъ своихъ чувствъ, то узнала бы, что день былъ очень холодный. Съ этимъ, конечно, нельзя было не согласиться. Она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ возстановить задержанное холодомъ кровообращеніе на кончикѣ своего носа и усердно принялась тереть его платкомъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы слишкомъ низкая температура не произвела непріятнаго впечатлѣнія на ребенка, когда она станетъ его цѣловать.

Наконецъ явился и герой с_е_г_о_п_р_а_з_д_н_е_с_т_в_а, несомый на рукахъ м-съ Ричардсъ; въ арріергардѣ его свиты шла Флоренса, подъ стражей неутомимой Сусанны Нипперъ, замыкавшей торжественное шествіе. Хотя на этотъ разъ компанія, прибывшая изъ дѣтской, находилась не въ глубокомъ траурѣ, однако въ наружности дѣйствующихъ лицъ не было ничего праздничнаго. Младенецъ, можетъ быть, испуганный посинѣлымъ носомъ крестной матери, началъ кричать, и этимъ помѣшалъ м-ру Чиккѣ обласкать Флоренсу, къ которой онъ уже подступалъ съ этимъ намѣреніемъ. М-ръ Чиккѣ вообщѣ не слишкомъ жаловалъ породу Домби, быть можетъ, оттого, что слишкомъ коротко знакомъ былъ съ одной особой, которая нѣкогда имѣла честь носить эту фамилію; но маленькую Флоренсу онъ очень любилъ и не скрывалъ своей привязанности. Вотъ почему и теперь онъ хотѣлъ подойти къ бѣдной сироткѣ; но дражайшая половина при крикѣ ребенка остановила супруга.

– Чего ты смотришь, Флоренса? – прервала съ живостью тетка. – Подойди къ братцу, утѣшь его.

Температура сдѣлалась или должна была сдѣлаться еще холоднѣе, когда м-ръ Домби обратился съ холоднымъ вниманіемъ къ своей маленькой дочери, которая, хлопая ручонками и приподнимаясь на цыпочки, манила къ себѣ маленькаго брата, стараясь обратить на себя его вниманіе. Ребенокъ въ самомъ дѣлѣ услышалъ привычный голосокъ, посмотрѣлъ внизъ и замолчалъ. Быть можетъ, искусные маневры м-съ Ричардсъ тоже содѣйствовали къ успокоенію благороднаго наслѣдника м-ра Домби. Флоренса спряталась за кормилицу – ребенокъ нетерпѣливо слѣдилъ ее глазами; она выглянула опять съ веселымъ крикомъ – онъ запрыгалъ и улыбался отъ радости; наконецъ, когда сестра подбѣжала къ нему, малютка громко засмѣялся и опустилъ ручку въ ея локоны, между тѣмъ какъ она съ нѣжностію осыпала его поцѣлуями.

Пріятно ли это было м-ру Домби? Исторія молчитъ; но онъ не выразилъ удовольствія ни малѣйшимъ движеніемъ. Впрочемъ, всякое наружное выраженіе чувствъ было не по его натурѣ. Если бы какъ-нибудь солнечный лучъ прокрался въ комнату и освѣтилъ играющихъ дѣтей, онъ отнюдь не прояснилъ бы его лица. Оно было такъ неподвижно и холодно, что даже послѣдній теплый лучъ померкъ въ веселыхъ глазкахъ маленькой Флоренсы, когда она случайно встрѣтилась съ глазами отца.

День былъ сѣрый, пасмурный, настоящій осенній, и въ этотъ промежутокъ минутнаго молчанія листья печально падали съ деревьевъ.

– М-ръ Джонъ, – сказалъ м-ръ Домби, посмотрѣвъ на часы и взявъ шляпу, – потрудитесь вести сестру; моя рука сегодня принадлежитъ миссъ Токсъ. Ричардсъ, ступайте впередъ съ мромъ Павломъ, да будьте осторожнѣе.

Въ каретѣ м-ра Домби отправились: Домби и Сынъ, миссъ Токсъ, м-съ Чиккъ, Ричардсъ и Флоренса; въ маленькой каретѣ м-ра Чиккъ поѣхали Сусанна Нипперъ и самъ м-ръ Джонъ. Сусанна безпрестанно глазѣла въ окно, чтобъ избавиться отъ печальной необходимости смотрѣть на широкое лицо джентльмена, и всякій разъ, когда что-нибудь звенѣло, ей казалось, будто м-ръ Чиккъ завертываетъ деньги и хочетъ угостить ее подаркомъ.

Дорогой, на пути къ церкви, м-ръ Домби хлопнулъ однажды въ ладоши, чтобъ позабавить сына, – и миссъ Токсъ пришла въ неописуемый восторгъ при этомъ изъявленіи родительской нѣжности. Больше ничего не сдѣлалъ и не сказалъ м-ръ Домби, и веселый поѣздъ на крестины отличался отъ похоронной процессіи только особымъ цвѣтомъ экипажа и лошадей.

У церковныхъ дверей карету поспѣшили встрѣтить сторожъ съ какой-то зловѣщей фizioноміей. М-ръ Домби вышелъ прежде всѣхъ, чтобы принять дамъ, и когда онъ остановился, его тоже можно было принять за сторожа, разумѣется, не церковнаго, но за суроваго с_т_р_а_ж_а человеческихъ дѣлъ и помышлений.

Миссъ Токсъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ подала руку м-ру Домби и начала съ нимъ взбираться по ступенямъ церковной паперти. Въ церкви совершалась другая торжественная церемонія, и миссъ Токсъ ясно разслышала слова: "Охотой ли идешь за него Лукреція?" – «Да» – отвѣчалъ другой голосъ.

– Потрудитесь скорѣе внести ребенка, – ска залъ сторожъ, отворяя церковную дверь.

– Въ могилу? – могъ бы спросить маленькій Павелъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ, – такимъ холодомъ и сыростью повѣяло изъ церкви! Большая завѣшенная каеэдра и покрытый налой, страшные ряды порожнихъ скамеекъ, угрюмыхъ галлерей, возвышавшихся до самого потолка и пропадавшихъ въ тѣни огромнаго нахмуреннаго органа, пыльные рогожи и холодный полъ, вымощенный каменными плитами, пустые стулья въ переднихъ углахъ и страшная сырость въ заднемъ углу, гдѣ стояли катафалки, гробовыя носилки и нѣсколько лопатъ, корзины и кое-какой дряни, перевязанной гробовыми веревками, странный, неестественный запахъ и погребальный свѣтъ: такова была англійская церковь, гдѣ собирались совершить священный обрядъ.

– Теперь у насъ свадьба, сказалъ сторожъ, – но ее сейчасъ кончатъ. Не угодно ли вамъ пожаловать въ придѣлъ?

При этихъ словахъ, показывая дорогу въ придѣлъ, сторожъ поклонился м-ру Домби съ легкой улыбкой, давая знать, что уже имѣлъ честь познакомиться съ его милостью при похоронахъ его супруги, и надѣется, что съ тѣхъ поръ почтенный джентльменъ былъ въ добромъ здоровьи.

Фizioноміи новобрачныхъ отнюдь не обнаруживали пламенныхъ восторговъ удовлетво- реннаго сердца, и вся свадебная процессія имѣла необыкновенно печальный видъ. Невѣста была очень стара, женихъ очень молодъ; какой-то устарѣлый франтъ, съ однимъ настоящимъ и другимъ поддѣльнымъ глазомъ, велъ молодую. Вся компанія дрожала отъ холода. Въ при- дѣлѣ дымился огонь, и старый дякъ "наводилъ справку", ощупывая пальцемъ огромные листы фоліанта, исписаннаго именами покойниковъ. Надъ каминомъ висѣлъ планъ церковныхъ скле- повъ, и м-ръ Чиккъ, бѣгло читая вслухъ реестръ усопшихъ и погребенныхъ особъ, невзначай произнесъ также и имя Фанни.

Черезъ нѣсколько минутъ явился староста, низенькій, худенькій старичекъ, одаренный сильной одышкой; онъ почтительно поклонился и доложилъ, что купель приготовлена. Однако- жъ все еще должно было дожидаться, пока записывались свадебные свидѣтели, и между тѣмъ угрюмый, задыхавшійся староста ходилъ взадъ и впередъ и безпрестанно кашлялъ, частью отъ слабости, частью для того, чтобы напомнить о своей особѣ жениху и невѣстѣ, выходившимъ изъ церкви. Потомъ пришелъ пономарь, единственное веселое лицо во всей церкви; онъ принесъ кружку теплой воды и пробормоталъ, что не мѣшало бы напередъ согрѣть купель, хотя очень хорошо зналъ, что купель не нагрѣютъ теперь и миллионы ведеръ кипятку. Наконецъ явился и самъ пасторъ, любезный молодой человѣкъ съ улыбающимся лицомъ; но его фигура должна

была наводить ужасъ на маленькихъ дѣтей, напоминая одного изъ тѣхъ страшныхъ сказочныхъ пугаль, которыя, какъ извѣстно, всегда являются въ бѣломъ саванѣ, — а ризы почтеннаго пастыря англиканской церкви были очень похожи на бѣлый саванъ. Дѣйствительно, при одномъ видѣ его, Павелъ закричалъ благимъ матомъ и до тѣхъ поръ не переставалъ, покуда его не увезли прочь. Даже и послѣ, во все продолженіе обряда, раздавался въ церкви крикъ ребенка то громкій, то тихій, попеременно возвышаясь и понижаясь самымъ непріятнымъ образомъ. Это до такой степени разстроило чувствительныхъ дамъ, что м-съ Чиккъ безпрестанно оборачивались и посылала старосту къ кормилицѣ съ разными порученіями, а миссъ Токсъ забыла даже закрыть молитвенникъ въ то самое время, когда священникъ читалъ заклинательную молитву.

Во все это время м-ръ Домби ни разу не измѣнилъ своей безстрастной, джентльменской фізіономіи и оттого, можетъ быть, въ церкви сдѣлалось еще холоднѣе, такъ что при чтеніи пасторомъ молитвъ, паръ изъ его устъ видимо распространялся предъ очами благочестивыхъ слушателей. Только одинъ разъ, когда пасторъ, въ заключеніе церемоніи, давая наставленіе воспріемникамъ касательно ихъ будущихъ обязанностей въ отношеніи къ духовному чаду, взглянулъ случайно на м-ра Чикка; лицо м-ра Домби приняло необыкновенновеличественное выраженіе, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать, что крестный отецъ долженъ поберечь себя отъ такого совѣта.

Когда все было кончено, онъ опять подаль руку миссъ Токсъ и проводилъ ее въ придѣлъ, гдѣ объяснилъ священнику, что почелъ бы большимъ счастьемъ пригласить его къ себѣ откушать хлѣба-соли, если бы хозяйство не было у него въ плачевномъ состояніи. Когда метрическая книга была подписана, деньги за крестины заплачены, староста, дьячекъ и пономарь нмѣстѣ со сторожемъ получили на свой пай, небольшое общество снова усѣлось въ кареты и въ томъ же порядкѣ двинулось въ обратный путь.

Дома почтенную компанію встрѣтилъ бронзовый Вильямъ Питтъ, который, по-видимому, отворачивалъ носъ отъ холодныхъ блюдъ, приготовленныхъ скорѣе для поминокъ, чѣмъ для радостнаго торжества. По возвращеніи изъ церкви, миссъ Токсъ подарила своему крестнику серебряную кружку, а м-ръ Чиккъ ложку, вилку и ножикъ въ особомъ ящикѣ. Съ своей стороны м-ръ Домби поднесъ миссъ Токсъ браслетъ, и миссъ Токсъ приняла с_е_й_д_а_р_ъ с_б_л_а_г_о_г_о_в_ѣ_й_н_ы_м_ъ и_з_л_і_я_н_і_е_м_ъ глубокаго чувства п_р_и_з_н_а_т_е_л_ь_н_о_с_т_и.

— М-ръ Джонъ — сказалъ м-ръ Домби, — не угодно ли вамъ садиться за столъ? Что у васъ тамъ?

— Холодная говядина, сэръ, — отвѣчалъ м-ръ Чиккъ, потирая одну о другую свои оконченвшія руки, — а у васъ что тамъ?

— Холодная телятина, кажется, — возразилъ м-ръ Домби. — А тамъ вонъ холодная дичь, ветчина, пирогъ, салатъ, раки. Миссъ Токсъ! Позвольте просить васъ виномъ! Шампанскаго, миссъ Токсъ!

Кушанья были такъ холодны, что при одномъ взглядѣ на нихъ зубамъ становилось больно. Шампанское, казалось, вовсе замерзло, и миссъ Токсъ чуть не вскрикнула, когда прикоснулась къ бокалу. Холодные и жаркія принесены были изъ такого ледяного буфета, что отъ одного прикосновенія къ нимъ у м-ра Чиккъ окостенѣли пальцы. Только одинъ м-ръ Домби былъ непоколебимъ по прежнему.

Господствующее настроеніе отразилось даже на м-съ Чиккъ: она уже не льстила брату, не болтала съ пріятельницей и думала только о томъ, какъ бы укротить б_у_й_с_т_в_о зубовъ, н_а_ч_и_н_а_в_ш_и_х_ъ противъ ея в_о_л_и колотить очень непріятную тревогу.

— Ну, сэръ, — сказалъ м-ръ Чиккъ, наливая стаканъ хересу и дѣлая неожиданный скачекъ послѣ продолжительнаго молчанія, — съ вашего позволенія, за здоровье нашего маленькаго Павла!

– Даруй ему Боже всѣхъ возможныхъ благъ! – пропищала миссъ Токсъ, прихлебывая вино.

– Миленькій Домби! – прошептала миссъ Чиккъ.

– М-ръ Джонъ, – сказалъ м-ръ Домби съ суровой важностью, – мой сынъ не преминулъ бы отблагодарить васъ, если бы понималъ, какую дѣлаютъ ему честь. Впослѣдствіи, я надѣюсь, онъ сумѣетъ опредѣлить свои отношенія къ родственникамъ и друзьямъ и пойметъ, какія обязанности къ обществу свѣтъ налагаетъ на каждого достойнаго гражданина.

Эти слова были произнесены такимъ тономъ, что всякое возраженіе казалось неумѣстнымъ, даже дерзкимъ, и потому м-ръ Чиккъ погрузился опять въ прежнее велерѣчивое молчаніе. Миссъ Токсъ слушала м-ра Домби еще съ большимъ вниманіемъ противъ обыкновеннаго, наклонивъ къ нему голову съ напряженнымъ любопытствомъ, и когда онъ кончилъ, она нагнулась черезъ столъ къ м-ру Чиккъ и прошептала:

– Луиза!

– Что, мой другъ? – спросила м-съ Чиккъ.

– Какія обязанности къ обществу свѣтъ... Какъ это сказано, я не понимаю.

– Возлагаетъ на всякаго человѣка! – отвѣчала м-съ Чиккъ.

– Извините, мой другъ, – возразила миссъ Токсъ, – мнѣ кажется не такъ. Это было сказано какъ-то плавнѣе, деликатнѣе... Какія отношенія къ родственникамъ и друзьямъ и какія обязанности къ обществу свѣтъ налагаетъ на достойнаго гражданина!

– Налагаетъ на достойнаго гражданина. Точно такъ! – повторила м-съ Чиккъ.

Миссъ Токсъ съ торжествомъ сложила свои нѣжныя руки и, поднявъ глаза къ потолку, прошептала: – Какое краснорѣчіе!

М-ръ Домби приказалъ, между тѣмъ, позвать м-съ Р_и_ч_а_р_д_с_ь. Черезъ нѣсколько минутъ кормилица явилась въ залу, но уже одна, безъ ребенка, потому что ребенокъ спалъ крѣпкимъ сномъ послѣ тревожнаго дня. М-ръ Домби подаль ей стаканъ вина и началъ слѣдующую рѣчь, которую миссъ Токсъ приготовилась слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни одного слова.

– Въ продолженіе пяти или шести мѣсяцевъ, проведенныхъ въ моемъ домѣ, м-съ Ричардсъ, вы исполняли добросовѣстно свои обязанности въ отношеніи къ любезнѣйшему моему сыну. Желая достойнымъ образомъ вознаградить васъ при этомъ благополучно совершившемся торжествѣ, я обдумывалъ, какъ это сдѣлать соотвѣтственнѣе моему званію и совѣтовался на сей конецъ съ возлюбленнѣйшею моею сестрой, м-съ...

– Чиккъ! – перервалъ джентльменъ, носившій эту фамилію.

– О, не прерывайте, сдѣлайте милость! – сказала миссъ Токсъ.

– Я хотѣлъ сказать вамъ, Ричардсъ, – началъ опять м-ръ Домби, бросивъ строгій взглядъ на м-ра Чиккъ, – что я въ особенности руководствовался при этомъ первымъ разговоромъ съ вашимъ супругомъ, отъ котораго я узналъ, въ какихъ печальныхъ обстоятельствахъ находится ваше семейство, и въ какомъ глубокомъ невѣжествѣ коснѣютъ ваши дѣти,

Ричардсъ вздрогнула.

– Я очень далекъ отъ того, – продолжалъ м-ръ Домби, – чтобъ быть на сторонѣ дерзкихъ вольнодумцевъ, распространяющихъ вздорную мысль о необходимости всеобщаго образованія. Но считаю также необходимымъ, чтобы низшій классъ понималъ свое положеніе и, руководимый истиннымъ просвѣщеніемъ, благовременно, по собственному чувству чести и долга, поучался бы смиренію, послушанію, повиновенію и другимъ подобнымъ добродѣтелямъ, составляющимъ истинную, незыблемую, непреложную основу гражданской цѣлости и невозмутимаго спокойствія. Съ этой, и только съ этой стороны, я одобряю училища.

Здѣсь м-ръ Домби величаво окинулъ глазами собраніе, и, довольный благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ какимъ его слушали, продолжалъ:

– Имѣя право назначать одного кандидата въ заведеніе, извѣстное подъ названіемъ "Благотворительнаго Точильщика", гдѣ дѣти получаютъ не только воспитаніе, соотвѣтственное своему назначенію, но и пользуются безбѣднымъ содержаніемъ, я, сообщивъ предварительно о моемъ намѣреніи чрезъ м-съ Чиккѣ вашему семейству, представилъ вашего старшаго сына на имѣющуюся вакансію, и онъ сегодня, какъ извѣстили меня, принять уже въ число воспитанниковъ. Номеръ вашего сына – заключилъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ и говоря о мальчикѣ, какъ будто рѣчь шла о наемномъ фіакрѣ, – кажется; сто сорокъ седьмой. Луиза, потрудись передать ей.

– Сто сорокъ седьмой, – сказала м-съ Чиккѣ. – Форма у нихъ, Ричардсъ: теплая фризовая куртка и фуражка синяго цвѣта съ желтой выпушкой, красные шерстяные чулки и узкіе кожаные брюки. Это можно носить самимъ, – прибавила м-съ Чиккѣ съ энтузіазмомъ, – да еще похваливать.

– Ну, Ричардсъ, – сказала миссъ Токсъ, – поздравляю васъ. Благотворительный Точильщикъ! каково?

– Много обязана вамъ, сэръ, – робко отвѣчала кормилица, обращаясь къ м-ру Домби, – никогда не забуду вашихъ благодѣній. Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать.

Въ это время Котель – читатель не забылъ прозвище старшаго кочегарова сына – въ полномъ нарядѣ воспитанника Благотворительнаго Точильщика представился съ такой поразительной живостью воображенію Ричардсъ, что она не могла удержаться отъ слезъ.

– Я очень рада, что нахожу въ васъ столько чувствительности, Ричардсъ! – сказала миссъ Токсъ.

– Послѣ этого можно надѣяться, – прибавила миссъ Чиккѣ, обрадовавшись случаю блеснуть своимъ познаніемъ человѣческаго сердца, – что на свѣтѣ есть еще души, умѣющія чувствовать благодарность.

Ричардсъ кланялась и благодарила за ласки, но не находя средствъ выйти изъ замѣшательства, въ которое приводила ее мысль увидѣть сына въ драгоцѣнныхъ кожаныхъ штанахъ, она понемногу начала пятиться къ дверямъ и была очень рада, когда, наконецъ, удалось ей ускользнуть изъ комнаты.

Температура, которая немного смягчилась въ присутствіи кормилицы, съ ея уходомъ переѣнилась опять, и морозъ началъ свирѣпствовать съ прежней жестокостью. М-ръ Чиккѣ два раза принимался насвистывать, но вмѣсто веселой пѣсни выходилъ у него какой-то погребальный маршъ. Маленькое общество съ каждой минутой становилось холоднѣе и холоднѣе, какъ будто превращалось въ твердую оледенѣлую массу вмѣстѣ съ блюдами, передъ которыми сидѣло. Наконецъ, м-съ Чиккѣ взглянула на миссъ Токсъ, а миссъ Токсъ взглянула на м-съ Чиккѣ и, кивнувъ утвердительно головами, обѣ леди сказали, что пора домой. Такъ какъ м-ръ Домби не сдѣлалъ никакого возраженія, честная компанія поспѣшила откланяться и немедленно отправилась въ сопровожденіи м-ра Чиккѣ, который, лишь только лошади сдвинулись съ мѣста, запустилъ руки въ карманы, вальяжно развалился въ каретѣ и принялся насвистывать: "К_а_к_ъ_п_о_ш_л_и_н_а_ш_и, п_о_ѣ_х_а_л_и_д_о_м_о_й" съ такой мрачной и ужасной досадой, что м-съ Чиккѣ во всю дорогу ни разу не осмѣлилась остановить и обезпокоить его.

Ричардсъ, при всей приверженности къ своему питомцу, не могла забыть и своего первенца. Она чувствовала, что это не совсѣмъ сообразно съ чувствомъ благодарности; но этотъ день имѣлъ вліяніе даже на "Благотворительнаго Точильщика", и бѣдной матери показалось, что оловянный значекъ и сто сорокъ седьмой номеръ были тоже необходимою принадлежностью крестинъ. Она не разъ заговаривала въ дѣтской о форменномъ платьѣ и особенно о милыхъ штанахъ, которые безпрестанно представлялись ей воображенію.

– Богъ знаетъ, чего бы я не дала, – сказала Полли, – чтобы хоть разокъ взглянуть на бѣднаго малютку, покуда онъ не привыкъ.

– Ну, такъ что-жъ, м-съ Ричардсъ? – сказала Нипперъ, посвященная въ ея тайну, – отъ васъ зависить съ нимъ повидаться.

– М-ръ Домби не позволить, – сказала Полли.

– Вотъ пустяки! Почему не позволить? – возразила Нипперъ, – мнѣ кажется охотно позволить, если попросить.

– Я думаю, вы ни за что не согласились бы просить его? – сказала Полли.

– Разумѣется, – утвердительно отвѣчала Сусанна, – но погодите, вотъ въ чемъ штука: наши прелестныя надзирательницы говорили, кажется, что завтра не пожалуютъ къ должности. Такъ знаете ли что? Мы возьмемъ съ собой миссъ Флой, выйдемъ со двора и зададимъ такое гулянье, какого и не снилось всѣмъ этимъ Чиккъ и Токсъ.

Сначала Полли съ твердостью отказалась; но мало-по-малу она начала привыкать къ дерзкому предложенію, соединяя его съ мыслью о миломъ Котлѣ. Наконецъ, убѣдившись, что не большая бѣда одинъ разъ безъ спросу отлучиться изъ дому, она согласилась, что выдумка Сусанны была очень благоразумна.

Когда дѣло было слажено, маленькій Павелъ принялся кричать, какъ-будто предчувствовалъ, что затѣя къ добру не поведетъ.

– Что это съ ребенкомъ? – спросила Сусанна.

– Кажется, онъ продрогъ, – сказала Полли, расхаживая съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ и убаюкивая его на рукахъ.

День былъ пасмурный, настоящій осенній день. Когда кормилица, укачивая ребенка, заглядывала по временамъ въ заплаканныя стекла окна, на дворѣ дико жужжалъ пронзительный вѣтеръ, поблекшіе листья съ шумомъ падали съ чахлыхъ деревьевъ, и ей становилось страшно, и сердце ея судорожно сжималось, и она крѣпко прижимала къ груди трепещущаго младенца.

Глава VI

Второе лишеніе Павла

Горькое раздумье взяло робкую Полли, когда поутру на другой день она сообразила всю опасность дерзкаго предпріятія. Бѣдная мать уже рѣшалась было со страхомъ и трепетомъ предстать предъ грозныя очи м-ра Домби и умолять его о позволеніи повидаться съ номеромъ сто сорокъ седьмымъ; но черноокая подруга ея и слышать не хотѣла объ этомъ намѣреніи. Что дѣлать? Ужъ такова была натура Сусанны Нипперъ, Выжиги, что если ей разъ чего захотѣлось, это – что называется – тотчасъ же слѣдовало вынуть, да положить. У ней доставало довольно твердости духа хладнокровно смотрѣть на чужія бѣды и неудачи, зато она терпѣть не могла, когда сама попадалась въ просакъ, или просто, когда ей въ чемъ-нибудь прекословили. На этотъ разъ она столько придумала непреоборимыхъ препятствій къ выполненію законнаго намѣренія м-съ Ричардсъ, и вмѣстѣ такъ убѣдительно доказывала необходимость противозаконной выходки, что едва только м-ръ Домби вышелъ изъ-за воротъ, какъ неразумный сынъ его летѣлъ уже безъ оглядки по направленію къ садамъ Стаггса.

Пресловутые сады Стаггса находились въ захолустьи, которое окрестнымъ жителямъ было извѣстно подъ именемъ Кемберлинскаго Города, или Кемденскаго тожъ. Сюда-то направили стопы свои двѣ быстроногія няньки м-ра Домби вмѣстѣ со своими питомцами: Ричардсъ, разумѣется, несла на рукахъ Павла, а Сусанна вела за руку маленькую Флоренсу, по временамъ, порядка ради, давая ей пинки и толчки, что она считала совершенно необходимымъ для здоровья своей воспитанницы.

Въ эту самую пору первый ударъ страшнаго землетрясенія совершенно разрушилъ въ Лондонѣ цѣлый кварталъ, и свѣжіе слѣды этой ужасающей грозы виднѣлись на каждомъ шагу. Высочайшіе дома со всего размаху шарахнулись внизъ и запрудили своими развалинами цѣлыя улицы съ ихъ переулками. Здѣсь образовались глубокія ямы и каналы; тамъ возникли огромные холмы изъ глины и земли. Здѣсь опрокинутыя и перековерканныя тѣлѣги въ безобразномъ хаосѣ лежали при подошвѣ крутого неестественнаго холма; тамъ, въ какомъ-то чудовищномъ пруду мокли и ржавѣли перепутанныя полосы желѣза. Откуда-то явились мосты, ни къ чему ненужные, переулки, по которымъ никто не проходилъ, временные дома и ограды изъ толстыхъ бревенъ и досокъ въ самыхъ невѣроятныхъ положеніяхъ; вавилонскія башни разнокалиберныхъ трубъ съ оторванными наконечниками, остовы постоянныхъ дворовъ, обломки неоконченныхъ стѣнъ и арокъ, площади, загроможденные кирпичами, известью, мѣломъ; подмостки, лѣса, гигантскія формы крановъ, треножники, вѣсы и прочее. Тутъ были сотни тысячъ неоконченныхъ фигуръ, безъ лица и образа, торчавшихъ на боку и вверхъ ногами, въ землѣ, въ воздухѣ, въ водѣ: хаосъ непостижимый для ума, какъ страшный сонъ, какъ дикая мечта! Кипучіе ключи и огненные изверженія, необходимые спутники землетрясенія, съ яростью врывались на различные пункты грозной сцены. Клокочущая вода шипѣла и волновалась въ разрушенныхъ стѣнахъ, откуда въ то же время, какъ изъ кратера вулкана, съ яркимъ блескомъ и громкимъ ревомъ, исторгалось пожирающее пламя. Все пришло въ безпорядокъ, все измѣнило здѣсь свои законы, постановленія, привычки.

Еще неоконченная и неоткрытая желѣзная дорога была въ работѣ, и изъ самой сердцевины этого страшнаго безпорядка уже виднѣлись ея рельсы, – новый могучій вѣстникъ цивилизаціи и успѣховъ человѣческаго разума.

Между тѣмъ сосѣдніе жители еще съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ посматривали на желѣзную дорогу. Двое смѣлыхъ спекуляторовъ затѣяли проложить нѣсколько улицъ, и одинъ уже началъ постройку домовъ, но принужденъ былъ остановиться среди грязи и пепла. Другой прожектеръ выстроилъ съ молотка новый трактиръ подъ вывѣской: "Гербъ Желѣзной Дороги"; тутъ не было риску; трактирщикъ во всякомъ случаѣ надѣялся продавать вино работникамъ и

мастеровымъ. Распивочная лавочка, для вящей важности, переименовалась въ "Домъ Перепутья Землекоповъ"; а содержатель колбасной лавочки привѣсилъ огромную вывѣску: "Съѣстной Домъ Желѣзной Дороги". Появилось тоже нѣсколько гостиницъ и постоялыхъ дворовъ; но все это не значило ничего, и вообще довѣріе публики къ новымъ рельсамъ было покамѣстъ еще очень слабо. Около самой дороги паслись коровы, свиньи, помѣщались хлѣвы, стояла торчали навозныя ямы, мусорныя кучи, строились плотины, сады, бесѣдки, фабрики, валялись устричныя раковины въ устричный сезонъ, раковая шелуха въ раковую пору, куски разбитой посуды и завядшіе листья капусты во всякое время года. Ограды, перила, столбы съ разными приказами, наказами, запрещеніями, неуклюжія лачужки съ неуклюжими угольями, – все это гордо стояло на прежнихъ мѣстахъ и какъ будто издѣвалось надъ суетливой дѣятельностью смѣлыхъ антрепренеровъ. Ничто не улучшалось и не думало улучшаться отъ новой дороги, и если бы опустошенная, взрытая и перерытая земля отличалась завиднымъ даромъ смѣха, она съ презрѣніемъ захохотала бы вмѣстѣ съ окрестными жителями, которые вдоволь потѣшались на свой пай.

Упомянутые сады Стаггса питали особенное презрѣніе къ желѣзной дорогѣ. Это былъ небольшой рядъ домовъ съ грязною окрестностью, отгороженною старыми воротами, обручами изъ бочекъ, парусинными лоскутьями, плетнемъ, жестяными котлами съ выбитымъ дномъ и мѣстами перержавѣлой желѣзной рѣшеткой, втиснутой въ разныя щели. Здѣсь садовники Стаггса сѣяли турецкіе бобы, разводили куръ, гусей, кроликовъ, строили гнмлыя бесѣдки изъ старыхъ лодокъ, сушили платья, курили трубки. Нѣкоторые думали, что сады Стаггса получили свое имя отъ покойнаго капиталиста, нѣкоего господина Стаггса, который выстроилъ домики для собственнаго удовольствія. Другіе, особенно любившіе эту окрестность, были того мнѣнія, что имя «Стаггса» произошло отъ стада оленей (stags), которые въ незапамятныя времена паслись въ тѣнистыхъ рощахъ этого предмѣстья. Какъ бы то ни было, весь околотовъ считалъ сады Стаггса священной рощей, которая не увянетъ ни отъ какого забавнаго изобрѣтенія, и такова была общая увѣренность въ ея долговѣчности, что одинъ трубочистъ, жившій на углу, человѣкъ въ нѣкоторомъ смыслѣ политическій между окрестными жителями, публично и торжественно объявилъ, что въ случаѣ открытія желѣзной дороги, если только она откроется, двое мальчишекъ вскарабкаются по его повелѣнію на кровлю, и съ вершины трубы, съ метлами въ рукахъ, громогласно ошикають вагоны и предскажутъ безразсудной компаніи неизбѣжное паденіе.

И въ этотъ богоспасаемый пріютъ, котораго самое имя до сихъ поръ тщательно скрывали отъ м-ра Домби, судьба и м-съ Ричардсъ занесли маленькаго Павла.

– Вотъ мой домъ, Сусанна! – сказала Полли, указывая на одну изъ лачужекъ,

– Неужели?

– Да. А вонъ у воротъ стоитъ сестра Джемима съ моимъ ребенкомъ на рукахъ. Рекомендую.

И при видѣ сестрицы Джемимы, Полли пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ, прискакала къ воротамъ, промѣняла въ мгновеніе ока благороднаго питомца на своего сына, къ невыразимому изумленію молодой женщины, которой показалось, будто маленькій Домби прилетѣлъ къ ней съ облаковъ.

– Какъ? ты ли это, Полли? – кричала Джемима. – Охъ, какъ ты меня напугала! Кто бы могъ подумать? Пойдемъ, пойдемъ! Дѣти съ ума сойдутъ отъ радости, когда увидятъ тебя. Какъ ты похорошѣла, Полли!

Дѣти точно перебѣсились, если судить по тому гвалту, съ какимъ они взапуски бросились на мать и поволокли ее къ низенькому стулу, гдѣ она, окруженная розовыми малютками, усѣлась какъ пышная зрѣлая яблоня, обремененная наливными вкусными плодами, которые очевидно всѣ разрослись отъ одного общаго дерева. Впрочемъ, Полли возилась сама не менѣе дѣтей, и уже тогда только, какъ совершенно выбилась изъ силъ, когда волосы ея въ безпорядкѣ растрепались по румяному пылающему лицу, и когда новое крестильное платье совсѣмъ было

измято, суматоха немного приутихла, и почтенное семейство пришло въ память. Но и тутъ еще младшій Тудль, сидѣвшій на колѣняхъ, обхватилъ обѣими руками ея шею, между тѣмъ какъ другой постарше сзади вскарабкался на стулъ, и дѣлалъ отчаянныя усилія поцѣловать мать въ затылокъ.

– Посмотрите-ка, вотъ со мной пришла хорошенькая миледи, – сказала Полли. – Какая она скромная, смиренная! Прекрасная барышня, не правда ли?

Это обращеніе къ Флоренсъ, которая, притаившись у дверей, пристально смотрѣла на трогательную сцену, обратило на нее вниманіе маленькихъ Тудлей. Въ это же время послѣдовало формальное представленіе миссъ Нипперъ, которая уже начинала беспокоиться, что ее совсѣмъ забыли.

– Ахъ, душенька Сусанна, пойдите сюда, моя милая, посидите немножко! – проговорила Полли. – Вотъ моя сестра Джемима, – рекомендую, сестрица; не знаю, что бы я стала дѣлать, если бы не добрая Сусанна Нипперъ: вѣдь безъ нея мнѣ бы не быть здѣсь.

– Прошу покорно садиться, миссъ Нипперъ, – сказала Джемима.

Сусанна съ важнымъ и церемоннымъ видомъ сдѣлала книксенъ, и присѣла на край стула.

– Мнѣ съ вами чрезвычайно пріятно познакомиться, миссъ Нипперъ, – продолжала Джемима, – въ жизнь никого я не видала съ такимъ удовольствіемъ, какъ васъ.

Сусанна немного приподнялась со стула и привѣтливо улыбнулась.

– Сдѣлайте одолженіе, скиньте вашу шляпку, миссъ Нипперъ, будьте какъ дома, – говорила Джемима. – Здѣсь, какъ видите, все очень бѣдно; но, надѣюсь, вы не осудите насъ.

Черноглазая дѣвушка такъ разнѣжилась отъ этого почтительнаго обращенія, что взяла къ себѣ на колѣни маленькую Тудль, которая къ ней подбѣжала.

– А гдѣ нашъ бѣдный Котель? – сказала Полли. – Я вѣдь для того и пришла, чтобы посмотреть, каковъ онъ въ своемъ новомъ платьѣ.

– Ахъ, какъ жаль! – вскричала Джемима, – онъ пропадетъ съ тоски, когда узнаетъ, что мать была здѣсь. Теперь онъ въ школѣ, Полли.

– Уже?

– Да. Вчера онъ побѣжалъ туда въ первый разъ: бѣдняжка ужасно боится пропустить, что тамъ у нихъ учатъ. Но сегодня тамъ какой-то полупраздникъ, и послѣ обѣда ученія не будетъ. Если бы ты крошечку подождала, Полли: онъ скоро придетъ домой. Миссъ Нипперъ, вѣроятно, вы будете такъ добры, что не станете торопить сестру?

– О, конечно, миссъ Тудль! – отвѣчала Сусанна, очарованная лаской хозяйки, – для васъ я все готова сдѣлать.

– А каковъ онъ теперь, Джемима? – пролепетала Полли. – Бѣдняжка!

– Ничего, сестрица, – отвѣчала Джемима, – онъ теперь парень хоть куда, не то, что прежде.

– Творецъ небесный! – вскричала Полли съ большимъ волненіемъ, – у него ножки должны быть слишкомъ коротки.

– Коротеньки, сестрица, особенно сзади; но они вытягиваются съ каждымъ днемъ, и авось, Богъ дастъ, со временемъ вытянутся.

Слабое, ненадежное утѣшеніе; но веселый тонъ и радушіе, съ какимъ оно было произнесено, придавали ему большую важность въ глазахъ бѣдной матери. Черезъ минуту Полли спросила уже гораздо спокойнѣе:

– А гдѣ отецъ, милая Джемима?

М-ръ Тудль былъ вообще извѣстенъ въ семьѣ подъ этимъ патріархальнымъ именемъ.

– И его нѣтъ, – отвѣчала Джемима. – Ахъ, какъ это жаль! Сегодня отецъ съ собою взялъ обѣдъ и не воротится домой до вечера. Онъ всегда говоритъ о тебѣ, Полли, и со мною и съ дѣтьми. Что за добрая душа, если бы ты знала! Въ цѣломъ свѣтѣ не сыщешь такого смиренника.

– Спасибо, Джемима! – простодушно сказала Полли, обрадованная отзывом о мужѣ, и вмѣстѣ опечаленная его отсутствіемъ, – благодарю тебя, моя милая.

– Не за что, Полли, – отвѣчала Джемима, напечатлѣвъ звонкій поцѣлуй на щекѣ сестры и весело припрыгивая съ маленькимъ Павломъ. – Я то же самое по-временамъ говорю о тебѣ и ужь, разумѣется, не лгу.

Несмотря на отсутствіе кочегара и его первенца, визитъ быстроногихъ нянекъ м-ра Домби далеко не пропалъ даромъ. Сестры разговаривали о семейныхъ дѣлахъ, о Котлѣ, о всѣхъ его братьяхъ и сестрахъ, между тѣмъ какъ черноглазая гостя, совершивъ неоднократныя путешествія по всѣмъ направленіямъ комнаты, внимательно разсматривала мебель, стѣнные часы, шкафъ, каминъ, комодъ съ красными и зелеными стеклами, и особенно пару черныхъ бархатныхъ котятъ, которые въ живописномъ положеніи стояли у камина, держа во рту ридикюли своей хозяйки, къ несказанному изумленію всѣхъ садовниковъ Стагтса. Какъ скоро разговоръ сдѣлался общимъ, Сусанна въ припадкѣ откровенности рассказала Джемимѣ всю подноготную, что только было ей извѣстно о м-рѣ Домби, о его планахъ, замыслахъ, характерѣ, о его родственникахъ. Вслѣдъ затѣмъ черноокая повѣствовательница наиподробнѣйшимъ образомъ исчислила разныя принадлежности своего собственного гардероба, и, наконецъ, описала въ главныхъ чертахъ характеры своихъ родственниковъ и друзей. Облегчивъ душу такой откровенностью, она съ удовольствіемъ выкушала добрый стаканъ портеру и обнаружила пламенное желаніе дать клятву въ неизмѣнной и вѣчной дружбѣ.

Флоренса тоже съ своей стороны не пропустила случая воспользоваться новымъ знакомствомъ. Обозрѣвъ грибы и другія рѣдкости знаменитаго сада, подъ руководствомъ маленькихъ Тудлей, она душой и сердцемъ вошла съ ними въ проектъ провести плотину черезъ зеленую лужу, накопившуюся въ одномъ углу. Она уже и приступила къ работѣ со всѣмъ усердіемъ добраго товарища, какъ вдругъ, къ общему неудовольствію, проектъ былъ остановленъ на всемъ ходу суетливостью взбалмошной Сусанны. Отыскавъ свою воспитанницу, черноокая повелительница не преминула дать ей подзатыльникъ, и потомъ, вымывая ея руки и лицо, прочла очень назидательное наставленіе относительно того, какъ неприлично умной дѣвчкѣ дѣлать глупости, и какъ даже можетъ она свести въ гробъ сѣдые волосы почтеннаго родителя, если только, сохрани Боже, онъ узнаетъ, чѣмъ занимается его дѣтище. Вообще Сусанна, всегда вѣрная своей педагогической тактикѣ, поступила очень строго, несмотря на человѣколюбивое вліяніе прохладительнаго напитка. Наконецъ, послѣ непродолжительной аудіенціи между сестрами, толковавшими кой-о-чемъ насчетъ финансовыхъ обстоятельствъ, посѣщеніе окончилось. Полли взяла отъ сестры маленькаго Домби, передавъ ей своего сына, и дорогіе гости собрались домой.

Но напередъ нужно было спровадить куда-нибудь маленькихъ Тудлей, чтобы не сдѣлать ихъ участниками прощальной сцены. Послѣ предварительнаго совѣщанія ихъ отправили въ ближайшую мелочную лавку купить на гривну пряниковъ; когда дорога этой хитростью была совсѣмъ очищена, Полли и Сусанна еще разъ поцѣловались съ Джемимой и быстро отправились въ путь. Джемима кричала вдогонку, что если онѣ свернуть немного въ сторону и пойдутъ по главной дорогѣ въ Сити, то непременно встрѣтятся съ Котломъ.

– А, какъ вы думаете, Сусанна, можно ли сдѣлать небольшой крюкъ? – спросила Полли, остановившись перевести духъ.

– Почему же нѣтъ? разумѣется, можно, – отвѣчала миссъ Нипперъ съ полной увѣренностью.

– Да вѣдь намъ, вы знаете, непременно надо поспѣть къ обѣду домой, – возразила Полли.

– Что-жъ за бѣда? поспѣемъ.

И компанія повернула на большую дооогу въ Сити.

Жизнь бѣднаго Котла, по милости форменнаго платья, сдѣлалась со вчерашняго дня невыносимою во многихъ отношеніяхъ, Уличные мальчишки терпѣть не могли костюма "Бла-

готворительнаго Точильщика", и всякій бродяга, при первомъ взглядѣ на него, считалъ своей обязанностью броситься на беззащитнаго парня и сдѣлать ему какую-нибудь пакость. По своему общественному существованію, онъ скорѣе сталъ похожимъ на презрѣннаго жида среднихъ вѣковъ, чѣмъ на невиннаго ребенка девятнадцатаго столѣтія. Его сталкивали въ помойныя ямы, въ канавы, приплющивали къ столбамъ, забрызгивали грязью, забрасывали камнями, и тотъ, кто видѣлъ его первый разъ, считалъ за особое удовольствіе сорвать съ него желтую шапку долой и полюбоваться, какъ мелькнетъ она на воздухѣ. Его кривыя ноги послужили неистощимымъ предметомъ для ругательствъ: ихъ ощупывали, дергали, кололи, и каждый зѣвака вдоволь потѣшался надъ колченогимъ воспитанникомъ. Нынѣшнимъ утромъ, на дорогѣ въ школу, ему совершенно неожиданно вставили фонари подѣ глаза, и учитель его же наказалъ за это самымъ жестокимъ образомъ; этотъ почтенный старый педагогъ получилъ мѣсто школьнаго учителя въ заведеніи "Благотворительнаго Точильщика" по той причинѣ, что ничего не зналъ, ни къ чему не былъ способенъ, и особенно потому, что рѣзвые мальчики могли питать безпредѣльное уваженіе къ ея толстой сучковатой палкѣ.

Такимъ образомъ, бѣдный Котель, по возвращеніи домой, принужденъ былъ выбирать немногочисленныя улицы и глухіе переулки, чтобы избѣжать своихъ мучителей; но все же ему никакъ нельзя было миновать главной дороги, и лишь только онъ выбрался на большую улицу, злосчастная судьба прямо наткнула его на цѣлую стаю ребятишекъ, которые, на этотъ разъ предводительствуемые молодымъ звѣрообразнымъ мясникомъ, уже давно искали благопріятнаго случая позабавиться на чей-нибудь счетъ. Благотворительный Точильщикъ", внезапно очутившійся посреди шайки, былъ для нея самою вождѣльной находкой: озорники подняли оглушительный гвалтъ и со всѣхъ сторонъ бросились на несчастнаго горемыку съ самымъ неистовымъ остервенѣніемъ.

Случилось, что въ это самое время Полли, безнадежно озираясь во всѣ стороны и уже готовая поворотить на прямую дорогу, вдругъ, къ величайшему изумленію, сдѣлалась свидѣтельницею ужаснѣйшаго зрѣлища. Бѣдная мать, испустивъ пронзительный крикъ, въ мгновеніе ока передала ребенка Сусаннѣ и стремглавъ бросилась на выручку несчастнаго сына.

Бѣда, какъ извѣстно, никогда не приходитъ одна. Изумленную Сусанну Нипперъ и ея двухъ питомцевъ вытащили чуть не изъ-подъ самыхъ колесъ проѣзжавшаго экипажа, и они еще не успѣли опомниться, какъ со всѣхъ сторонъ поднялась ужасная кутерьма и раздались крики: "Бѣшенный быкъ! бѣшенный быкъ!"

День былъ базарный. Толкотня сдѣлалась непомѣрная. Толпа бѣжала взадъ и впередъ, кричала и давила другъ друга; экипажы сталкивались, оирокидывались; бѣшенный быкъ пробирався все дальше и дальше; между мальчиками завязалась остервенѣлая драка; кормилица каое мгновеніе подвергалась опасности быть истерзанной въ куски. При видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, Флоренса, сама не помня что дѣлаетъ, закричала и опрометью побѣжала впередъ. И долго бѣжала, и громко кричала она, приглашая Сусанну слѣдовать за собой; но, наконецъ, силы совершенно измѣнили бѣдной дѣвчкѣ: она остановилась и всплесиула руками, вспомнивъ, что кормилица осталась въ толпѣ. Но кто опишетъ ея изумленіе, ужасъ, когда, обернувшись назадъ, она увидѣла, что и Сусанны не было съ ней! Одна, совершенно одна!

— Сусанна! Сусанна! — кричала Флоренса, хлопая руками, какъ помѣшанная. — Ахъ, Боже мой, гдѣ они! гдѣ они!

— Какъ гдѣ они? — брюзгливымъ голосомъ прошипѣла старуха, прихрамывая и ирипрыгивая съ возможной скоростью съ противоположной стороны переулка. — Зачѣмъ же ты отъ нихъ убѣжала.

— Я испугалась, — отвѣчала Флоренса, — я и сама не знала, что дѣлаю. Я думала, что они со мной. Да гдѣ же она?...

— Пойдемъ, я тебѣ ихъ покажу, — отвѣчала старуха, взявъ ее за руку.

Это была совершенно безобразная старуха, съ красными закраинами вокругъ глазъ, со ртомъ, который чавкалъ и мямлилъ самъ собою, когда она переставала говорить. Она была въ самой гадкой одеждѣ, и надъ рукой ея торчали какіе-то кожаные лоскутья. По всему было видно, что она уже давно догоняла Флоренсу, потому что совершенно выбилась изъ силъ, и когда остановилась перевести духъ, ея горло и желтое морщинистое лицо начали кривляться сами собою пребезобразнымъ образомъ на всѣ возможные манеры.

Флоренсъ сдѣлалось страшно, и она съ трепетнымъ колебаніемъ начала озираться во всѣ стороны; но мѣсто было совершенно пустое: во всемъ переулкѣ ни одной живой души, кромѣ ея ужасной старухи.

— Тебѣ нечего меня бояться, — сказала старуха, крѣпко удерживая ее за руку. — Пойдемъ со мной.

— Я, я не знаю васъ. Какъ васъ зовутъ? — сіфосила Флоренса.

— Я м-съ Браунъ. Меня зовутъ доброю бабушкою.

— А онѣ недалеко отсюда? — спросила Флоренса, насильно увлекаемая впередъ.

— Сусашна близехонько, а другія почти подлѣ нея, — отвѣчала добрая бабушка.

— Никого не ушибли? — вскричала Флоренса.

— Никого: всѣ цѣлехоньки, — отвѣчала добрая бабушка.

Флоренса при этомъ извѣстіи заплакала отъ радости и охотно пошла за ней, хотя по временамъ, украдкой взглядывая на ея лицо и особенно на чудодѣйственный ротъ, не могла надивиться страшной фигурѣ доброй бабушки, и невольно задавала себѣ вопросъ: какая же должна быть злая бабушка, если таковая существуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

Нѣсколько времени онѣ шли по глухимъ, безлюднымъ мѣстамъ, проходя по дворамъ, гдѣ выжигали кирпичи и дѣлали черепицу. Наконецъ, старуха повернула въ темный и узкій переулокъ, гдѣ грязь лежала глубокими выбоинами среди дороги. Она остановилась передъ скаредной избушкой съ трещинами и скважинами со всѣхъ сторонъ, но крѣпко-накрѣпко запертой большимъ замкомъ. Вынувъ изъ кармана ключъ, она отворила дверь, впихнула ребенка въ заднюю комнату, гдѣ въ безпорядкѣ на полу разбросаны были кучи разноцвѣтныхъ лохмотьевъ, груды костей и просѣянной пыли или пепла. Стѣны и полъ казались вычерченными сажей, и во всей комнатѣ не было никакой мебели.

У дѣвочки отъ страху отнялся языкъ, и она чуть не упала въ обморокъ.

— Что ты такъ вылупила глаза? — сказала добрая бабушка, толкая ее въ бокъ. — Не бойся, я тебя не задушу. Садись на лоскутья.

Флоренса повиновалась и съ умоляющимъ видомъ подняла кверху сложенные руки.

— Ты мнѣ не нужна, и больше часу я не задержу тебя, — сказала старуха. — Понимаешь, что я говорю?

Дѣвочка съ большимъ затрудненіемъ выговорила: "да".

— Такъ смотри же, — продолжала старуха, усаживаясь на кучу костей, — не разсерди меня. Если не разсердишь, я тебя выпущу цѣлехоньку, а если... то ужъ не пеняй, я задушу тебя, какъ котенка. Отъ меня ты никуда не увернешься: могу я задушить тебя во всякое время, хоть бы лежала ты дома на своей постели. Ну, такъ теперь рассказывай: кто ты? все рассказывай, что знаешь. Ну, пошевеливайся.

Угрозы и обѣщанія старухи, страхъ оскорбить ее, необычная въ ребенкѣ привычка владѣть собой, казаться спокойною и подавлять въ себѣ чувства страха и надежды, — все это доставило ей возможность выполнить грозное повелѣніе и рассказать свою маленькую исторію такъ, какъ она ее знала. Старуха съ большимъ вииманіемъ выслушала до конца.

— Такъ тебя зовутъ Домби? А? — спросила м-съ Браунъ.

— Точно такъ, бабушка.

— Ну, такъ слушай же, миссъ Домби, — ирошииѣла добрая бабушка, — мнѣ нужно твое платье, твоя шляпка и твои двѣ юбки, и все, безъ чего ты можешь обойтись. Ну! Раздѣвайся.

Флоренса, обратив испуганные глазки на ужасную старуху, съ возможной скоростью начала дрожащими руками исполнять ея приказъ. Когда она скинула съ себя всѣ эти наряды, м-съ Браунъ внимательно ихъ осмотрѣла, и, по-видимому, осталась совершенно довольною добротой и высокой цѣнностью матерій.

– Ум-мъ! – прохрипѣла старая вѣдьма, устремивъ сверкающіе зрачки на блѣднѣе лицо своей жертвы. – Больше ничего не видать на тебѣ кромѣ башмаковъ. Давай сюда башмаки.

Флоренса проворно скинула башмаки, надѣясь этой готовностью угодить м-съ Браунъ. Тогда старуха начала рыться въ кучѣ лохмотьевъ и черезъ нѣсколько минутъ вытащила оттуда какое-то грязное платьице, старый истасканный салопъ съ разнокалиберными заплатами и безчисленными прорѣхами по бокамъ, и гадкую испачканную тряпицу, суррогатъ женской шляпы, вытащенный, вѣроятно, изъ помойной ямы или навозной кучи. Она приказала Флоренсѣ одѣваться, и бѣдная дѣвочка, надѣясь на скорое освобожденіе, поспѣшно стала напяливать на себя эти лохмотья.

Надѣвая гадкую шапку, похожую болѣе на какое-то изорванное сѣдло, чѣмъ на женскій головной уборъ, Флоренса второпяхъ запуталась въ своихъ роскошныхъ волосахъ и долго не могла приладить этой тряпки къ своей головѣ. М-съ Браунъ схватила огромныя ножницы и вдругъ пришла въ неописанное изумленіе, при взглядѣ на свою жертву.

– Зачѣмъ ты не оставила меня въ покоѣ, – закричала старуха, – когда я была довольна? Глупая дѣвчонка!

– Прости меня. Я не знаю, что я сдѣлала, – лепетала Флоренса. – Я не виновата.

– Вотъ я тебѣ дамъ не виновата! – завопила старая вѣдьма, взъерошивая съ неистовымъ удовольствіемъ локоны бѣднаго ребенка. – Ахъ, ты, Господи Владыка! Другая на моемъ мѣстѣ прежде всего сорвала бы съ тебя эту гриву!

У Флоренсы отлегло отъ сердца, когда она увидѣла, что старухѣ нужны только ея волосы, а не голова. Она съ кротостью обратила на нее глаза и не сдѣлала никакого соиротивленія.

– Если бы у меня у самой не было дѣвки, которая такъ-же, какъ и ты щеголяла своими волосами, – сказала м-съ Браунъ, – я не оставила бы ни одного клочка на твоей башкѣ. Но теперь далеко моя дѣвка, далеко за морями! У! у!

Это восклицаніе вовсе не мелодическое, но исполненное глубокой тоски и сопровождаемое дикими жестами костлявыхъ рукъ, болѣзненно отозвалось въ сердцѣ Флоренсы, и она еще больше испугалась страшной старухи. Это обстоятельство спасло ея локоны. Взмахнувъ два-три раза огромными ножницами надъ ея головой, м-съ Браунъ велѣла ей хорошенько запрягать волосы подъ шляпу, и не подавать соблазнительнаго повода къ искушенію. Одержавъ надъ собой такую трудную побѣду, старуха снова усѣлась на кучу костей, закурила коротенькую черную трубку, и губы ея зачавкали наистрашнѣйшимъ образомъ, какъ будто бы она хотѣла проглотить чубукъ.

Выкуривъ трубку, она велѣла Флоренсѣ нести кроличью шкуру, чтобы придать ей видъ своей обыкновенной спутницы и сказала, что отвезетъ ее на большую улицу, откуда она можетъ разспрашивать о дорогѣ къ своимъ друзьямъ. Но въ то же время старуха, съ грозными заклятіями и подъ опасеніемъ страшнаго мщенія, строго-настрого запретила своей жертвѣ справляться объ отцовскомъ домѣ, который могъ быть очень недалеко; а она должна была разспрашивать объ отцовской конторѣ въ Сити, простоявъ напередъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ указано, до тѣхъ поръ, пока часы не пробьютъ трехъ. Всѣ эти распоряженія м-съ Браунъ подкрѣпила увѣреніемъ, что за ней станутъ присматривать зоркіе глаза, и ни одно ея движеніе не укроется отъ бдительнаго наблюденія. Флоренса обѣщала во всей точности выполнить строгія приказанія.

Наконецъ, м-съ Браунъ, выступая впередъ, повела превращенную и оборванную дѣвочку по лабиринту тѣсныхъ улицъ, переулковъ и закоулковъ, которые черезъ нѣсколько времени вывели ихъ на пустой огромный дворъ съ проходными воротами, откуда можно было слышать

стукъ проѣзжавшихъ экипажей. Указавъ на эти ворота, старуха на прощаньи схватила свою спутницу за волосы, какъ будто раскаявалась въ своемъ великодушїи, и сказала глухимъ голосомъ:

– Ну, теперъ ты знаешь, что дѣлать. Стой тутъ до трехъ часовъ, и потомъ отыскивай контору отца. Да смотри у меня ни, гу-гу! не то я задушу тебя, какъ кошку.

Флоренса почувствовала, что гора свалилась съ ея плечъ, когда она осталась одна. Вѣрная строгимъ приказанїямъ, она робко остановилась въ одномъ углу пустого двора и, обернувшись назадъ, увидѣла, что страшная старуха все еще стоитъ у забора, трясетъ головой и машетъ кулакомъ. какъ бы припоминая свои угрозы. Вслѣдъ за тѣмъ, перепуганная дѣвочка еще оглядывалась нѣсколько разъ, почти каждую минуту; но старуха уже исчезла, и не было больше никакихъ слѣдовъ ея тайнаго или явнаго присутствїя.

Мало-по-малу Флоренса начала въ своей засадѣ присматриваться и прислушиваться къ уличной суматохѣ, съ нетерпѣнїемъ дожидаясь вожделѣнныхъ ударовъ часового колокола. Но часы, по-видимому, сговорились никогда не пробить трехъ. Наконецъ, къ несказанному счастью, на колокольнѣ забили четверти, и вслѣдъ затѣмъ раздалось: разъ, два, три; Флоренса оглянулась во всѣ стороны, сдѣлала шагъ впередъ, но тутъ же остановилась, опасаясь оскорбить этой торопливостью всемогущихъ шпионовъ м-съ Браунъ. Потомъ, увѣрившись, что никто за ней не присматриваетъ, она поспѣшно, какъ только позволяли большїе и изорванные коты, выбѣжала изъ воротъ, крѣпко держа въ рукѣ кроличью шкуру.

Объ отцовской конторѣ ей извѣстно было только то, что она принадлежала Домби и Сыну, что это знаменитая контора въ Сити. Поэтому она могла только спрашивать, гдѣ пройти къ Домби и Сыну въ Сити, и какъ эти вопросы обращены были исключительно къ дѣтямъ – большихъ она боялась – то не получила никакого удовлетворительнаго отвѣта. Продолжая потомъ разспрашивать только о Сити, она мало-по-малу достигла этой огромной части города, которую управляетъ страшный лордъ-мэръ.

Утомленная продолжительной ходьбой, измученная безпрестанной толкотней, оглушенная пронзительнымъ шумомъ и суматохой, беспокоясь о своемъ братѣ и о потерянныхъ нянькахъ, уstraшенная всѣмъ, что случилось и что еще могло съ нею случиться, особенно когда явится она въ этомъ рубищѣ на глаза раздраженному отцу, Флоренса нѣсколько разъ останавливалась рыдать, облегчая истерзанное сердце горькими слезами. Но толпа въ эту пору или вовсе не обращала вниманїя на маленькую нищую въ лохмотьяхъ, или равнодушно проходила мимо въ томъ предположенїи, что ее выучили этимъ способомъ возбуждать состраданїе и выманивать деньги. Призвавъ на помощь все присутствїе духа, всю твердость характера, искушеннаго преждевременнымъ опытомъ и несчастїями, Флоренса, почти выбиваясь изъ силъ, продолжала идти по указанному направленїю, имѣя въ виду постоянно одну цѣль.

Наконецъ, уже вечеромъ, послѣ многихъ переходовъ, ей удалось изъ шумной, тѣсной улицы, загроможденной фурами и телѣгами, выбраться на пристань или набережную, гдѣ въ безпорядкѣ разбросаны были мѣшки, чемоданы, бочки, ящики. Здѣсь, подлѣ вѣсовъ и деревяннаго домика на колесахъ, встрѣтился съ нею толстый дюжїй мужчина съ перомъ за ухомъ и руками, опущенными въ карманы. Онъ стоялъ, присвистывая и посматривая на ближайшія мачты и лодки, какъ будто дневная его работа приходила къ концу.

– Проваливай, проваливай, моя милая! Тутъ нѣтъ ничего для тебя, – сказалъ толстякъ, случайно обернувшись къ маленькой дѣвочкѣ въ лохмотьяхъ.

– Скажите пожалуста, вѣдь это Сити? спросила дрожащимъ голосомъ заблудшая дочь Домби и Сына.

– Ну, да, Сити. Ты это звнешь не хуже моего. Проваливай, говорю тебѣ; ничего тутъ нѣтъ для тебя.

– Да мнѣ ничего и не нужно, робко отвѣчала дѣвочка, – только позвольте спросить васъ, гдѣ дорога къ Домби и Сыну?

Толстякъ, по-видимому, былъ очень озадаченъ этимъ вопросомъ. Посмотрѣвъ внимательно на Флоренсу, онъ сказалъ:

– А зачѣмъ тебѣ Домби и Сынъ?

– Мнѣ надобно знать, гдѣ ихъ контора.

Толстякъ еще съ большимъ вниманіемъ посмотрѣлъ на нее, и такъ крѣпко, въ знакъ удивленія, почесалъ затылокъ, что шляпа слетѣла съ его головы.

– Джо! – закричалъ онъ работнику, поднимая и надѣвая шляпу.

– Тутъ я! – сказалъ Джо.

– Гдѣ этотъ смазливый мальчуганъ, что смотритъ за товарами Домби?

– А онъ только что вышелъ въ другія ворота, сказалъ Джо.

– Позови-ка его на минутку.

Джо побѣжалъ и, закричавъ во все горло, тотчасъ же воротился съ красивымъ и веселымъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати.

– Вы, любезный, кажись, служите у Домби? – спросилъ толстякъ.

– Точно такъ, м-ръ Кларкъ, – отвѣчалъ мальчикъ.

– А взгляните-ка на нее! – сказалъ м-ръ Кларкъ.

Повинуясь указательному движенію м-ръ Кларка, мальчикъ подошелъ къ незнакомой дѣвочкѣ, никакъ не понимая, что ему съ нею дѣлать. Флоренса, между тѣмъ, слышавшая весь разговоръ, умѣла сообразить, что для нея не было теперь никакой опасности, и что странствованія ея приближаются къ концу. При взглядѣ на прекраснаго веселаго мальчика, она почувствовала такую радость, такое одушевленіе, что немедленно побѣжала къ нему навстрѣчу, обронивъ на дорогѣ гадкій башмакъ, и обѣими руками ухватила за его руку.

– Я заблудилась, съ вашего позволенія: – сказала Флоренса.

– Заблудились! – вскричалъ мальчикъ.

– Да, я заблудилась нынѣшнимъ утромъ, далеко отсюда; охъ, какъ далеко: И у меня отняли мое платье, и теперь на мнѣ чужая одежда, и зовутъ меня Флоренсой Домби, и я единственная сестра моего маленькаго братца, и, о милый! милый! спасите меня, сдѣлайте милость, спасите! – рыдая говорила Флоренса, давая полный просторъ дѣтскимъ чувствованіямъ и заливаясь горькими слезами. Въ это самое время гадкая шляпка слетѣла съ ея головы, и густые черные локоны въ безпорядкѣ растрепались по ея личику, къ невыразимому удивленію и соболѣзнованію молодаго Вальтера, племянника Соломона Гильса, мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ.

М-ръ Кларкъ, по-видимому, не помнилъ себя отъ изумленія и, насилу переводя духъ, замѣтилъ только, что никогда не случалось ему видѣть такой исторіи на этой пристани. Вальтеръ поднялъ башмакъ и проворно надѣлъ его на маленькую ножку, какъ сказочный принцъ, надѣвшій туфли Сандрильонѣ. Онъ подаль правую руку Флоренсѣ, повѣсилъ на лѣвое плечо кроличью шкуру, и новый Геркулесъ, онъ почувствовалъ, что страшный драконъ бездыханный лежитъ у его ногъ.

– Не плачьте, миссъ Домби! – сказалъ Вальтеръ, проникнутый необыкновеннымъ восторгомъ. – Какъ я радъ, что былъ въ это время на пристани! Теперь вы такъ же безопасны, какъ если бы защищала васъ цѣлая рота храбрыхъ моряковъ на военномъ кораблѣ.

– Я не стану больше плакать, – отвѣчала Флоренса, – теперь я плачу только отъ радости!

– Плачеть отъ радости! – думалъ Вальтеръ, – и я причиной этой радости! Пойдемте, миссъ Домби. Вотъ и другой башмакъ вы обронили, надѣньте лучше мои, миссъ Домби.

– Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтеесь, – сказала Флоренса, останавливая юношу, когда тотъ поспѣшно началъ разуваться. – Мнѣ хорошо и въ этихъ башмакахъ, право хорошо!

– Ну да, – сказалъ Вальтеръ, взглянувъ на ея ножку, – мои были бы слишкомъ велики для васъ. Какъ это мнѣ такая глупость пришла въ голову! Въ моихъ вамъ вовсе нельзя идти! Пойдемте, миссъ Домби. Какой это мошенникъ оскорбилъ васъ? Какъ бы до него добратся!

И они пошли рука объ руку, не обращая ни малѣйшаго вниманія на проходящихъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на странную чету. Вальтеръ былъ совершенно счастливъ, и въ глазахъ его искрилась безпредѣльная гордость.

Становилось темно, небо покрылось облаками, и уже начиналъ накрапывать дождь; но счастливая чета не заботилась ни о чемъ и быстро продолжала идти впередъ. Оба они совершенно погружены были въ послѣднія приключенія, и Флоренса обо всемъ рассказывала съ невинной откровенностью своего возраста, между тѣмъ какъ Вальтеръ слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ, воображая, что они гуляютъ въ густой чащѣ между высокими деревьями, на какомъ-нибудь пустомъ острову, подъ тропиками, вдали отъ грязной улицы на берегу Темзы.

— Далеко надъ идти? — спросила наконецъ Флоренса, вперивъ глазки на лицо своего товарища.

— Ахъ, да! — сказалъ Вальтеръ, останавливаясь, — куда это мы зашли? Знаю, знаю. Но теперь контора заперта, миссъ Домби. Тамъ никого нѣтъ. М-ръ Домби уже давно ушелъ. Намъ надо идти къ вамъ домой, или... знаете ли что? Пойдемте лучше къ моему дядѣ: онъ живетъ отсюда близехонько. Тамъ вы переодѣнетесь, отдохнете и поѣдете домой въ каретѣ. Не лучше ли этакъ?

— Я то же думаю, — отвѣчала Флоренса, — не лучше ли этакъ? А вы какъ думаете?

Когда они остановились въ раздумьи среди улицы, мимо ихъ прошелъ какой-то мужчина, который проницательно взглянулъ на Вальтера, какъ будто угадывалъ его; но не сказавъ ни слова и не останавливаясь, пошелъ впередъ.

— Вѣдь это, кажется, м-ръ Каркеръ! — сказалъ Вальтеръ, — Каркеръ изъ нашей конторы, миссъ Домби, не приказчикъ Каркеръ, а другой, младшій Каркеръ. Эй! м-ръ Каркеръ!

— Неужели это Вальтеръ Гэй? — сказалъ прохожій, останавливаясь и оборачиваясь назадъ. — Откуда у тебя такой странный товарищъ?

Когда онъ остановился подлѣ фонаря и внимательно началъ слушать поспѣшное объясненіе Вальтера, фигура его представила замѣчательный контрастъ съ молодыми людьми, которые стояли передъ нимъ рука объ руку. Онъ былъ не старъ, но волосы его совершенно посѣдѣли, спина согнулась, какъ будто подъ бременемъ большихъ несчастій и задумчивое, печальное лицо исковеркано было глубокими морщинами. Огонь въ его глазахъ, черты лица, голосъ, какимъ онъ говорилъ, казалось, совершенно ослабѣли и потухли вмѣстѣ съ силами духа, сокрушеннаго изнурительными заботами. Онъ одѣтъ былъ очень прилично въ простое черное платье, которое, гармонируя съ общимъ характеромъ его фizioноміи, какъ будто сплющилось и съжилось на его неподвижныхъ членахъ, и отъ этого вся фигура съ ногъ до головы становилась еще мрачнѣе и печальнѣе.

И между тѣмъ его симпатія къ пылкимъ стремленіямъ и надеждамъ молодаго сердца, по-видимому, вововсе не потухла вмѣстѣ съ другими силами души. Онъ смотрѣлъ на важную, озабоченную фizioномію мальчика съ необыкновеннымъ участіемъ, и въ глазахъ его заискрилось невыразимое безпокойство и состраданіе, какъ ни старался онъ скрыть эти чувства. Когда Вальтеръ, окончивъ рассказъ, спросилъ его насчетъ Флоренсы, онъ посмотрѣлъ на него съ такимъ многозначительнымъ выраженіемъ, какъ будто читалъ приговоръ судьбы на его лицѣ, печально противорѣчившій съ его настоящимъ положеніемъ.

— Что вы мнѣ присовѣтуете, м-ръ Каркеръ? — сказалъ Вальтеръ весело улыбаясь. — Вы всегда мнѣ подаете хорошіе совѣты, когда разговоритесь, хоть это бываетъ очень рѣдко.

— Вашъ планъ не дурень! — сказалъ м-ръ Каркеръ, посматривая попеременно то на Вальтера, то на Флоренсу.

— М-ръ Каркеръ! — сказалъ Вальтеръ, озаренный великодушною мыслью. — Мы вотъ какъ устроимъ; Вы пойдете къ м-ру Домби и принесете ему радостную вѣсть; а мы станемъ дожидаться у дядюшки. Это будетъ очень недурно. Ступайте же!

— Мнѣ идти? — возразилъ Каркеръ.

Вмѣсто отвѣта м-ръ Каркеръ крѣпко пожалъ мальчику руку, пожелавъ ему добраго вечера, и, рекомендуя дѣйствовать скорѣе, поспѣшно пошелъ своей дорогой.

– Экой чудакъ! – сказалъ Вальтеръ, слѣдя глазами за удаляющимся старикомъ. – Теперь намъ съ вами, миссъ Домби, поскорѣе надо идти къ дядюшкѣ. А вы слышали что-нибудь отъ своего папеньки о м-рѣ Каркерѣ младшемъ?

– Нѣтъ, – наивно отвѣчала дѣвочка, – папенька говоритъ со мной очень рѣдко.

– Ахъ, да! Тѣмъ стыднѣе для него, думалъ Вальтеръ, пристально вглядываясь въ страждущее личико своей спутницы. Потомъ онъ съ безпокойствомъ и ребяческою живостью началъ озираться во всѣ стороны, чтобы найти предметъ для новаго разговора, и когда Флоренса, въ эту самую минуту, опять обронила несчастный башмакъ, онъ вызвался донести ее на рукахъ къ дому своего дяди. Флоренса, несмотря на чрезмѣрную усталость, съ улыбкой отклонила эту услугу, говоря, что онъ можетъ ее уронить, и такъ какъ они уже были недалеко отъ деревяннаго мичмана, Вальтеръ вспомнилъ по этому поводу о кораблекрушеніяхъ и страшныхъ несчастіяхъ на морѣ, рассказывая, какъ иной разъ смѣлые мальчики гораздо меньше его торжественно выручали и спасали дѣвочекъ гораздо старше Флоренсы. Этотъ интересный разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда, наконецъ, они пришли къ дверямъ мастера морскихъ инструментовъ.

– Эй, дядя! дядюшка Соль! – закричалъ Вальтеръ, опрометью вбѣгая въ магазинъ и начиная говорить безъ всякой связи, едва переводя духъ. – Удивительное, странное приключеніе! Дочь м-ра Домби заблудилась на улицѣ – какая-то старая вѣдьма ограбила ее съ ногъ до головы я ее нашелъ, привелъ къ тебѣ – да загляни же сюда – эй, ты, дядя Соломонъ!

– Силы небесныя! – кричалъ дядя Соль, отскакивая въ ужасномъ волненіи отъ своихъ любимыхъ инструментовъ. – Можетъ ли это быть! Смотри, я...

– Нечего тутъ смотрѣть, когда я тебѣ говорю. Иди-ка придвинемъ къ камину софу – да поставь на столъ тарелки, дядюшка Соль, да подай чего-нибудь покушать – она голодна – сбросьте свои негодные коты, миссъ Флоренса, сядьте сюда подлѣ камина, вотъ такъ, положите ножки на рѣшетку – ахъ, какъ онѣ мокры – такъ-то, дядюшка Соль – удивительное приключеніе! Ухъ! какъ я разгорѣлся!

Соломонъ Гильсъ разгорѣлся не менѣе племянника, когда началъ хлопотать и возиться около неожиданной гостыи. Онъ гладилъ Флоренсу по головѣ, вытиралъ ея ноги своимъ платкомъ, нагрѣтымъ у камина, готовилъ для нея обѣдъ, просилъ ее кушать, пить, и въ то же время слѣдилъ глазами за взбалмошнымъ Вальтеромъ, который, какъ бѣшеный, метался изъ угла въ уголъ, кричалъ, стучалъ, вдругъ принимался за двадцать дѣлъ и не дѣлалъ ничего.

– Вотъ что, дядя! – сказалъ онъ наконецъ, схвативъ свѣчу, – ты погоди минуточку, а я сбѣгаю на чердакъ, переменяю куртку, и – маршъ! Вѣдь вотъ оно, какія чудеса: неправда ли?

– Дружокъ мой, – началъ Соломонъ, который съ очками на носу и большими часами въ карманѣ безпрестанно колебался между Флоренсой на софѣ, и племянникомъ во всѣхъ углахъ комнаты, – это такое необыкновенное...

– Ничего, ничего, дядя Соль! Вы кушайте, миссъ Флоренса, пожалуйста кушайте.

– Ахъ да, да, да! – вскричалъ Соломонъ, подавая огромную ногу баранины, какъ будто угощалъ богатыря. – Я ужъ похлопочу о ней, Валли! Бѣдняжка! Какъ она голодна, я думаю! А ты ступай, и будь готовъ. Господи, твоя воля! Сэръ Ричардъ Виттингтонъ три раза лордъ-мэръ города Лондона!

Вальтеръ очень недолго бѣгалъ на чердакъ, а между тѣмъ въ его отсутствіе усталая гостыя задремала у камина. Въ томъ промежуткѣ времени, продолжавшемся не болѣе пяти минутъ, Соломонъ Гильсъ, начавшій понемногу приходить въ себя, затворилъ комнату и заслонилъ рѣшеткою каминъ, чтобы огонь не безпокоилъ ребенка. Такимъ образомъ, когда мальчикъ воротился, Флоренса почивала очень спокойно.

– Славно, дядя, славно! – шепталь онъ, схватывая Соломона въ охапку, такъ что у того караска выступила на лицѣ. – Теперь я иду! Только надо взять съ собою корку хлѣба: я ужасно голоденъ. Ты смотри, не разбуди ее, дядюшка Соль!

– Нѣтъ, нѣтъ не разбужу, – говорилъ Соломонъ. – Прехорошенькая дѣвочка;

– Еще бы! – сказалъ Вальтеръ, – я въ жизнь не видалъ такого личика! Такъ то, дядюшка Соль. Ну, теперь я иду!

– Пора, пора! Ступай! – проговорилъ Соломонъ. Дядюшка! а, дядюшка! – вскричалъ Вальтеръ, выглядывая изъ-за дверей.

– Ты еще не ушелъ? – сказалъ Соломонъ.

– Здорова ли она?

– Совершенно здорова.

– Ну, славу Богу. Теперь я иду.

– Теперь, конечно, уйдешь, – сказалъ про себя Соломонъ.

– Эй! дядя Соль! – вскричалъ Вальтеръ, выставя голову изъ-за дверей.

– Ты еще не ушелъ? – сказалъ Соломонъ.

– Вотъ что, дядюшка Соломонъ. Съ нами встрѣтился на улицѣ м-ръ Каркеръ младшій, чудакъ такой, что Боже упаси! – Прощай, говоритъ, Вальтеръ, прощай: мнѣ пора домой! – Только я оглядываюсь, – а онъ идетъ за нами, и ужъ когда мы дошли до магазина, онъ все шель за ними, какъ слуга или вѣрная собака за своимъ господиномъ. Такой чудакъ! Ну, а какъ она теперь?

– Совершенно спокойна и счастлива, Валли. Ступай!

– Теперь пойду, пойду!

И на этотъ разъ онъ дѣйствительно пошелъ. Соломонъ Гильсъ, потерявъ аппетитъ, уѣлся по другую сторону камина и, внимательно наблюдая спящую Флоренсу, началъ строить великолѣпные воздушные замки самой фантастической архитектуры, прозрѣвая въ туманную даль чрезъ магическія стекла своихъ инструментовъ. Въ этомъ положеніи онъ, въ своемъ валлійскомъ парикѣ и кофейномъ камзолѣ, былъ очень похожъ на таинственнаго волшебника, который держалъ молодую дѣвушку въ очарованномъ снѣ.

Вальтеръ между тѣмъ помчался во всю прыть къ дому м-ра Домби, безпрестанно высывая изъ кареты голову, чтобы заставить извозчика ѣхать скорѣй. Когда, наконецъ, лошади остановились у подъѣзда, онъ мгновенно выскочилъ изъ наемнаго экипажа и, доложивъ о своемъ приходѣ, прямо побѣжалъ въ библіотеку, гдѣ господствовало въ эту минуту великое смѣшеніе языковъ, и куда собрались на общее совѣщаніе: м-ръ Домби, его сестра, миссъ Токсъ, Ричардъ и Сусанна Нипперъ.

– Прошу извинить, милостивый государь, – сказалъ Вальтеръ, быстро вбѣгая въ комиату, – мнѣ очень пріятно извѣстить васъ, что бѣды нѣтъ никакой. Миссъ Домби нашлась.

Когда м-ръ Домби величественно повернулся къ вошедшему вѣстнику на своихъ огромныхъ креслахъ, особа его представила совершеннѣйшій контрастъ съ этимъ живымъ, запыхавшимся мальчикомъ, который, по-видимому, весь проникнутъ былъ необыкновеннымъ восторгомъ и одушевленіемъ.

– Я говорилъ тебѣ, Луиза, что она непременно найдется, – сказалъ м-ръ Домби, небрежно оборачивая чрезъ плечо голову къ м-съ Чиккъ, которая заливалась горячими слезами вмѣстѣ съ своей неразлучной подругой, миссъ Токсъ. – Сказать слугамъ, чтобы прекратили поиски. Мальчика я знаю: это молодой Гэй изъ конторы. Говорите любезный, какимъ образомъ нашлась моя дочь? Мнѣ извѣстно, какъ ее потеряли.

Тутъ м-ръ Домби величественно посмотрѣлъ на бѣдную Полли.

– Но какъ она нашлась? – продолжалъ онъ, – и кто ее нашелъ? Это теперь необходимо знать.

– Мнѣ сдается, милостивый государь, – скромно отвѣчалъ Вальтеръ, – что я нашелъ миссъ Домби. То есть не то, чтобы я могъ вмѣнить себѣ въ заслугу, что я дѣйствительно ее нашелъ, милостивый государь, но я имѣлъ только чсоть сдѣлаться счастливымъ орудіемъ ея...

– Это что значитъ? – сурово прервалъ м-ръ Домби, которому, по-видимому, крайне не нравилось, что мальчикъ гордился своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ, – не то, чтобы вы дѣйствительно нашли мою дочь, а были только счастливымъ орудіемъ?... Говорите яснѣе и послѣдовательнѣе.

Но быть послѣдовательнымъ Вальтеръ никакъ не могъ. Онъ кое-какъ объяснилъ весь ходъ дѣла и сказалъ, почему миссъ Домби осталась у его дяди.

– Слышишь, дѣвочка? – сказалъ м-ръ Домби, обращаясь къ Сусаннѣ. – Возьми все, что нужно, ступай съ этимъ молодымъ человѣкомъ, и привези миссъ Флоренсу домой. А вы, любезный, завтра получите награду.

– Вы слишкомъ добры, милостивый государь – сказалъ Вальтеръ. – Увѣряю васъ, я не думалъ ни о какой наградѣ.

– Вы еще слишкомъ молоды, Вальтеръ Гэй, – сказалъ м-ръ Домби почти съ сердцемъ, – нѣтъ надобности знать, о чемъ вы думали, или не думали. Вы вели себя хорошо, и этого довольно. Скромность тутъ неумѣстна. Луиза, вели дать ему вина.

Взоръ м-ра Домби очень неблагоклонно слѣдилъ за Вальтеромъ, когда тотъ, въ сопровожденіи м-съ Чиккъ, выходилъ изъ комнаты, и нѣтъ сомнѣнія, умственные очи его выражали еще большую неблагоклонность, когда услужливый мальчикъ ѣхалъ къ своему дядѣ вмѣстѣ съ Сусанною Нипперъ.

Между тѣмъ Флоренса въ этотъ промежутокъ успѣла отдохнуть, пообѣдать, и тѣснѣйшимъ образомъ подружиться съ дядюшкой Соломономъ, съ которымъ она съ полной откровенностью, начала разговаривать о всякой всячинѣ. За этой бѣсѣдой застала ее черноглазая нянька, которую, впрочемъ, теперь можно было назвать красноглазою, – такъ много плакала она нынѣшній день! Не говоря ни слова, не сдѣлавъ ни малѣйшаго выговора, она заключила свою воспитанницу въ объятія и была, по-видимому, совершенно счастлива этимъ свиданіемъ. Превративъ маленькую контору въ дамскую уборную, она съ большимъ стараніемъ одѣла Флоренсу въ ея собственное платье, и черезъ нѣсколько минутъ гостепріимные хозяева увидѣли передъ собой настоящую миссъ Домби.

– Доброй ночи! – сказала Флоренса, обращаясь къ Соломону. – Вы были со мной очень добры!

Старикъ Соль былъ совершенно счастливъ, и отъ избытка нѣжности поцѣловалъ свою маленькую гостью.

– Доброй ночи, Вальтеръ! – сказала Флоренса. – Прощай!

– Прощайте, – сказалъ Вальтеръ, подавая ей обѣ руки.

– Я никогда не забуду тебя, – продолжала Флоренса, – никогда, никогда! Прощай, Вальтеръ!

И въ невинности благодарнаго сердца, дѣвочка подставила ему щеку. Вальтеръ опустилъ голову, и тутъ же поднялъ ее опять. Лицо его пылало, и онъ съ робкой стыдливостью смотрѣлъ на дядю.

Что же ты Вальтеръ? Ну, доброй ночи, Вальтеръ! Прощай, Вальтеръ! Дай сюда руку, Вальтеръ, вотъ такъ! Прощай, прощай!

Она еще разъ простилась съ Вальтеромъ, когда Сусанна усаживала ее въ карету, и даже, когда экипажъ двинулся съ мѣста, она нѣсколько разъ махала ему платкомъ; Вальтеръ, стоя на крыльцѣ весело отвѣчалъ на ея поклоны, устремивъ неподвижный взоръ на удаляющійся экипажъ, между тѣмъ какъ деревянный мичманъ позади его, казалось, такъ же, какъ и онъ, посылалъ прощальныя привѣтствія дорогой гостьѣ, ни на что больше не обращая вниманія.

Скоро Флоренса подѣхала къ родительскому дому и вошла въ библіотеку, гдѣ опять господствовало смѣшеніе языковъ. Каретѣ велѣно было дожидаться – "для м-съ Ричардсъ", такъ таинственно прошептала горничная, когда Сусанна проходила мимо.

Обрѣтеніе заблудшаго дѣтища произвело весьма слабое впечатлѣніе на чадолюбиваго родителя. М-ръ Домби, никогда не любившій своей дочери, небрежно поцѣловаль ее въ лобъ, и сдѣлалъ наставленіе, чтобы впредь она не смѣла выходить изъ дому съ невѣрными слугами. М-съ Чиккъ прервала на минуту плачевныя соболѣзнованія относительно испорченности челоувѣческой природы, не умѣвшей идти по стезямъ добродѣтели даже по поводу "Благотворительнаго Точильщика", и встрѣтила свою племянницу важными привѣтствіями, подобающими истинной Домби. Миссъ Токсъ настроила свои чувствованія на этотъ же ладъ. Только одна Ричардсъ, виноватая Ричардсъ, облегчила свое сердце радостными восклицаніями и слезами, и спѣшила расцѣловать милую малютку.

– Ахъ, Ричардсъ, – сказала м-съ Чиккъ съ глубокимъ вздохомъ, – неблагодарность чернаго сердца никогда не доведетъ до добра! Что вы темеръ станете дѣлать?... А не было бы всѣхъ этихъ нѣпріятностей, если бы вы умѣли вести себя приличнымъ образомъ въ отношеніи къ младенцу, который теперь, по вашей милости, долженъ лишиться своего естественнаго пропитанія!

– Бѣдное, бѣдное дитя! – прошептала жалобнымъ голосомъ миссъ Токсъ.

– Если-бы я на вашемъ мѣстѣ, – торжественно сказала м-съ Чиккъ, – была такъ неблагодарна, мнѣ бы показалось, что платье "Благотворительнаго Точильщика" задушитъ моего сына, а воспитаніе развратитъ его.

М-съ Чиккъ не подозрѣвала, какая убійственная правда выходила изъ ея устъ. Форменное платье уже порядкомъ начинало душить несчастнаго Тудля, а воспитаніе покамѣстъ ограничивалось палочными ударами съ одной стороны, и болѣзненными стомами – съ другой.

– Луиза – сказалъ м-ръ Домби, – нѣтъ надобности продолжать этихъ замѣчаній. Женщина получила деньги и отставлена отъ должности. Ричардсъ, вы оставляете этотъ домъ, потому что осмѣлились уйти съ моимъ сыномъ – слышите ли? съ моимъ сыномъ, – м-ръ Домби съ особой выразительностью произнесъ эти два слова, – въ такой притонъ и въ такое общество, о которомъ нельзя подумать безъ содроганія. Что же касается до приключенія съ Флоренсой, я считаю его въ нѣкоторомъ смыслѣ счастливымъ и благопріятнымъ обстоятельствомъ, потому что безъ него никогда бы не узналъ вашей вины, между тѣмъ какъ теперь вы сами принуждены были рассказать обо всемъ. Луиза, – продолжалъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ, – другая нянька, думаю я, – здѣсь миссъ Нипперъ громко зарыдала – можетъ остаться, потому что она еще слишкомъ молода и по неволѣ увлечена была соблазнительнымъ поведеніемъ кормилицы. Теперь потрудись распорядиться, чтобы извозчику заплатили до, – здѣсь м-ръ Домби пріостановился и сдѣлалъ презрительную мину – до Садовъ Стаггса.

Когда бѣдная Полли пошла къ дверямъ, Флоренса уцѣпилась за ея платье, и заплакала преотчаяннымъ образомъ, упрашивая добрую няню не уходить изъ дому. Какой ударъ для гордаго отца! Видѣть, какъ собственное дѣтище, собственная плоть и кровь, отъ которой нельзя же было отказаться, вѣшается въ его присутствіи на шею посторонней, презрѣнной женщины, да это то же, что кинжалъ въ сердце, или острая стрѣла въ растерзанную грудь! Ему, правда, никакого не было дѣла, кого любить или ненавидить его дочь; но его обдало смертельнымъ холодомъ при одной мысли, что то же самое могло со временемъ повториться и съ его сыномъ!

Какъ бы то ни было, на этотъ разъ его сынъ кричалъ во всю ночь на всѣ возможные напѣвы. Неудивительно: бѣдный Павелъ терялъ свою вторую мать, или правильнѣе, первую мать, которая съ любовью привѣтствовала возникающую зарю его жизни: ужасное лишеніе, какое только можетъ вытерпѣть сиротствующій младенецъ! Тотъ же ударъ лишилъ его сестру единственнаго вѣрнаго друга, и Флоренса горько рыдала до глубокой полночи, пока печальный

сонъ не сомкнулъ ея вѣждъ. Но всѣ эти вещи не относятся къ дѣлу: не станемъ толковать о нихъ.

Глава VII

Бѣглый взглядъ на жилище и на сердечныя привязанности миссъ Токсъ

Миссъ Токсъ обитала въ небольшомъ темномъ домикѣ, стоявшемъ съ незапамятныхъ временъ англійской исторіи на западной сторонѣ города, гдѣ онъ пріютился въ тѣни, за угломъ, какъ бѣдный родственникъ большой модной улицы, откуда свысока смотрѣли на него великолѣпныя зданія. Это жилище, расположенное не то чтобы на дворѣ, и не то чтобы за дворомъ, находилось въ самомъ скучномъ глухомъ переулкѣ, гдѣ черезъ ущелья каменной мостовой сильно начинала пробиваться трава и зеленый мохъ. Этотъ пустынный пріютъ именовался Княгининимъ Лугомъ, и на этомъ Княгининомъ Лугу красовалась Княгинина Капелла, и въ эту Княгинину Капеллу каждое воскресенье, по звону громкаго колокола, собиралось человѣкъ двадцать или тридцать сихъ и оныхъ слушателей мужского и женскаго пола. Тутъ же, почти подлѣ, къ великому соблазну благочестивыхъ душъ, стоялъ трактиръ подъ вывѣскою "Гербъ княгини", куда по временамъ заходили лакеи въ самыхъ великолѣпныхъ ливреяхъ. Въ оградѣ, передъ дверьми трактира, неизвѣстно ради какихъ потребъ, былъ поставленъ портшезъ, употреблявшійся въ незапамятныя времена, когда лондонскія дамы любили качаться на носилкахъ; а перила трактирной ограды въ хорошую погоду украшены были мѣдными кружками, которыхъ иной разъ, по счету миссъ Токсъ, находилось до сорока восьми.

Тутъ же, на Княгининомъ Лугу, кромѣ жилища миссъ Токсъ, стоялъ еще другой частный домъ, да еще какія-то огромныя ворота, которыя всегда крѣпко-накрѣпко были заперты тяжелыми запорами и не отворялись ни въ какомъ случаѣ. По всей вѣроятности, это былъ вышедшій изъ употребленія входъ въ чьи-то конюшни, и эту догадку подтверждалъ сильный конюшенный запахъ, распространявшійся по всему Княгинину Лугу. Окна изъ спальни миссъ Токсъ, расположенной назади, выходили прямо на эти конюшни, гдѣ безпрестанно возились кучера, производя оглушительный шумъ почти во всякое время дня и ночи. Здѣсь же, на задней стѣнѣ, тоже прямо передъ окнами миссъ Токсъ, конюхи имѣли обыкновеніе развѣшивать и просушивать свои кафтаны, армяки, куртки, жилеты и другія болѣе таинственныя принадлежности своего гардероба.

Владѣльцемъ другого частнаго дома на Княгининомъ Лугу былъ отставной буфетчикъ, женатый на ключницѣ. У этой счастливой четы ианималъ квартиру съ мебелью холостой джентльменъ, мужчина коренастый, одеревенѣлый съ выпученными глазами и совершенно синимъ лицомъ. Былъ онъ чиномъ майоръ и, по увѣренію миссъ Токсъ, онъ смотрѣлъ настоящимъ Марсомъ. Храбрый воинъ и прелестная дѣва имѣли обыкновеніе посылать другъ къ другу газетные листы и памфлеты, и эта платоническая любезность производилась чрезъ чернаго майорова слугу, котораго миссъ Токсъ обыкновенно величала "кореннымъ туземцемъ", хотя не соединяла съ этимъ именемъ никакой географической идеи.

Дворъ и лѣстница у миссъ Токсъ были самыя маленькія, и быть можетъ, говоря вообще, во всей Англіи не было такого съ верху до низу неуклюжаго и кривого домика, какъ жилище этой дѣвы; но зато, говорила миссъ Токсъ, – какое мѣстоположеніе! Дневной свѣтъ едва проникалъ сюда въ зимнее время, солнце не заглядывало и весною, воздуху – никогда никакого, торговой дѣятельности не было и слѣдовъ. При всемъ томъ, говорила миссъ Токсъ, – подумайте о мѣстоположеніи! То же самое говорилъ пучеглазый, синій майоръ, бывший вообще безъ ума отъ Княгинина Луга: всегда и во всякомъ мѣстѣ, особенно въ клубѣ, который посѣщалъ, онъ любилъ сводить разговоръ на знатныхъ особъ, жившихъ въ ближайшей модной улицѣ, чтобы имѣть удовольствіе сказать, что они его сосѣди.

Смурый домикъ миссъ Токсъ былъ ея собственный домикъ, доставшійся по духовному завѣщанію отъ покойнаго оригинала миниатюрнаго портрета съ длинной косою и напудреной головою, который всегда висѣлъ на почетномъ мѣстѣ передъ каминомъ. Большая часть мебели миссъ Токсъ принадлежала къ тѣмъ временамъ, когда были въ употребленіи напудренные головы и длинныя косы; тутъ особенно кидались въ глаза: хитрая четвероногая машинка для нагрѣванія тарелокъ, у которой кривыя ножки всегда растопыривались въ разныя стороны къ удовольствію приходившаго гостя, да еще старинное ветхозавѣтное фортепьяно съ именемъ мастера, украшеннымъ гирляндой сладкаго гороху.

Хотя майоръ Багстокъ достигъ до возраста, называемаго въ учтивой литературѣ великимъ меридіаномъ жизни, и хотя онъ спускался подъ гору земного путешествія съ окоченѣлыми челюстями, съ дряблымъ голосомъ, съ отвислыми слоновыми ушами и ужасно выпученными глазами, однако-жъ онъ чрезвычайно гордился лестнымъ къ себѣ вниманіемъ миссъ Токсъ и щекоталъ свое тщеславіе фантастическимъ представленіемъ, что это была дама самаго высокаго полета. Объ этомъ ужъ не разъ намекалъ онъ и въ клубѣ, придавая своей особѣ очень замысловатые эпитеты, бывшіе единственнымъ источникомъ его неистощимаго остроумія. Онъ величалъ себя старикомъ, старичиною, старцемъ, стариной, старикашкой, или просто, старымъ Багстокомъ, и въ то же время, благодаря гибкости англійскаго языка, видоизмѣнялъ на разныя манеры свое собственное имя Джозефа, съ которымъ вообще онъ стоялъ на самой короткой ногѣ.

"Джозефъ Багстокъ, сэръ, – говорилъ майоръ, махая своей палкой, – стоитъ дюжины такихъ, какъ вы. Если бы между вами было побольше изъ породы Багстоковъ, вамъ было бы отъ этого не хуже. Старина Джо себѣ на умѣ, сэръ, ему недалеко ходить за женой, если бы онъ захотѣлъ; но у Джоя, сэръ, каменное сердце, желѣзная грудь. Его не проведешь, сэръ; о, старичина Джозъ чертовски хитеръ!". Послѣ такой деклараціи, изъ желѣзной груди обыкновенно выходили шипящіе звуки, синій цвѣтъ лица превращался въ багровый, и глаза, казалось, совсѣмъ хотѣли выпрыгнуть изъ головы.

Несмотря на эти похвалы, расточаемыя собственной особѣ, майоръ былъ чрезвычайно самолюбивъ. Едва ли еще могъ найтись человѣкъ съ такимъ самолюбивымъ сердцемъ или, правильнѣе, съ такимъ самолюбивымъ желудкомъ, какъ у маіора, должно сказать, что этотъ послѣдній органъ былъ у него гораздо болѣе развитъ, чѣмъ первый. Ему и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь могъ передъ нимъ гордиться или пренебрегать имъ и всего менѣе, чтобы могла пренебрегать имъ несравненная миссъ Токсъ, которая, нѣтъ сомнѣнія, была безъ ума отъ храбраго воина.

И между тѣмъ, миссъ Токсъ, по-видимому забывала своего Марса, постепенно забывала. Она начала забывать его вскорѣ послѣ открытія семейства удлей. Она продолжала забывать его послѣ крестинъ, и теперь забвеніе ея доросло до огромныхъ размѣровъ. Другой кто-то, или другое что-то сдѣлалось источникомъ ея интереса.

– Здравствуйте, сударыня! – сказали майоръ, встрѣтившись съ миссъ Токсъ на Княгининѣмъ Лугу, спустя нѣсколько недѣль послѣ происшествій, описанныхъ въ послѣдней главѣ.

– Здравствуйте, сэръ! – сказала миссъ Токсъ очень холодно.

– Джо Багстокъ, сударыня, – замѣтилъ маіоръ съ обыкновенной любезностью, – уже давно не имѣлъ счастья привѣтствовать васъ у окна. Онъ въ отчаяніи, сударыня. Солнце его скрылось за облаками.

Миссъ Токсъ слегка наклонила голову съ большою холодностью.

– Свѣтило Джоя было, конечно, за городомъ, сударыня? – спросилъ майоръ.

– Кто за городомъ? я? Нѣтъ, я не выѣзжала за городъ, – отвѣчала миссъ Токсъ, – я была въ послѣднее время очень занята. Почти все мое время посвящено искреннимъ друзьямъ. Да и теперь мнѣ никакъ нельзя мѣшкать. Прощайте, сударь.

Когда миссъ Токсъ, съменя очаровательнѣйшимъ образомъ своими ножками, исчезла, наконецъ, изъ Княгинина Луга, майоръ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, устремивъ пучеглазый взоръ на удаляющуюся богиню, и лицо его посинѣло еще болѣе обыкновеннаго. Онъ ворчалъ и бормоталъ поо себя, но уже не комплименты.

– Чортъ побери! – говорилъ онъ, озираясь вокругъ своими рачьими глазами и вдыхая благовонный воздухъ Княгинина Луга, – за шесть мѣсяцевъ эта женщина любила землю, по которой ходилъ Джозъ Багстокъ, а теперь?... Что это значить?

Послѣ нѣкотораго размышленія, майоръ рѣшилъ, что это значить западня, сѣти, ловушка мужа, что миссъ Токсъ роетъ для него яму. – Но вамъ не поймать, сударыня, стараго Джоя! – говорилъ майоръ. – У него, сударыня, каменное сердце, желѣзная грудь! Старина Джо чертовски лукавъ: вамъ не провести его! – И послѣ этого заключенія, майоръ Багстокъ ухмылялся во весь день наилюбезнѣйшимъ образомъ.

Но ни въ этотъ, ни въ другіе дни миссъ Токсъ не обращала никакого вниманія на майора и вовсе не думала о немъ. Случалось, въ былыя времена она будто нечаянно выглядывала изъ своего темнаго окошечка и краснѣя отвѣчала на поклоны майора; но теперь – увы! – она не подавала отставному любезнику ни малѣйшей надежды и рѣшительно не заботилась, смотреть онъ на нее или нѣтъ. Въ ея домѣ произошли также очевидныя перемѣны. Майоръ, дѣлая наблюденія изъ своей комнаты, замѣтилъ, что ея жилище приняло какой-то праздничный видъ. Въ одной изъ ея комнатъ появилась новая клѣтка съ вызолоченными проволоками для старой канарейки, каминъ и столы разукрасились пышными орнаментами изъ разноцвѣтной бумаги; на окнахъ очутились два-три горшка съ цвѣтами, и наконецъ сама м-съ Токсъ начала по временамъ поигрывать на фортепьяно, на которомъ, подлѣ гирлянды изъ сладкаго гороху, величественно разложена была музыкальная книга съ копенгагенскими вальсами, списанными рукою самой несравненной хозяйки

Къ довершенію всѣхъ этихъ перемѣнъ, миссъ Токсъ начала съ нѣкотораго времени одѣваться въ траурное платьѣ съ величайшимъ стараніемъ и съ отмѣннымъ вкусомъ. Это послѣднее обстоятельство вывело майора изъ затрудненія, и онъ рѣшилъ, что его сосѣдка получила небольшое наслѣдство и загордилась.

На другой же день послѣ этого отраднаго рѣшенія, майоръ, сидя за своимъ завтракомъ, увидѣлъ такое страшное и чудное явленіе въ маленькой гостиной миссъ Токсъ, что на нѣкоторое время онъ отъ изумленія приросъ къ своему стулу. Потомъ, выбѣжавъ въ ближайшую комнату, онъ воротился съ двухъ-ствольной оперной трубкой, и принялся съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдать ужасный предметъ своего изумленія.

– Ребенокъ! ребенокъ!! – вскричалъ майоръ, закрывая трубку, – тысяча противъ одного, что это ребенокъ!

Майоръ никакъ не могъ опомниться. Онъ только свистѣлъ и пучеглазилъ до такой степени, что глаза его, по-видимому, совсѣмъ выкатывались изъ орбитъ. День ото дня ребенокъ появлялся все чаще и чаще, два, три, четыре раза въ недѣлю. Майоръ свистѣлъ, пыхтѣлъ и пучеглазилъ. Ко всѣмъ другимъ явленіямъ на Княгининомъ Лугу былъ онъ совершенно равнодушенъ, точно такъ же какъ и миссъ Токсъ была совершенно равнодушна къ нему самому. Онъ могъ почернѣть, побѣлѣть, пожелтѣть, побагровѣть – до всего этого не было ей никакого дѣла.

Нельзя было не удивляться постоянству, съ какимъ она выходила изъ Княгинина Луга за ребенкомъ и его кормилицей, гуляла съ ними, возвращалась домой и смотрѣла за всѣми ихъ движеніями. Усердіе ея простиралось до того, что она сама даже кормила и няньчила младенца, и нерѣдко холодила юную кровь его своею игрою на фортепьяно. Чудныя непостижимыя дѣла! Въ это же самое время обуяла ее страсть безпрестанно смотрѣть на какой-то браслетъ, а также страсть по цѣлымъ часамъ смотрѣть на луну изъ маленькаго окошка своей комнаты. Но на что бы она ни смотрѣла, – на солнце, луну, звѣзды или браслеты, – на майора – увы! – уже никогда

болѣе не смотрѣла. И бѣдный майоръ свистѣлъ, пыхтѣлъ, пучеглазилъ, дивовался, подсматривалъ, шпионилъ, и ни изъ чего не могъ вывести никакого положительнаго заключенія.

– Ну, моя милая, вы непременно овладѣете сердцемъ моего брата, поздравляю васъ! – сказала однажды м-съ Чиккъ.

М-съ Токсъ поблѣднѣла.

– Малютка съ каждымъ днемъ все больше походить на отца, – продолжала м-съ Чиккъ.

Миссъ Токсъ вмѣсто отвѣта взяла на руки маленькаго Павла и расцѣловала.

– Похожъ ли онъ, моя милая, сколько-нибудь на свою мать, съ которой вамъ не удалось меня познакомить? – спросила миссъ Токсъ.

– Нимало, – отвѣчала Луиза.

– Она, я думаю, была очень хороша? – пролепетала миссъ Токсъ.

– Ну да, бѣдная Фанни была интересна, – сказала м-съ Чиккъ послѣ нѣкотораго размышленія, – конечно, интересна. Но въ ней не было этой возвышенности, этого величаваго, повелительнаго вида, котораго слѣдовало бы ожидать отъ жены моего брата, и притомъ она вовсе не имѣла этой твердости духа, этой силы характера, какая необходима для такого мужа.

Миссъ Токсъ испустила глубокий вздохъ.

– Впрочемъ, она была любезна, – сказала м-съ Чиккъ, – чрезвычайно любезна. И притомъ она была добра, ахъ! – какъ добра была бѣдная Фанни!

– Ангельчикъ ты мой! милашечка! – вскричала миссъ Токсъ, цѣлуя маленькаго Павла. Вылитый портретикъ своего папашеньки!

Если бы майоръ зналъ, сколько надеждъ, желаній, плановъ носилось надъ этой младенческой головой, если бы онъ видѣлъ, какъ роились и парили они въ своихъ разнородныхъ элементахъ надъ измятой шапочкой безсознательнаго маленькаго Павла... впрочемъ, что-жъ такое? майоръ опять бы выпучилъ глаза! Но тогда, по крайней мѣрѣ, онъ увидѣлъ бы въ хаотической толпѣ этихъ мечтаній нѣкоторые живительные лучи, озаряющіе душу миссъ Токсъ, и тогда онъ понялъ бы, какая непобѣдимая сила влечетъ эту женщину къ торговому дому подъ фирмой: Домби и Сынъ!

Если бы самъ младенецъ, среди глубокой полночи, пробудился отъ сна, и увидѣлъ, какъ на занавѣсахъ его люльки отражаются таинственныя видѣнія нѣкоторыхъ думъ, они испугали бы его, эти видѣнія, и не безъ причины. Но онъ спалъ, невинный младенецъ, спалъ спокойно, вовсе не зная о пріятныхъ мечтаніяхъ миссъ Токсъ, объ изумленіи майора, о преждевременной грусти своей сестры, о важныхъ планахъ и расчетахъ отца, и даже не подозревая, что есть на свѣтѣ клочекъ земли, на которомъ существуетъ Домби и Сынъ.

Глава VIII

Дальнѣйшіе успѣхи Павла; его возрастаніе и характеръ

Подъ вліяніемъ неусыпныхъ и всегда внимательныхъ очей времени, сны Павла постепенно измѣнялись. Разсвѣтъ сознанія неотразимо проникалъ въ младенческую душу; ея видѣнія прояснились: предметы и впечатлѣнія въ безчисленномъ множествѣ зародились вокругъ новаго жителя міра, растревожили его покой, и такимъ образомъ наслѣдникъ знаменитаго дома незамѣтно перешелъ отъ младенческаго возраста къ дѣтскому и сдѣлался говорящимъ, ходящимъ, удивляющимся Домби.

Послѣ опалы и позорнаго изгнанія Ричардсъ дѣтскій департаментъ, въ хозяйственномъ министерствѣ м-ра Домби, поступилъ въ завѣдываніе временнаго комитета, котораго главными членами, разумѣется, назначены были м-съ Чиккъ и миссъ Токсъ. Эти особы съ такимъ изумительнымъ усердіемъ принялись за исправленіе своихъ новыхъ должностей, что майоръ Багстокъ съ каждымъ днемъ долженъ былъ убѣждаться въ своей рѣшительной опалѣ, между тѣмъ какъ м-ръ Чиккъ, лишенный домашняго надзора, очертя голову бросился въ большой свѣтъ, обѣдалъ въ клубахъ и кофейныхъ домахъ, два-три раза курилъ трубку наперекоръ строжайшему запрещенію своей сожительницы, разѣзжалъ по театрамъ, и словомъ, какъ выразилась однажды м-съ Чиккъ, безсовѣстно ослабилъ всѣ общественныя узы и нравственныя обязательства.

При всемъ томъ маленькій Павелъ, несмотря на неусыпную заботливость и материнскія попеченія, развивался какъ-то очень туго. Послѣ изгнанія кормилицы, онъ вдругъ ни съ того ни сего, или можетъ быть отъ природной слабости, началъ тосковать, сохнуть, чахнуть, и долго, казалось, отыскивалъ свою потерянную мать, далеко не удовлетворяемый нѣжностями своихъ надзирательницъ. Кое-какъ прошелъ онъ самыя трудныя ступени на пути къ юношескому возрасту, но и дальнѣйшее путешествіе казалось для него чрезвычайно опаснымъ, какъ на скачкахъ для отчаяннаго жокея, который, перескакивая черезъ рытвины и овраги, рискуетъ каждую минуту сломить себѣ шею. Каждый вновь пробивающійся зубъ былъ для него страшнымъ барьеромъ, каждый прыщикъ во время кори – каменной стѣной, черезъ которую надо было перепрыгивать не иначе, какъ съ большой опасностью. Немощный всадникъ онъ, сваливался наповалъ при каждомъ припадкѣ коклюша и тутъ безъ пощады давила его цѣлая стая дѣтскихъ болѣзней, долго мѣшавшихъ ему подняться на ноги.

Ознобъ послѣ крещенія, по-видимому, поразилъ младенца въ самую чувствительную часть его организма, и онъ уже никогда не могъ оправиться подъ холодной кровлей родительскаго дома. Вообще это былъ самый несчастный ребенокъ, и это мнѣніе о немъ не разъ высказывала даже м-съ Виккемъ.

М-съ Виккемъ была женою трактирнаго слуги, то есть, другими словами, она была вдовою живого мужа, и такъ какъ она не имѣла ни дѣтей, ни родственниковъ, то ее очень благосклонно приняли къ м-ру Домби, гдѣ она, спустя два или три дня послѣ мучительнаго отнятія Павла отъ груди, вступила въ должность няньки. М-съ Виккемъ была женщина смиренная, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ глазами всегда поднятыми къверху, съ головой всегда опущенной внизъ. Она настроила себя наиудивительнѣйшимъ образомъ къ соболѣзнованіямъ всякаго рода: безпрестанно жаловалась на собственную горестную судьбу, страдала о несчастіяхъ ближнихъ и съ трогательной благодарностью принимала соболѣзнованія о себѣ самой. Вообще, природа въ высокой степени наградила эту женщину чудной способностью смотрѣть на всѣ предметы въ самомъ жалобномъ свѣтѣ, и она, по-видимому, находила величайшее утѣшеніе совершенствовать этотъ талантъ, представляя поразительно страшныя доказательства въ защиту своихъ могильныхъ мыслей.

Почти нѣтъ надобности говорить, что м-ръ Домби рѣшительно ии чего не зналъ о необыкновенномъ настроеніи духа новой няньки. Да и какъ ему знать? Ни одна душа въ домѣ – не исключая самой м-съ Чиккѣ или миссъ Токсъ – не смѣла передъ нимъ заикнуться насчетъ какихъ-нибудь неудобствъ въ отношеніи къ маленькому Павлу. Онъ рѣшилъ самъ въ себѣ, что ребенокъ необходимо долженъ проходить по всѣмъ этимъ мытарствамъ дѣтскихъ недуговъ, и чѣмъ скорѣе онъ пройдетъ ихъ, тѣмъ лучше. Если бы онъ могъ откупить отъ нихъ своего сына или поставить вмѣсто него наемщика, какъ это бываетъ при рекрутскихъ наборахъ, то онъ былъ бы очень радъ воспользоваться такимъ средствомъ на самыхъ щедрыхъ условіяхъ. Но такъ какъ этого, очевидно, сдѣлать было невозможно, то онъ ограничился только тѣмъ, что обнаруживалъ по временамъ гордое изумленіе насчетъ непостижимыхъ распоряженій природы и утѣшался мыслью, что вотъ еще благополучно пройденъ верстовой столбъ на трудной дорогѣ жизни, и великая цѣль путешествія становится все ближе и ближе. Господствующимъ чувствомъ его души, постепенно принимавшимъ огромнѣйшіе размѣры по мѣрѣ возрастанія Павла, было нетерпѣніе дожидаться, наконецъ, того вождѣннаго времени, когда торжественнымъ образомъ будутъ приведены въ исполненіе его блистательныя надежды.

Нѣкоторые философы утверждаютъ, что эгоизмъ есть корень благороднѣйшихъ привязанностей и склонностей сердца. Юный сынъ м-ра Домби съ самаго начала въ такой степени сдѣлался для него важнымъ, какъ часть его собственного величія, или, что все равно, величія Домби и Сына, что привычныя глаза съ величайшей ясностью могли видѣть основаніе этой родительской привязанности. Однако-жъ онъ любилъ своего сына, какъ только могъ любить. Если оставалось еще теплое мѣстечко въ этомъ ледяномъ сердцѣ, оно принадлежало сыну: если на затвердѣлой его поверхности могло отражаться впечатлѣніе чьего-нибудь образа, то это былъ образъ его сына, – не младенца сына и не отрока, а взрослого сына, представителя фирмы. Вотъ почему онъ торопился скорѣе пробѣжать первыя страницы его исторіи и съ нетерпѣніемъ заглядывалъ въ отдаленную будущность. Вотъ почему также, при всей своей любви, онъ мало или вовсе не заботился о ребенкѣ, разсчитывая, что, такъ или иначе, ребенокъ н_е_п_р_е_м_ѣ_н_н_о сдѣлается м_у_ж_е_м_ъ, для котораго онъ каждый день строилъ новые планы и проекты, какъ будто передъ нимъ лицомъ къ лицу стоялъ благородный представитель торговаго дома въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты.

Наконецъ Павлу минуло около пяти лѣтъ. Онъ былъ вообще очень красивый мальчикъ; но на его блѣдномъ худощавомъ лицѣ отражалась какая-то болѣзненная задумчивость, такъ что м-съ Виккемъ, посматривая на него, многозначительно качала головой и вздыхала отъ глубины сердца. По нѣкоторымъ признакамъ безошибочно можно было заключить, что характеръ его будетъ гордый и повелительный: онъ уже начиналъ понимать свое собственное величіе и сознавалъ съ удовлетворительною ясностью, что всѣ другія вещи и лица сотворены исключительно для него. По временамъ угрюмость его проходила, и онъ рѣзвился какъ другія дѣти; но зато иной разъ задумчиво сидѣлъ онъ на своихъ миниатюрныхъ креслахъ и мечталъ очень глубокомысленно, какъ столѣтній старичекъ, утомленный мірскою суетой. Случалось иногда, игралъ онъ въ дѣтской съ Флоренсой или погонялъ хлыстикомъ миссъ Токсъ, которая служила для него лошадкой; но потомъ вдругъ совершенно неожиданно овладѣвало имъ какое-то уныніе, и онъ жаловался на чрезвычайную усталость. Но всею чаще находила на него эта хандра вечеромъ послѣ обѣда, когда по обыкновенію маленькія кресла перетаскивали въ гостиную, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ отцомъ подлѣ камина. Это была самая странная чета, какую когда-либо освѣщаль каминный огонь. М-ръ Домби, не покидая важной осанки, величаво взиравъ на яркое пламя; а маленькій портретъ его созерцалъ это красное явленіе съ напряженнымъ вниманіемъ мудреца. М-ръ Домби обдумывалъ въ глубинѣ души многосложные мірскіе планы и предположенія; а маленькій портретъ его питалъ въ душѣ какія-то дикія мечты, полужрѣблыя мысли и безсвязныя умозрѣнія. М-ръ Домби неподвижно держалъ голову вверхъ отъ гордости и отъ накрахмаленнаго галстука: маленькій портретъ его сохранялъ такую же позу по наслѣд-

ству и по бессознательному подражанію. Оба были удивительно похожи другъ на друга, и въ то же время чудовищно противоположны одинъ другому.

Въ одномъ изъ такихъ случаевъ, когда оба они уже давно краснорѣчиво безмолвствовали, и м-ръ Домби зналъ только, что сынъ его не спитъ, потому что случайно заглянувъ въ его глазъ, увидѣлъ въ немъ яркое отраженіе огненного изумруда, маленькій Павелъ прервалъ молчаніе такимъ образомъ:

– Папа! что такое деньги?

Внезапный вопросъ имѣлъ такую близкую связь съ настоящимъ предметомъ размышленія, что м-ръ Домби былъ совершенно озадаченъ.

– Что такое деньги, Павелъ? – отвѣчалъ онъ, – деньги?

– Да, – сказалъ ребенокъ, облачиваясь на ручку кресель и обращая старое лицо на м-ра Домби, – что такое деньги?

М-ръ Домби былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе. Онъ былъ бы очень радъ дать ученый коммерческій отвѣтъ, опредѣляя деньги общимъ мѣриломъ цѣнности вещей и распространяясь о курсѣ, о возвышеніи и пониженіи курса, объ ассигнаціяхъ, векселяхъ, золотыхъ слиткахъ, о сравнительной цѣнности благородныхъ металловъ, и такъ далѣе, но взглянувъ на кресла, низенькія, очень низенькія кресла, сказалъ только: "Золото, серебро и мѣдь. Гинеи, шиллинги, полупенсы. Знаешь теиерь, что это такое?".

– Ну да, я знаю, что это такое, – отвѣчалъ Павелъ, – но я не объ этомъ думаю, папа. Я хочу знать, что такое деньги?

Великій Боже! какимъ старикомъ смотрѣлъ онъ, когда опять поднялъ глаза на своего отца!

– Что такое деньги? – сказалъ м-ръ Домби съ крайнимъ изумленіемъ, отодвигая свой стулъ, чтобы лучше рассмотреть заносчиваго малютку, предложившаго такой смѣлый вопросъ.

– Да, папа; я хочу знать, что деньги могутъ сдѣлать? – отвѣчалъ Павелъ, складывая на груди свои руки [онъ были уже довольно длинны], и посматривая то на огонь, то на отца, опять на огонь и опять на отца.

М-ръ Домби придвинулъ стулъ на прежнее мѣсто и погладилъ сына по головкѣ.

– Со временемъ ты лучше узнаешь эти вещи, – сказалъ онъ, – деньги, мой милый, дѣлають всякія дѣла.

Говоря это, м-ръ Домби взялъ маленькую руку сына и слегка началъ хлопать ею по своей. Но сынъ, при первой возможности высвободился изъ этой позы, и съ нетерпѣніемъ сталъ тереть ладонью о кресла, какъ будто его умъ заключался въ ладони, и нужно было наострить его. Потомъ еще разъ онъ взглянулъ на каминъ, какъ будто огонь былъ его совѣтникомъ и суфлеромъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ сказалъ:

– Деньги, говоришь ты, дѣлають всякія дѣла?

– Да, почти всякія, – отвѣчалъ м-ръ Домби.

– Всякія... вѣдь это то же, что деньги дѣлають в_с_е: не такъ ли, папа? – спросилъ сынъ, не замѣчая или, быть можетъ, не понимая разницы между этими словами.

– Да, деньги могутъ все сдѣлать, мой милый.

– Такъ почему же деньги не спасли мою маму? – съ живостью возразилъ ребенокъ, – не жестоко ли это съ ихъ стороны?

– Жестоко! – сказалъ м-ръ Домби, поправляя галстукъ и собираясь съ мыслями, – нѣтъ, хорошая вещь не можетъ быть жестокою.

– Деньги хорошая вещь и могутъ сдѣлать все, – глубокомысленно замѣтилъ маленькій собесѣдникъ, обративъ глаза на каминъ, – удивительно однако-жъ, почему онъ не спасли мою маму?

Съ этимъ вопросомъ онъ уже не обращался къ отцу. Быть можетъ, съ дѣтскою проникательностью онъ увидѣлъ, что разговоръ этотъ не нравился м-ру Домби. Но онъ вслухъ повто-

риль эту мысль, какъ будто она давно занимала и крайне тревожила его. Облокотившись подбородкомъ на руку, онъ впалъ въ глубокую задумчивость и вперилъ глаза на догоравшій огонь.

М-ръ Домби былъ не то чтобы взволнованъ, однако-жъ крайне изумленъ странной пытливостью ребенка. Еще въ первый разъ его сынъ осмѣлился заговорить съ нимъ о покойной матери, несмотря на то, что онъ довольно часто, почти каждый вечеръ, сидѣлъ съ нимъ въ гостиной подлѣ камина точно въ такомъ же положеніи. Оправившись отъ изумленія, онъ старался по возможности объяснить, что деньги хотя всемогущій духъ, вездѣ и всѣми уважаемый, однако-жъ, онѣ никакимъ образомъ не могутъ спасти человѣка, если ему пришло время умереть, и что, къ несчастью, всѣ мы, даже въ Сити, рано или поздно должны умереть, какъ бы ни велико было наше богатство.

— Но деньги, — говорилъ м-ръ Домби, — доставляютъ намъ всеобщій почетъ, уваженіе, удивленіе другихъ людей. Съ деньгами мы можемъ прославиться и навести страхъ на все, что насъ окружаетъ, а случается, и очень нерѣдко, что можно деньгами удалить отъ себя самую смерть на весьма долгое время. Такъ, напримѣръ, твоя мать за деньги пользовалась услугами м-ра Пилькинса и знаменитаго доктора Паркера Пепса. Этого послѣдняго врача ты не знаешь, а м-ръ Пилькинсъ очень часто помогалъ и тебѣ. Словомъ, все дѣлаютъ деньги, что только можно сдѣлать.

Много еще подобныхъ сентенцій на эту тему м-ръ Домби внушалъ воспріимчивой душѣ своего сына. Ребенокъ слушалъ внимательно, и казалось, понималъ почти все, что ему говорили.

— А вѣдь вотъ, папа, деньги не могутъ меня сдѣлать здоровымъ и сильнымъ! — сказалъ Павелъ послѣ короткой паузы, потирая руками.

— Какъ, развѣ ты не совершенно здоровъ и силенъ? — съ изумленіемъ спросилъ м-ръ Домби.

Маленькій старичекъ съ лукавымъ видомъ поднялъ на отца печальные глаза.

— Ты здоровъ и силенъ, какъ всѣ дѣти въ твоемъ возрастѣ, не правда ли? — сказалъ м-ръ Домби.

— Флоренса, правда, старше меня, и я не могу быть такъ здоровъ и силенъ какъ она, это мнѣ очень хорошо извѣстно, — возразилъ ребенокъ, — но когда Флоренса была такъ же мала, какъ я, она могла играть сколько ей угодно и никогда не уставала; это я также очень хорошо знаю. А если бы зналъ ты, какъ я иногда устаю! Охъ, какъ я устаю! Всѣ кости болятъ у меня — Виккемъ говоритъ, что это кости — и ужъ я не знаю, что мнѣ дѣлать?

Здѣсь маленький Павелъ, грѣя руки, пристально началъ смотрѣть черезъ каменную рѣшетку, какъ будто въ каминѣ фантастическіе духи разыгрывали для него кукольную комедію.

— Это, видно, бываетъ съ тобой по вечерамъ, — сказалъ м-ръ Домби, ближе подвигаясь къ сыну и тихонько положивъ руку на его спину, — дѣти всегда устаютъ вечеромъ, и потомъ спятъ по ночамъ очень крѣпко.

— Охъ, нѣтъ, папа! — возразилъ ребенокъ, — это бываетъ со мной и по днямъ, когда я лежу у Флоренсы на колѣняхъ и она поетъ мнѣ пѣсни. А по ночамъ я вижу во снѣ прелюбопытныя, предиковинныя вещи!

На этотъ разъ м-ръ Домби былъ очень взволнованъ и рѣшительно не зналъ что говорить. Онъ еще ближе подвинулся къ сыну и безмолвно смотрѣлъ на его лицо при слабомъ блескѣ огня, продолжая держать лѣвую руку на его спинѣ, какъ будто она притянута была магнетической силой. Однажды онъ пробовалъ правой рукой повернуть къ себѣ его голову; но ребенокъ тотчасъ же принялъ онять прежнюю позу и уже не отрывалъ глазъ отъ порхающаго пламени до той поры, пока нянька не пришла звать его въ постель.

— Почему же не пришла за мной Флоренса? — сказалъ Павелъ.

— Развѣ вы не хотите идти съ своей бѣдной няней, м-ръ Павелъ? — спросила Виккемъ, испуская глубокій вздохъ.

– Не хочу, – отвѣчалъ Павелъ, усаживаясь на своихъ креслахъ, какъ господинъ, которому должны повиноваться.

Призывая небо въ свидѣтели своей невинности, м-съ Виккемъ пошла назадъ, и черезъ минуту вмѣсто нея явилась Флоренса. Ребенокъ мгновенно одушевился и, вскочивъ съ кресель, очень бойко раскланялся съ отцомъ, пожелавъ ему доброй ночи. Лицо его повеселѣло, помолодѣло и приняло такое дѣтское выраженіе, что м-ръ Домби не могъ надивиться внезапной переменѣ.

Когда дѣти вышли изъ комнаты, ему вдругъ послышался нѣжный голосокъ, распѣвавшій какую-то пѣсню. Припомнивъ слова Павла о поющей сестрѣ, онъ отворилъ дверь, началъ вслушиваться и смотрѣть на дѣтей. Флоренса съ усиленіемъ взбиралась по ступенямъ огромной и пустой лѣстницы, держа въ объятіяхъ маленькаго брата, который, положивъ голову на плечо сестры, обвился руками вокругъ ея шеи. И пока они входили, Флоренса все пѣла, Павелъ подтягивалъ, а м-ръ Домби съ крайнимъ изумленіемъ безмолвно смотрѣлъ на трогательную сцену. Дѣти взобрались уже на верхній конецъ огромной лѣстницы, не останавливаясь пошли въ комнату и совершенно скрылись изъ виду, а м-ръ Домби все еще продолжалъ стоять у дверей съ глазами, обращенными кверху, и уже тогда только, когда блѣдный свѣтъ луны началъ приближаться черезъ тусклое окно въ потолокъ, онъ махнулъ рукою и задумчиво побрелъ въ свою спальню.

На другой день м-съ Чиккъ и м-съ Токсъ получили приглашеніе къ обѣду на домашнее совѣщаніе. Лишь только почтенные члены комитета явились въ столовую, м-ръ Домби безъ всякаго предварительнаго объясненія или приступа открылъ засѣданіе вопросомъ:

– Что такое дѣлается съ Павломъ? Что думаетъ о немъ м-ръ Пилькинсъ? Ребенокъ далеко не такъ здоровъ, какъ желательно бы видѣть.

– Удивляюсь твоей проницательности, любезный Павелъ, – отвѣчала м-съ Чиккъ, – ты однимъ разомъ угадалъ всю истину. Да, малютка нашъ не такъ здоровъ, какъ желательно бы видѣть. Дѣло въ томъ, мой милый, что его умственные способности развиваются съ непостижимой быстротой, и маленькое тѣло едва способно выдерживать паренія его высокой души. Боже мой! какъ умно, какъ разсудительно говорить этотъ дивный ребенокъ! невѣроятно! невообразимо! Помнишь ли, Лукреція, какъ разсуждалъ онъ вчера о похоронахъ?...

– Вотъ въ томъ-то и дѣло, – сказалъ м-ръ Домби, грубо прерывая сестру, – что нѣкоторыя нескромныя особы внушаютъ моему сыну неприличныя мысли. Вчера вечеромъ онъ вдругъ заговорилъ со мною о своихъ костяхъ; желалъ бы я знать, кому какое дѣло до костей моего сына? Надѣюсь, онъ не живой скелетъ.

– Какъ это можно! – сказала м-съ Чиккъ съ невыразимымъ испугомъ.

– Надѣюсь, – сурово повторилъ братъ. – Еще похороны! Кто смѣетъ говорить моему сыну о похоронахъ. Мы не гробовщики, я думаю, не могильщики!

– Какъ это можно! – сказала м-съ Чиккъ съ тѣмъ же невыразимымъ чувствомъ страшнаго испуга.

– Кто смѣетъ, говорю я, внушать моему сыну такія черныя мысли? Вчера онъ не на шутку напугалъ меня. Тебя спрашиваю, Луиза, кто вбилъ ему въ голову такія вещи?

– Тутъ, кажется, нечего долго спрашивать и допытываться, – отвѣчала м-съ Чиккъ послѣ минутнаго размышленія. – Если сказать правду, нянька у нашего малютки не очень веселаго нрава. Она то и дѣло, что...

– Горюетъ да тоскуетъ, – скромно перебила м-съ Токсъ.

– Именно такъ, – продолжала м-съ Чиккъ, – горюетъ да тоскуетъ Богъ знаетъ о чемъ. Но зато м-съ Виккемъ рачительна, внимательна, усердна и, смѣю сказать, ни мало не взыскательна. Притомъ это самая скромная и смиренная женщина, какую только я знаю. Если нашъ малютка немного ослабѣлъ послѣ своей послѣдней болѣзни, если теперь онъ не такъ здоровъ и силенъ,

какъ желательно бы видѣть, если вообще, онъ поразстроился и долженъ на нѣкоторое время потерять правильное употребленіе...

Послѣ гнѣвнаго выговора за болѣзнь въ костяхъ миссъ Чиккъ не смѣла произнести это страшное слово и, не зная, какъ окончить фразу, дожидалась вдохновенной выручки отъ своей пріятельницы, которая на этотъ разъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ проговорила:

– Правильное употребленіе членовъ...

– Членовъ? – повторилъ м-ръ Домби.

– Домашній лекарь сегодня поутру говорилъ, кажется, о ногахъ, моя милая, не правда ли? – сказала миссъ Токсъ.

– Ну да, мой ангель, онъ говорилъ о ногахъ, – возразила м-съ Чиккъ съ кроткимъ упрекомъ, – зачѣмъ ты спрашиваешь меня? Я очень хорошо слышала, какъ онъ говорилъ. Стало быть, вотъ видите ли, если нашъ милый Павелъ долженъ въ настоящемъ случаѣ лишиться употребленія ногъ, такъ беспокоиться рѣшительно не о чемъ, всѣ дѣти въ его возрастъ бываютъ подвержены такимъ недугамъ, и чѣмъ раньше онъ ихъ вытерпитъ, тѣмъ лучше. Ты самъ это знаешь, любезный братецъ.

– Я не сомнѣваюсь, Луиза, – замѣтилъ м-ръ Домби, – въ твоей искренней привязанности къ будущему представителю моего дома. Такъ м-ръ Пилькинсъ говорилъ о Павлѣ сегодня поутру?

– Да, сегодня поутру, – отвѣчала сестра, – мы это слышали вмѣстѣ съ миссъ Токсъ, мы тутъ были. Ты знаешь, какъ и миссъ Токсъ дорожить всѣмъ, что относится до нашего ангельчика. И что это за докторъ м-ръ Пилькинсъ! удивительный докторъ! Онъ еще осматривалъ его за нѣсколько дней предъ этимъ и говорилъ, что ничего, все идетъ какъ слѣдуетъ. Это мы слышали вмѣстѣ съ миссъ Токсъ, и ты долженъ успокоиться, милый Павелъ. А сегодня м-ръ Пилькинсъ рекомендовалъ нашему малюткѣ морской воздухъ, и я съ нимъ совершенно согласилась, совѣтъ очень благоразумный!

– Морской воздухъ? – повторилъ м-ръ Домби, бросая на сестру изумленный взоръ.

– Да, морской воздухъ. Беспокоиться тутъ рѣшительно не о чемъ, – сказала м-съ Чиккъ. – Моимъ дѣтямъ, Жоржу и Фредерику, тоже предписывали морской воздухъ, когда они были въ этомъ возрастѣ, да и сама я пользовалась нѣсколько разъ морскимъ воздухомъ. Что-жъ тутъ удивительнаго? Морской воздухъ очень полезенъ. Я съ тобой совершенно согласна, Павелъ, что, можетъ быть, иной разъ по неосторожности разсуждали въ дѣтской о такихъ вещахъ, которыя должны быть чужды младенческой душѣ, но посуди самъ, какъ уберечься отъ ребенка съ такими огромными способностями? Быстрота ума непостижимая! Еслибъ это былъ обыкновенный ребенокъ, такъ ничего бы не случилось, увѣряю тебя. Я должна сказать, то есть мы вмѣстѣ съ миссъ Токсъ должны сказать, что кратковременное отсутствіе изъ этого дома, брайтонскій воздухъ и особенно физическое и умственное воспитаніе подъ руководствомъ такой опытной, благоразумной женщины, какъ напимѣръ, м-съ Пипчинъ...

– Это что еще за м-съ Пипчинъ, Луиза? – съ нетерпѣніемъ спросилъ м-ръ Домби, раздосадованный фамильярнымъ разговоромъ о женщинѣ, которой фамилія была ему неизвѣстна.

– М-съ Пипчинъ, любезный Павелъ, – отвѣчала сестра, – почтенная пожилая дама, вдова почтеннѣйшаго и очень извѣстнаго джентльмена. М-съ Токсъ хорошо знаетъ всю ея исторію. Съ нѣкотораго времени эта благородная леди посвятила себя исключительно воспитанію и образованію маленькихъ дѣтей съ такимъ успѣхомъ, который доставилъ ей извѣстность во всѣхъ лучшихъ домахъ. Мужъ ея умеръ съ горя отъ... какъ вы рассказывали, моя милая? я все забываю подробности. Мужъ ея умеръ отъ...

– Отъ выкачиванія воды изъ перувіанскихъ рудниковъ, – договорила м-съ Токсъ.

– То есть не то, чтобы онъ самъ выкачивалъ воду изъ рудниковъ, – сказала м-съ Чиккъ, взглянувъ на своего брата, и это объясненіе было совершенно необходимо, потому что миссъ Токсъ выразилась двусмысленно, – а онъ только употребилъ для этой спекуляціи свой капи-

таль, который погибъ до послѣдняго шиллинга въ рукахъ обанкротившейся компаніи. Я увѣрена, м-съ Пипчинъ превосходно воспитываетъ дѣтей, и ужъ, конечно, никто не сравняется съ ней въ этомъ искусствѣ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать о ней въ самыхъ знатныхъ домахъ, а ты знаешь, Павелъ, какіе дома я посѣщала до рожденія твоего сына!

Здѣсь м-съ Чиккъ обратила многозначительный взоръ на бронзовый бюстъ Вильяма Питта, какъ будто хотѣла сказать: "Вотъ и тамъ меня принимали"

— Быть можетъ, насчетъ м-съ Пипчинъ я обязана сказать вамъ, сэръ, — замѣтила миссъ Токсъ покраснѣвъ, какъ вишневая ягода, — что похвала вашей милой сестрицы нисколько не преувеличена. Многіе леди и джентльмены — самое лучшее украшеніе нынѣшняго общества — обязаны своимъ воспитаніемъ этой почтенной дамѣ. Ваша покорная слуга имѣла также счастье пользоваться ея наставленіями, и признаюсь вамъ, я до могилы не забуду высокихъ правилъ нравственности и благоразумія, укорененныхъ въ моемъ сердцѣ! Самыя знатныя фамиліи поручаютъ ей своихъ дѣтей.

— Какъ я долженъ понимать васъ, любезная миссъ Токсъ? — благосклонно спросилъ м-ръ Домби, — эта почтенная дама содержитъ учебное заведеніе?

— Я право не знаю хорошенько, можно ли м-съ Пипчинъ назвать содержательницей учебного заведенія. Вотъ видите ли, это не то, чтобы какое-нибудь приготовительное училище, вовсе нѣтъ, а заведеніе ея въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, есть воспитательно-образовательный пріютъ для благородныхъ дѣтей...

— Куда принимаются только дѣти изъ самаго высшаго круга, — добавила м-съ Чиккъ, выразительно взглянувъ на брата.

— О, конечно! — подтвердила миссъ Токсъ — да и то не иначе, какъ по протекціи.

Всѣ эти подробности о почтенной содержательницѣ "Воспитательно-образовательнаго пріюта для благородныхъ дѣтей" имѣли большой вѣсъ въ глазахъ м-ра Домби. Богатый супругъ м-съ Пипчинъ погибъ отъ благороднаго риска на перувіанскихъ рудникахъ — хорошо, очень хорошо! Домашній медикъ совѣтуетъ его сыну переѣхать въ воздухъ и отлучиться на нѣсколько времени изъ ролепскаго дома — какъ это кстати! Онъ попадетъ теперь въ кругъ знатнѣйшихъ вельможъ во всей Англіи! Нечего и толковать, что тутъ нѣтъ никакой остановки на пути къ достиженію великой цѣли. На рекомендацію сестры и ея пріятельницы здѣсь легко можно было положиться: обѣ онѣ безъ ума отъ маленькаго Павла, и ужъ если рѣшаются на нѣкоторое время разлучиться со своимъ ненагляднымъ питомцемъ, то, конечно, совершенно увѣрены въ благотѣльныхъ послѣдствіяхъ этой разлуки, иначе никому и ни за что на свѣтѣ онѣ не поручили бы драгоцѣннаго малютку. Погибъ отъ благороднаго риска на перувіанскихъ рудникахъ... вотъ смерть, достойная истиннаго джентльмена!

— Кто же долженъ будетъ ѣхать съ маленькимъ Павломъ, если завтра, послѣ предварительныхъ справокъ, мы рѣшимся отправить его въ Брайтонъ къ этой почтенной дамѣ? — спросилъ м-ръ Домби послѣ нѣ котораго размышленія.

— Мнѣ кажется, братецъ, — отвѣчала миссъ Чиккъ, — его теперь никуда нельзя отправить безъ Флоренсы. Онъ слишкомъ привязался къ сестрѣ и не отстанетъ отъ нея; у ребенка всегда свои капризы, мой милый.

М-ръ Домби повернулъ голову, медленно пошелъ къ шкафу и взялъ наудачу какую-то книгу.

— А еще кто... кромѣ Флоренсы, Луиза? — сказалъ онъ, не смотря на сестру и небрежно переворачивая листы.

— Еще Виккемъ, разумѣется. То есть, я хочу сказать, что кромѣ Виккемъ никому и не нужно съ нимъ ѣхать, — отвѣчала сестра. — Павелъ будетъ теперь въ такихъ рукахъ, что всякій другой надзоръ только помѣшалъ бы м-съ Пипчинъ. Впрочемъ, разумѣется, братецъ, тебѣ не худо будетъ самому, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, ѣздить въ Брайтонъ.

– Да, разумеется, – сухо сказать м-ръ Домби, – и целый час после этого смотрел в книгу на одну страницу, не говоря больше ни слова.

Препрославленная м-съ Пипчинь была, собственно говоря, очень невзрачная и даже весьма безобразная старушонка, с перегнутой спиной, с лицом испещренным, как дурной мрамор, с неподвижным срым глазом, который как будто несколько времени колотили по наковальню молотком, – так однако-жь, что через это не сделали ему никакого вреда. Уже сорок лет протекло с той поры, как благородный м-ръ Пипчинь сломал голову на перувианских рудниках, но его неутешная вдова все еще носила черный бомбазинь такого темного, мрачного, мертвенного цвета, что от ее присутствия везде становилось темнее, даже в комнатах, ярко освещенных десятками стеариновых свеч. На поприще воспитания детей она действительно приобрела громкую славу, и весь секрет ее чудного искусства состоял в том, что она всегда давала детям то, чего они терпеть не могли, и никогда не давала того, что они любили: это, изволите видеть, заранее приучало детей управлять своими буйными наклонностями. Вообще, м-съ Пипчинь была самая сварливая, вздорная женщина, и если такой же характер имела она лет за сорок, то я первый готов изъяснить сомнение, что муж ее действительно сломил голову от перувианских рудников.

"Замок" этой мучительницы детей находился в Брайтон, недалеко от морского берега, на мловатой, кремнистой и бесплодной почве, где в палисадниках перед хрупкими, сухопарыми домами ничего не могло расти, кроме крапивы и ноготков. Воздух в летнее время никогда не проникал в укрепленное жилище м-съ Пипчинь, а зимой не откуда ему было выбраться на волю. Страшная духота увеличивалась еще больше от глиняных стоявших на окнах горшков с черноземом, который по всему заведению распространял свои земляные испарения. М-съ Пипчинь, как видно, была любительницей ботаники и держала целую коллекцию различных пород растительного царства. В выборе растений наблюдалась некоторая симметрия, строго приспособленная к общей гармонии окружающих предметов. В одном месте стояло полдюжины кактусов, которые висели как змеи вокруг своих прутьев; в другом – те же кактусы растопыривали свои широкие клешни, как зеленые морские раки, и тут же некоторые прозябающие растения увеселяли любопытный взор своими липкими и вязкими листьями. Все эти больше или меньше редкие с_п_е_ц_и_м_е_н_т_ы красовались в горшках на окнах, плотно затворенных во всякое время года; но в довершение спектакля, вероятно, для большего эффекта, один огромный горшок с цветами был привешен к потолку, откуда в разные стороны таранились длинные зеленые листья, как пауки, которые тоже, вместе с клещами, водились в безчисленном множестве в этом благословенном приюте благородных питомцев.

Так как м-съ Пипчинь запрашивала всегда огромную цену за своих пансионеров, и притом умела держать себя величественным образом пред всеми, кто имел в ней нужду, то ее считали решительной дамой, в совершенстве знакомой с характерами детей, которые, как говорили, она изучала она с удивительным самоотвержением. При такой репутации с течением времени она составила себе почти независимое состояние, и тем легче могла поддерживать свое достоинство. Спустя три дня после того, как впервые заговорили о ней в доме м-ра Домби, она имела удовольствие заключить весьма выгодную к_о_н_д_и_ц_и_ю с знаменитым капиталистом, приняв в свой замок Флоренсу и ее маленького брата.

М-съ Чикк и м-съ Токс, совершив благополучно путешествие в Брайтон, при соблюдении необходимых церемоний сдали с рук на руки своего благородного питомца и на другой же день воротились в Лондон. М-съ Пипчинь, прислонившись к камину, делала ревизию новым пансионерам, осматривая их с ног до головы с опытностью старого солдата. Между тем племянница м-съ Пипчинь и вместе безусловно ей подчиненная раба, женщина средних лет, тощая, утлюгообразная, с гадкими угрями на носу, снимала чистый воротни-

чекъ съ шеи воспитанника Байтерстона. Другая и послѣдняя пансіонерка, м-съ Панки, была на этотъ разъ заключена въ "тюремный замокъ" за то, что имѣла неосторожность фыркнуть три раза въ присутствіи гостей. Тюремнымъ замкомъ назывался пустой чуланъ, имѣвшій назначеніе карцера.

— Вотъ мы и познакомились, мой милый, — сказала м-съ Пипчинъ, обращаясь къ Павлу. — Нравлюсь ли я тебѣ?

— Я думаю, вы никогда мнѣ не понравитесь, — отвѣчалъ Павелъ. — Мнѣ надо уѣхать отсюда, это не мой домъ.

— Кенечно нѣтъ; тутъ я живу, — возразила м-съ Пипчинъ.

— Прегадкій домъ! — отвѣчалъ Павелъ.

— А есть мѣстечко еще похуже, — сказала м-съ Пипчинъ, — куда запирають злыхъ дѣтей.

— Былъ онъ когда-нибудь въ томъ мѣстечкѣ? — спросилъ Павелъ, указывая на Байтерстона.

М-съ Пипчинъ въ знакъ согласія кивнула головой. Павлу между тѣмъ въ этотъ день много было дѣла: онъ принялся со всѣмъ усердіемъ осматривать своего новаго товарища, Байтерстона и, вглядываясь въ его фізіономію, дѣлалъ таинственныя и даже страшныя наблюденія.

Въ часъ пополудни подали обѣдъ, приготовленный большею частью изъ разныхъ произведеній растительнаго царства.

Къ этому времени явилась и миссъ Панки, кроткая маленькая дѣвочка съ голубыми глазами, которую каждое утро полоскали и терли въ теплой ваннѣ до того, что кости ея скоро, по-видимому, должны были совсѣмъ утратить свойственную имъ упругость. М-съ Пипчинъ, освободивъ ее изъ заключенія, не преминула сдѣлать соотвѣтственное случаю назиданіе, доказывая весьма убѣдительно, что всякій, кто фыркаетъ при гостяхъ, навлекаетъ на свою душу смертельный грѣхъ, иже не отпустится ни здѣсь, ни въ будущей жизни. Укоренивъ сію глубокую истину въ сердцѣ преступной воспитанницы, она предложила для ея насыщенія жиденькій супъ изъ сарачинскаго пшена, блюда, какъ извѣстно, очень здороваго, особенно для дѣтскаго желудка. Племянница м-съ Пипчинъ, Беринтія, получила на свою долю порцію холоднаго поросенка; а сама м-съ Пипчинъ кушала особо для нея приготовленное блюдо, бараньи котлеты, распространявшія очень питательный запахъ; ей, по слабости здоровья, предписано было употреблять всегда горячія кушанья, и преимущественно бараньи котлеты. Послѣ стола всѣ дѣти, по заведенному порядку, должны были читать благодарственную молитву со включеніемъ въ нее особеннаго пункта, которымъ изъяснялось благодареніе самой хозяйкѣ за хорошій обѣдъ. М-съ Пипчинъ тоже воздала благодареніе Господу и поспѣшила лечь въ постель: отдыхъ послѣ горячихъ котлетъ необходимъ былъ для ея здоровья. Дѣти между тѣмъ вмѣстѣ съ Беринтіей или Берри удалились въ тюремный замокъ, такъ какъ дождь не позволялъ на этотъ разъ гулять по морскому берегу. Комната, получившая такое страшное названіе, выходила своимъ единственнымъ окномъ на мѣловую стѣну, подлѣ которой стояла бочка съ водой, и должно сказать, этотъ карцеръ, по крайней мѣрѣ теперь, былъ единственнымъ веселымъ мѣстомъ во всемъ домѣ. Дѣти начали рѣзвиться, и Берри приняла дѣятельное участіе въ ихъ играхъ, которыя впрочемъ, ко всеобщему огорченію, скоро были прекращены сердитымъ стукомъ въ стѣну обезпеченной хозяйки. Тогда Берри шопотомъ стала рассказывать разныя любопытныя исторійки, и эта бесѣда продолжалась вплоть до сумерекъ.

За чаемъ пансіонеры вдоволь могли насыщаться и молокомъ, и водою, и хлѣбомъ, и масломъ. М-съ Пипчинъ наливала себѣ изъ особаго чернаго чайничка и кушала съ большимъ апетитомъ поджаренный въ маслѣ хлѣбецъ, только-что вынутый изъ печи. Однако-жъ ни горячія котлеты, ни горячій чай съ горячимъ поджареннымъ хлѣбомъ, по-видимому, нисколько не разогрѣли холодную внутренность м-съ Пипчинъ; она была все также брюзглива, и неподвижный сѣрый глазъ ея не выражалъ ни мысли, ни чувства.

Послѣ чаю Берри вынесла маленькій рабочий столикъ, съ рисункомъ на крышкѣ королевскаго павильона, и усердно принялась работать, между тѣмъ какъ м-съ Пипчинъ, надѣвъ очки, раскрыла большую книгу въ зеленомъ фризovémъ переплетѣ и съ неменьшимъ усердіемъ начала кивать головой. И всякій разъ, какъ, близко наклонясь къ камину, м-съ Пипчинъ просыпалась, она давала щелчки по носу Байтерстона, потому что и его тоже слишкомъ разбирала дремота.

Наконецъ, въ урочный часъ дѣти прочли молитву на сонъ грядущій и отошли въ свои постели. Миссъ Панки боялась спать одна въ темнотѣ, и потому м-съ Пипчинъ каждый вечеръ своеручно погоняла ее на верхъ, какъ овечку; но и послѣ того малютка долго еще хныкала и стонала въ своемъ уединенномъ чуланчикѣ, такъ что м-съ Пипчинъ по временамъ заходила журить ее и успокаивать. Въ половинѣ десятаго м-съ Пипчинъ вынула изъ печи горячій сладенькій пирожокъ – ей никакъ нельзя было уснуть безъ сладенькаго пирога – и въ комнатѣ распространилось очень пріятное благоуханіе, измѣнившееся на нѣсколько минутъ обыкновенный запахъ. Черезъ полчаса весь замокъ погрузился въ глубокій сонъ.

Завтракъ на другой день былъ почти такой же, какъ вечеромъ во время чая, съ той разницей, что м-съ Пипчинъ кушала булку вмѣсто поджареннаго хлѣбца, и казалась еще сердитѣе обыкновеннаго. М-ръ Байтерстонъ читалъ вслухъ родословную изъ книги Бытія, спотыкаясь на собственныхъ именахъ, какъ хромая лошадь на мельницѣ. Послѣ этого назидательнаго чтенія маленькую Панки погнали въ ванну, а м-ръ Байтерстонъ долженъ былъ выдержать какую-то особую пытку въ морской водѣ, откуда онъ вышелъ посинѣлый и крайне разслабленный. Павелъ и Флоренса ходили гулять по морскому берегу въ сопровожденіи Виккемъ, которая все это время заливалась горячими слезами и болѣе, чѣмъ когда-либо жаловалась на горемычную судьбу. Въ десять часовъ открылось утреннее чтеніе. Относительно воспитанія м-съ Пипчинъ была тѣхъ мыслей, что дѣтскій умъ покрытъ толстой корой невѣжества, и должно вдругъ разрывать эту кору, какъ устричную раковину; поэтому уроки ея вообще производили на дѣтей какое-то бурное и оглушительное дѣйствіе. Предметомъ чтеній обыкновенно былъ злой мальчикъ или злая дѣвочка, которыхъ опытный педагогъ, подъ конецъ исторіи, умиралъ какъ дикихъ львовъ или медвѣдей. М-съ Пипчинъ не подозрѣвала и не могла подозрѣвать, что дитя, какъ распускающійся цвѣтокъ, требуетъ постепеннаго развитія, сопровождаемаго нѣжными поощреніями.

Такова была ежедневная жизнь въ замкѣ м-съ Пипчинъ. Въ субботу вечеромъ пріѣзжали м-ръ Домби, и Флоренса съ Павломъ должны были отправляться къ нему въ гостиницу пить чай. Они оставались у отца все воскресенье и обыкновенно выѣзжали передъ обѣдомъ гулять. Въ продолженіе этихъ прогулокъ м-ръ Домби, казалось, выросталъ каждую минуту, подобно знаменитымъ непріятелямъ Фальстафа, и вмѣсто одного джентльмена въ клеенчатомъ картузѣ, представлялъ своей особой цѣлую дюжину. Воскресный вечеръ былъ самый скучный вечеръ во всей недѣлѣ. Злость м-съ Пипчинъ въ это время доходила до остервенѣнія. Миссъ Панки возвращалась изъ Роттендина отъ своей тетки въ глубокой печали, а мистеръ Байтерстонъ, котораго всѣ родные были въ Индіи, долженъ былъ во время молитвъ м-съ Пипчинъ неподвижно сидѣть на одномъ мѣстѣ со сложенными накрестъ руками, не смѣя пошевелинуться ни рукой, ни ногой. Эта церемонія до того надоѣла бѣдному малюткѣ, что однажды въ субботу вечеромъ онъ обратился къ Флоренсѣ съ покорнѣйшей просьбой, не можетъ ли она указать ему дорогу въ Бенгалію.

Вообще однако-жъ всѣ были увѣрены, что м-съ Пипчинъ мастерски обходилась съ дѣтьми, и въ этомъ мнѣніи, собственно говоря, преувеличенія не было. Ребенокъ могъ быть рѣзвъ и живъ, какъ дикая серна; но проживъ два-три мѣсяца подъ этой гостепріимной кровлей, онъ становился тише воды, ниже травы. Говорили также, что этотъ образъ жизни дѣлаетъ большую честь любящему сердцу м-съ Пипчинъ: она посвятила себя съ полнымъ самоотверженіемъ образованію дѣтей, и, конечно, эти занятія были самымъ лучшимъ средствомъ про-

тивъ глубокой тоски, обуявшей ея душу послѣ того, какъ м-ръ Пипчинъ сокрушилъ свое сердце о перувіанскіе рудники.

Павель сидѣлъ въ маленькихъ креслахъ подлѣ камина, и по обыкновенію смотрѣлъ во всѣ глаза на эту почтенную даму. По-видимому, онъ вовсе не зналъ, что такое скука, если съ такимъ отчаяннымъ вниманіемъ могъ разсматривать м-съ Пипчинъ. Онъ не любилъ и не боялся ея; но ему казалась чрезвычайно замѣчательною ея фізіономія. И вотъ онъ сидѣлъ, смотрѣлъ на нее, грѣлъ руки, и опять смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ до той поры, пока м-съ Пипчинъ, при всей своей храбрости, не приходила въ крайнее замѣшательство отъ этого взгляда. Однажды, когда они остались одни, м-съ Пипчинъ спросила, о чемъ онъ думаетъ.

— О васъ, — отвѣчалъ Павелъ безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Что-жъ ты обо мнѣ думаешь, мой милый? — спросила м-съ Пипчинъ.

— Я думаю, что вы, должно быть, ужъ очень стары, — сказалъ Павелъ, — сколько вамъ лѣтъ?

— Объ этомъ ты не долженъ спрашивать, — сердито отвѣчала почтенная дама, озадаченная совершенно неожиданнымъ вопросомъ, — впередъ не смѣй говорить такихъ вещей.

— Это почему? — спросилъ Павелъ.

— Потому, что это неучтиво, — сказала брюзгливо м-съ Пипчинъ.

— Неучтиво? — повторилъ Павелъ.

— Да, неучтиво.

— А вотъ Виккемъ говоритъ, что неучтиво ѣсть горячіе котлеты и поджаренный хлѣбъ, между тѣмъ какъ другіе ѣдятъ черствыя булки, — отвѣчалъ Павелъ съ наивнымъ видомъ.

— Твоя Виккемъ, — возразила м-съ Пипчинъ, побагровѣвъ отъ ярости, — злая, безстыдная, наглая бестія. Ахъ она негодница!

— Что это такое? — спросилъ Павелъ.

— Много будешь знать, скоро состаришься, мой милый, — отвѣчала м-съ Пипчинъ. — Вспомни исторію о несчастномъ мальчикѣ, котораго до смерти забодаль бѣшеный быкъ за то, что тотъ безпрестанно дѣлалъ вопросы.

— Какъ же б_ѣ_ш_е_н_ы_й быкъ, — сказалъ Павелъ, — могъ узнать, что мальчикъ дѣлаетъ вопросы? Никто не подойдетъ къ быку, если онъ взбѣсился, и не станеть ему ябедничать.

— Такъ ты не вѣришь этой исторіи? — спросила м-съ Пипчинъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Не вѣрю, — сказалъ Павелъ рѣшительнымъ тономъ.

— Ну, а если быкъ этотъ былъ не бѣшеный? — возразила м-съ Пипчинъ, — неужели ты и тогда не повѣришь бы?

Такъ какъ Павелъ еще не разсматривалъ вопроса съ этой стороны, и основалъ свои заключенія только на предположенномъ бѣшенствѣ быка, то на этотъ разъ онъ счелъ себя побѣжденнымъ и замолчалъ. Но въ ту же минуту онъ началъ сравнивать, вникать, соображать и устремилъ такой пытливый взоръ на свою собесѣдницу, что м-съ Пипчинъ заблагоразсудила удалиться и выждать, пока онъ забудетъ объ этой матеріи.

Съ этого времени какаятъ странная притягательная сила увлекала м-съ Пипчинъ къ маленькому Павлу, точно такъ же, какъ Павелъ чувствовалъ неотразимое притяженіе къ ней самой. Она начала сажать его рядомъ подлѣ себя у камина, и онъ располагался въ углу между м-съ Пипчинъ и каминной рѣшеткой, такъ что маленькое лицо его совершенно поглощалось чернымъ фланелевымъ платьемъ. Въ этой позиціи онъ, казалось, еще пристальнѣе началъ изучать каждую черту, каждую морщинку на лицѣ своей сосѣдки и съ такой проницательностью всматривался въ одинокій сѣрый глазъ ея, что м-съ Пипчинъ иногда принуждена была закрывать его совѣмъ и притворяться спящею. У м-съ Пипчинъ былъ еще старый черный котъ, который тоже располагался всегда у камина, мурлыкалъ самымъ эгоистическимъ образомъ и свирѣпо моргалъ глазами на огонь до тѣхъ поръ, пока рѣсницы его не принимали форму восклицательныхъ знаковъ. Когда вся эта компанія вечеромъ усаживалась у камина, м-съ Пипчинъ — не въ

обиду будь ей сказано – чрезвычайно была похожа на старую вѣдму, а Павелъ и черный котъ представлялись служащими ей духами, и послѣ этого никто бы не удивился, еслибы всѣ они въ бурную ночь вдругъ выскочили черезъ трубу для своихъ воздушныхъ походовъ.

Этого однако жъ никогда не случилось. И котъ, и Павелъ, и м-съ Пипчинъ находились каждая сутки на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ, въ обыкновенныхъ позахъ, всѣ здоровы и невредимы. Избѣгая общества маленькаго Байтерстона, Павелъ продолжалъ изучать и м-съ Пипчинъ, и кота, и огонь, какъ будто эти предметы были для него волшебными книгами въ трехъ томахъ, откуда онъ почерпалъ подробныя свѣдѣнія относительно некромантіи.

М-съ Пипчинъ составила свой особый взглядъ на странности Павла, взглядъ весьма неутѣшительный, соотвѣтствовавшій ея болѣзненной хандрѣ, усиленной постояннымъ созерцаніемъ сосѣднихъ трубъ изъ своей комнаты, шумомъ вѣтра и вообще пошлостью, или, какъ сама она выражалась, скарденностью ея повседневной жизни. Соображая всѣ предшествовавшія обстоятельства, она вывела самыя печальныя заключенія на счетъ м-съ Виккемъ, и приняла на первый случай строгія полицейскія мѣры, чтобы ея "собственная бестія" – такъ вообще величала она прислугу женскаго пола – ни подъ какимъ видомъ не сообщалась съ этой негодяйкой. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, она не пожалѣла времени для тайныхъ наблюденій изъ-за дверей: скрываясь въ этой засадѣ, она выжидала минуту, когда "бестія" подойдетъ къ комнатѣ Виккемъ, и потомъ вдругъ выбѣгала на открытую сцену съ огромнымъ запасомъ энергическихъ ругательствъ и укоровъ. Но, къ несчастью, эту мѣру никакъ нельзя было распространить на племянницу Беринтію, которая, по своимъ разнообразнымъ и многосложнымъ должностямъ, съ утра до ночи обязана была ходить по всѣмъ угламъ и закоулкамъ обширнаго «замка». Берри могла говорить и съ м-съ Виккемъ.

– Какъ онъ хорошъ, когда спитъ! – сказала однажды Берри, поставивъ ужинъ для м-съ Виккемъ и останавливаясь передъ постелью маленькаго Павла.

– Бѣдненькій! – со вздохомъ произнесла м-съ Виккемъ, – хоть бы во снѣ-то Богъ послалъ ему красоту!

– Да онъ хорошъ, когда и не спитъ, – замѣтила Берри.

– Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ, что называется, какъ двѣ капли воды, Бетси Джанна моего дяди, – сказала м-съ Виккемъ.

Берри съ недоумѣніемъ взглянула на собесѣдницу, никакъ не понимая, что за связь между Павломъ Домби и Бетси Джанной, какой-то родственницей м-съ Виккемъ.

– Вотъ видите ли, – продолжала м-съ Виккемъ, – жена моего дяди умерла точь-въ-точь, какъ его маменька. Дочь моего дяди точь-въ-точь, какъ м-ръ Павелъ, начала тосковать, сохнуть, чахнуть, такъ что я вамъ скажу...

– Что такое? – спросила Берри.

– Да то, что я никогда въ свѣтѣ не согласилась бы переночевать одна съ Бетси Джанной, – сказала въ страшномъ волненіи Виккемъ, – ни за что, хоть осыпъ меня золотомъ съ ногъ до головы!

Миссъ Берри натурально спросила, – почему же нѣтъ? Но м-съ Виккемъ, вѣрная принятой методѣ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти продолжала таинственную рѣчь:

– Бетси Джанна, скажу я вамъ, была самымъ тихимъ, кроткимъ ребенкомъ. Ужъ смирнѣе Бетси ребенку быть нельзя. Джанна вытерпѣла всѣ дѣтскія болѣзни, всѣ до одной. Судороги были для нея нипочемъ, то же, напримѣръ, что для васъ угри.

Миссъ Берри невольно вздернула носъ.

– И вотъ, – продолжала Виккемъ, понизивъ голосъ и съ нѣкоторой боязнью озираясь вокругъ комнаты, – покойница мать Бетси Джанны задумала съ того свѣта навѣщать свою дочку... да и какъ навѣщать! Колыбелька-то, знаете, виситъ, а она, покойница, такъ и юлитъ, такъ и юлитъ! Ужъ какъ это она дѣлала, и когда она это дѣлала, и узнавалъ ли ребенокъ свою мать, сказать вамъ не могу, а то навѣрно знаю, что Бетси Джанна частенько видѣла свою мать.

Вы можете, пожалуй, сказать, что все это вздоръ, что я все это выдумываю; говорите, сколько угодно говорите, я не обижусь. Я даже совѣтую вамъ считать все это вздоромъ: вы будете спокойнѣе въ этомъ прокл... извините меня... въ этомъ проклятомъ кладбищѣ, гдѣ мы живемъ съ съ вами, миссъ Берри. Павлу, кажется, что-то пригрезилось. Потрите ему спину, миссъ Берри.

– Стало быть, вы думаете, – сказала миссъ Берри, слегка погладивъ по спинѣ маленькаго Павла, – что и къ нему также приходила его матушка?

– Бетси Джанна, – возразила м-съ Виккемъ торжественнымъ тономъ, – высохла, что называется, какъ лучинка, и стала вовсе не похожа на ребенка, такъ же, какъ и онъ. Бывало, я смотрю на нее, а она сидитъ, сидитъ, да и думаетъ, ни дать, ни взять, какъ м-ръ Павелъ. Бывало, я заговорю съ ней, а она взглянетъ на меня такой старухой, старухой, старухой!.. а онъ развѣ не старикъ?

– Жива ли дочка вашего дяди? – спросила Берри.

– Да, она жива, Богъ съ ней, и вышла замужъ за серебряника, – возразила Виккемъ торжественнымъ тономъ, зная очень хорошо, что собесѣдница ея вовсе не ожидала такого отвѣта. – Да, говорю я, о_н_а-т_о жива, – повторила м-съ Виккемъ, дѣлая особое удареніе на мѣстоименіи.

Было ясно, что другой кто-то умеръ, и племянница м-съ Пипчинъ натурально спросила: кто же?

– Мнѣ бы не хотѣлось васъ беспокоить, – съ важностью отвѣчала м-съ Виккемъ, поднося ложку ко рту. – Не спрашивайте меня.

Это было вѣрнѣйшимъ средствомъ заставить себя спрашивать. Миссъ Берри нѣсколько разъ повторила вопросъ; м-съ Виккемъ послѣ нѣкотораго сопротивленія и отговорокъ положила ложку, осмотрѣлась вокругъ себя, взглянула на маленькаго Павла, и съ особой таинственностью начала рѣчь:

– Бетси Джанна любила очень многихъ, то есть любила она совсѣмъ не такъ, какъ другія дѣти, а привязанность ея была какая-то странная, даже, можно сказать, страшная... и что-жъ бы вы думали, сударыня моя? всѣ перемерли, кого она любила, всѣ до единого!

Это неожиданное заключеніе такъ поразило племянницу м-съ Пипчинъ, что она съ неподдѣльнымъ ужасомъ обратила изумленные взоры на рассказчицу и не смѣла перевести духъ.

М-съ Виккемъ, качая головой, указала тайкомъ на кроватку, гдѣ лежала Флоренса, и вслѣдъ затѣмъ выразительно повела глазами на полъ къ тому мѣсту, подъ которымъ находилась маленькая комната, гдѣ обыкновенно м-съ Пипчинъ кушала свои горячіе пироги.

– Помяните мое слово, когда придетъ время, – продолжала Виккемъ, – и благодарите Бога, что м-ръ Павелъ васъ не слишкомъ любитъ. Меня, слава Богу, онъ терпѣть не можетъ, и я спокойна на этотъ счетъ, хотя, признаться сказать, жизнь въ этой тюрьмѣ не большая находка. Вы извините меня, миссъ Беринтія.

Племянница м-съ Пипчинъ до того была взволнована, что уже не смѣла подойти къ дѣтской кроваткѣ и обдумывала, какъ бы навсегда избавиться отъ необходимости гладить по спинѣ страшнаго ребенка. Въ эту минуту Павелъ проснулся, сѣлъ на кровать и позвалъ къ себѣ Флоренсу. Волосы его были растрепаны, и лицо пылало: ясно, онъ видѣлъ какой-то страшный сонъ.

Флоренса, по первому призыву, соскочила съ своей постели, нагнулась надъ подушкой встревоженнаго братца и скоро убаюкала его своей пѣсней. М-съ Виккемъ, качая головой, пророчесственно указала на маленькую группу, прослезилась и повела глаза къ потолку.

– Спокойной ночи, – сказала тихонько Виккемъ, – спокойной ночи! Ваша тетушка, Богъ съ ней, довольно пожила на бѣломъ свѣтѣ, и тужить много вы не станете.

Этотъ утѣшительный привѣтъ м-съ Виккемъ сопровождала взглядомъ, исполненнымъ самой отчаянной тоски. Оставшись одна съ двумя дѣтьми, она замѣтила на первый случай, что вѣтеръ воетъ очень печально, какъ будто оплакиваетъ чью-нибудь смерть, и при этой

в_ѣ_р_н_о_й_о_к_а_з_і_и сама заплакала чуть не навзрыдь. Въ такомъ меланхолическомъ расположеніи духа пребыла она до глубокой полночи, пока сонъ насильно не сомкнулъ ея глаза.

Неизвѣстно, въ какой степени пророчественное предсказаніе неминуемой смерти м-съ Пипчинъ поразило чувствительную душу ея племянницы, но во всякомъ случаѣ миссъ Беринтія была очень рада, когда тетка при входѣ въ комнату накинута на нее съ необыкновенной яростью и живѣйшими упреками, которые совершенно отстраняли мысль о близкой ея кончинѣ. На слѣдующей недѣлѣ тоже, слава Богу, она была въ добромъ здоровьи, хотя со стола ея постепенно исчезали всѣ горячія мясныя кушанья.

Павель между тѣмъ, какъ и прежде, съ непоколебимымъ постоянствомъ продолжалъ наблюдать м-съ Пипчинъ, и занималъ свое обыкновенное мѣсто между чернымъ бомбазиномъ и каминной рѣшеткой. Здоровье его немножко поправилось, хотя вообще онъ былъ такъ же слабъ, какъ при первомъ прибытіи въ этотъ домъ, и прогулка по морскому берегу его крайне утомляла. Чтобы ему не ходить пѣшкомъ, для него промыслили маленькую колясочку, въ которой онъ могъ лежать очень привольно съ азбукой въ рукахъ и другими элементарными книгами. Вѣрный своимъ эксцентрическимъ выходкамъ, ребенокъ прогналъ отъ себя прочь краснощекаго дюжаго мальчишку, который вызвался возить его коляску, и взамѣнъ выбралъ для этой должности его дѣдушку, стараго, дряхлаго брюзгу въ истасканномъ клеенчатомъ камзолѣ, отъ котораго несло запахомъ соли и морской травы.

Съ этимъ замѣчательнымъ возницей, въ сопровожденіи Флоренсы подлѣ коляски и плаксивой Виккемъ, которая должна была идти позади не иначе какъ на значительномъ разстояніи, Павель каждый день выѣзжалъ на берегъ океана, и сидѣлъ или лежалъ тамъ по цѣлымъ часамъ. Въ это время никто такъ не досаждалъ ему, какъ маленькія дѣти, кромѣ, разумѣется, Флоренсы.

— Отойди отъ меня, пожалуйста, — говорилъ онъ обыкновенно, если къ нему подходилъ какой-нибудь мальчикъ. — Благодарю тебя, да только ступай отсюда прочь.

Случалось, дѣтскій голосокъ съ участіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Очень хорошо, благодарю тебя, — отвѣчалъ Павель, — да только сдѣлай милость, уберайся отсюда. Ты лучше сдѣлаешь, если пойдешь играть.

И когда мальчикъ убѣгалъ, онъ оборачивалъ голову къ Флоренсѣ и говорилъ:

— Намъ не нужно другихъ, не правда ли? Поцѣлуй меня, Флой.

Въ эту пору ему также болѣе чѣмъ когда-либо не нравилось общество Виккемъ, и онъ былъ очень радъ, когда она уходила собирать раковины или потолковать съ кумушками. Онъ любилъ оставаться совершенно одинъ, вдали отъ всякихъ гулякъ, и когда подлѣ него сидѣла за дѣломъ Флоренса, читала ему или рассказывала что-нибудь, а вѣтеръ между тѣмъ дулъ ему въ лицо, и вода подступала къ колесамъ его постели, ему ничего болѣе не нужно было.

— Флой, — сказалъ онъ однажды, — гдѣ эта сторона... Индія что ли, гдѣ живутъ родственники Байтерстона?

— Охъ, далеко отсюда, ужасно далеко! — отвѣчала Флоренса, отрывая глаза отъ работы.

— На цѣлыя недѣли? — спросилъ Павель.

— Да, мой милый, на цѣлыя недѣли путешествія днемъ и ночью.

— Если бы ты, Флой, была въ Индіи, — сказалъ Павель, номолчавъ съ минуту, — я бы... что бишь такое маменька сдѣлала?... все забываю.

— Полюбилъ бы меня, — отвѣчала Флоренса.

— Не то, не то. Развѣ я не люблю тебя, Флой? Ахъ что, бишь такое? да, да — если бы ты была въ Индіи, Флой, я бы умеръ безъ тебя.

Флоренса поспѣшно бросила работу, опустила голову на подушку и стала ласкать его.

— И я бы умерла, — сказала она, — если бы тебя разлучили есо мной. Но зачѣмъ объ этомъ думать? Кажется, теперь тебѣ лучше?

— О, мнѣ теперь хорошо, очень хорошо! — отвѣчалъ Павель. — Но я не объ этомъ думаю. У меня все не выходитъ изъ головы, что я умеръ бы отъ тоски, если бы тебя со мной не было.

Въ другой разъ на томъ же мѣстѣ онъ заснулъ и спалъ спокойно долгое время; но вдругъ онъ пробудился, сѣлъ на подушку и началъ вслушиваться съ величайшимъ вниманіемъ.

Флоренса спросила, что ему почудилось?

— Я хочу знать, — отвѣчалъ онъ, ирისტально всматриваясь въ ея лицо, — что оно говоритъ? Скажи мнѣ, Флоренса, что говоритъ море?

Она отвѣчала, что это только шумятъ волны, и больше ничего.

— Охъ да, да, — сказалъ онъ, — волны шумятъ; но я знаю, что онѣ всегда говорятъ что-нибудь. Всегда говорятъ одно и то же морскія волны. А что такое тамъ надъ волнами?

Онъ всталъ и поднялъ глаза на горизонтъ.

Флоренса отвѣчала, что тамъ былъ противоположный берегъ; но онъ сказалъ, что не объ этомъ думаетъ. Онъ думалъ о томъ, что было дальше, дальше, дальше!

Такіе вопросы возобновлялись весьма часто. Случалось, среди живого разговора онъ вдругъ прерывалъ рѣчь и вслушивался внимательно въ таинственный говоръ морской волны; потомъ поднимался на ноги, и долго смотрѣлъ въ необозримую даль безпредѣльнаго горизонта.

Глава IX

Бѣда съ деревяннымъ мичманомъ

Молодой Вальтеръ Гэй, надѣленный отъ природы порядочнымъ запасомъ романическихъ наклонностей, которыя, къ великому благополучію, не встрѣтили ни малѣйшаго препятствія въ своемъ развитіи подъ мирной кровлей старика Соломона, ни на минуту не выпускалъ изъ головы удивительнаго приключенія Флоренсы съ доброй бабушкой, и, подстрекаемый страстью къ чудесному, безпрестанно думалъ о немъ до той поры, пока, наконецъ, съ теченіемъ времени, оно сдѣлалось любимымъ, избалованнымъ чадомъ его живого и пылкаго воображенія. Особенно мечталъ онъ, и сладко мечталъ, о той незабвенной минутѣ, когда судьба такъ неожиданно сдѣлала его самого чуть не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ достопамятномъ событіи.

Дядя Соль и капитанъ Куттль своими тонкими намеками еще больше разгорячали кипучую фантазію молодаго человѣка. Эти достойные друзья каждое воскресенье считали непремѣнной обязанностью ненарокомъ потолковать о Ричардѣ Виттингтонѣ, объ этомъ знаменитомъ героѣ въ англійской исторіи, который, какъ извѣстно, поѣхалъ въ Индію безъ копейки въ карманѣ съ одной только кошкой, а воротился оттуда милліонеромъ, и о чудо изъ чудесъ! – три раза былъ лордомъ-меромъ, начальникомъ и главнымъ членомъ городской думы! Къ довершенію очарованія, капитанъ Куттль промыслилъ на толкучемъ рынкѣ древнѣйшее народное стихотвореніе очень замѣчательнаго содержанія, въ которомъ – это весьма важно – называется не сказка, а достовѣрная быль о томъ, какъ одинъ молодой человѣкъ, угольщикъ ремесломъ, не болѣе, влюбился въ нѣкую красавицу, именемъ Пегги, а красавица почувствовала сердечное влеченіе къ угольщику, и какъ, наконецъ, молодые люди увѣнчали свою любовь законнымъ бракомъ, несмотря на многочисленныя препятствія со стороны отца красавицы, знаменитаго капитана ньюкэстльскаго корабля. Эта зажигательная исторія, имѣвшая, какъ видите, чрезвычайно близкое отношеніе къ Вальтеру и Флоренсѣ, приводила капитана Куттля въ самый яростный восторгъ во всѣ семейные праздники, и особенно въ день рожденія Вальтера. Въ этотъ торжественный день капитанъ Куттль уходилъ въ заднюю комнату, затягивалъ свою любимую пѣсенку, и одушевляясь постепенно, кричалъ, наконецъ, на всѣ возможные голоса, заливаясь самой громкой трелью при имени Пегги, которымъ, къ чести героини стихотворенія, оканчивался каждый куплетъ.

Между тѣмъ самъ Вальтеръ, веселый, беззаботный, простодушный Вальтеръ, никакъ не думалъ отдавать себѣ отчета въ собственныхъ чувствахъ, да и не былъ способенъ къ такому анализу. Онъ очень полюбилъ набережную, гдѣ впервые встрѣтилъ Флоренсу, и улицы, гдѣ проходилъ съ нею, хотя, собственно говоря, замѣчательнаго въ нихъ ничего не было. Гадкіе башмаки, съ которыми столько было хлопотъ, онъ берегъ у себя въ комнатѣ и, сидя по вечерамъ на своей постели, рисовалъ отъ бездѣлья фантастическіе портреты доброй бабушки. Должно также сказать, что послѣ этого достопамятнаго приключенія онъ сдѣлался повнимательнѣе къ своему костюму и въ досужее время не пропускалъ случая пройтись по улицѣ, гдѣ находился домъ м-ра Домби, въ надеждѣ встрѣтиться съ маленькой Флоренсой. Но всѣ эти чувствованія были совершенно невинны и не выходили за предѣлы дѣтской натуры. Флоренса очень миленькая дѣвочка, и разумѣется, пріятно было полюбоваться на хорошенькое личико. Флоренса беззащитна и слаба: мысль, что можно оказать ей покровительство и помощь – весьма завлекательная мысль для юноши, сознающаго свою силу. Флоренса самое благородное маленькое созданіе въ свѣтѣ, и было истиннымъ наслажденіемъ видѣть, какъ озаряется ея личико искреннимъ и глубокимъ чувствомъ признательности. Флоренса была оставлена, забыта гордымъ отцомъ, и сердце Вальтера наполнялось живѣйшимъ участіемъ къ отверженному дитяти.

Шесть или семь разъ въ годъ молодые люди встрѣчались на улицѣ и раскланивались. М-съ Виккемъ, знавшая подробности приключенія, не обращала вниманія на это знакомство, а миссъ Нипперъ, съ своей стороны, была очень рада такимъ встрѣчамъ: она читала въ глазахъ юноши необыкновенное выраженіе добродушія, и была увѣрена, что у него превосходное сердце.

Такимъ образомъ, Вальтеръ вмѣсто того, чтобы забывать, или терять изъ виду свое знакомство съ Флоренсой, время отъ времени еще болѣе сближался съ нею. Удивительное начало этого знакомства и другія маленькія подробности, придавшія ему отличительный романическій характеръ, были въ глазахъ его прекраснымъ матеріаломъ для фантастическихъ картинъ, на которыхъ, разумѣется, Флоренса всегда стояла на первомъ планѣ. "Но что изъ всего этого выйдетъ, – думалъ онъ? Ничего, рѣшительно ничего. Однако-жъ было бы не худо, если бы, тотчасъ же послѣ первой встрѣчи съ Флоренсой, я отправился куда-нибудь подальше, въ Индію, напримѣръ, и вступилъ бы въ службу на военномъ кораблѣ. Вотъ я дѣлаю чудеса храбрости, беру въ плѣнъ тысячи непріятелей, открываю неизвѣстные острова, обо мнѣ говорятъ въ парламентѣ, пишутъ въ журналахъ и газетахъ, и лѣтъ черезъ пять, много черезъ десять, Вальтеръ Гэй пріѣзжаетъ въ Лондонъ адмираломъ всѣхъ морскихъ флаговъ, или по крайней мѣрѣ капитаномъ перваго ранга, не менѣе. Флоренса будетъ тогда еще дѣвушкой – и Боже мой! какою чудною дѣвушкой будетъ Флоренса! – она увидитъ меня въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, въ блестящихъ эполетахъ, знаменитымъ и славнымъ, и – будь у м-ра Домби галстухъ еще выше, цѣпочка еще длиннѣе, я оттягаю у него дочку, женюсь и торжественно повезу ее... куда я ее повезу? ну, да на какой-нибудь изъ открытыхъ мною острововъ". Вальтеръ шель, по обыкновенію, очень скоро, когда строилъ эти воздушные замки. Но всѣ эти мечты разбивались въ дребезги о мѣдную доску конторы Домби и Сына, и когда капитанъ Куттль съ дядей Соломономъ затягивали свою вѣчную пѣсню о Ричардѣ Виттингтонѣ и капитанской дочкѣ, онъ болѣе чѣмъ когда-либо понималъ свое скромное положеніе въ купеческой конторѣ. Время тянулось день за днемъ, и Вальтеръ продолжалъ со всѣмъ усердіемъ и добросовѣстностью исполнять свою прозаическую должность, находя единственный отдыхъ въ построеніи великолѣпныхъ фантастическихъ замковъ, передъ которыми мечты Соломона и капитана Куттля были не болѣе, какъ скромными домиками. Въ пипчинскій періодъ онъ возмужалъ, но весьма немного, и, собственно говоря, все еще былъ такимъ же простодушнымъ и вѣтренымъ мальчикомъ, какимъ читатель встрѣтилъ его въ первый разъ со свѣчей въ рукахъ на темной лѣстницѣ въ погребѣ, когда дядя Соломонъ отыскивалъ завѣтную мадеру.

– Что съ тобой, дядя Соль? – сказалъ однажды Вальтеръ, всматриваясь съ озабоченнымъ видомъ въ печальное лицо мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ, – ты сегодня ничего не ѣлъ и, кажется, твое здоровье очень разстроилось. Не сходить ли за докторомъ, дядюшка?

. – Докторъ не поможетъ, мой милый, – отвѣчалъ дядя Соль, – не сыскать ему для меня...

– Чего, дядюшка? покупателей?

– Да, да, – возразилъ Соломонъ съ глубокимъ вздохомъ, – покупатели пригодились бы.

– Ахъ, ты, Господи, твоя воля! – вскричалъ Вальтеръ, опрокидывая блюдо съ супомъ, и ударяя рукою по столу, – когда я вижу всѣхъ этихъ зѣвакъ, что каждый день цѣлыми дюжинами снуютъ передъ нашими окнами, меня такъ и забираетъ охота притащить кого-нибудь за шиворотъ въ магазинъ и заставить дружка отсчитать тысячи полторы чистоганомъ за свою покупку. Ну, чего ты смотришь, болванъ, – продолжалъ Вальтеръ, обращаясь къ старому джентльмену съ напудренной головой, такъ, разумѣется, чтобы тотъ не слышалъ. – Выпучилъ глаза на телескопъ, да и стоитъ себѣ. Экая штука! Ты войди-ка любезный, да купи, а глаза-то, пожалуй, я за тебя выпучу.

Но старый джентльмень, удовлетворивъ любопытство, тихонько поплелся отъ магазина.

– Ушелъ, – сказалъ Вальтеръ, – ушелъ, болванъ! Вотъ тутъ и надѣйся на нихъ! Да только вотъ что, дядя... эй, послушай, дядюшка! – прибавилъ Вальтеръ, видя, что старикъ закручи-

нился и не обращает на него вниманія – унывать никакъ не должно, рѣшительно не должно. Что дѣлать? Посидимъ у моря и подождемъ погоды. Ужъ если придутъ заказы, такъ придется ихъ такая пропасть, что тебѣ ихъ въ вѣкъ не передѣлать.

– Да, мнѣ ихъ точно не передѣлать, мой другъ, – съ горестью возразилъ Соломонъ, – заказы придутъ, когда меня не будетъ въ этой лавкѣ.

– Да не тужи, сдѣлай милость, говорю я тебѣ, – ну что толку, если станешь все хандрить. Эхъ ты, дядя Соль! Нѣтъ заказовъ, такъ и чортъ съ ними!

Соломонъ старался принять веселый видъ, и улыбнулся, какъ могъ, взглянувъ черезъ столъ на своего племянника.

– Вѣдь особеннаго ничего не случилось. Не такъ ли, дядя Соль? – продолжалъ Вальтеръ, облакачиваясь на чайный подносъ и нагибаясь къ старику, чтобы вызвать его на объясненіе, – будь откровененъ со мной, дядюшка, не скрывай ничего, если сохрани Богъ встрѣтилась какая-нибудь непріятность.

– Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, – скороговоркой отвѣчалъ Соломонъ, – все идетъ, какъ шло, ничего особеннаго, право, ничего! Встрѣтилась непріятность, говоришь ты: какая же непріятность?

Вальтеръ съ величайшей недовѣрчивостью покачалъ головою.

– Поди ты, толкуй съ нимъ! – сказалъ онъ, – я его спрашиваю, а онъ меня! Послушай, дядя: когда я вижу тебя въ этой хандрѣ, мнѣ, право, становится и жалко и досадно, что я съ тобой живу.

Старикъ Соль невольно открылъ глаза.

– Я не шучу, дядюшка. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня, когда я съ тобой, и при всемъ томъ опять таки повторяю: мнѣ теперь и жалко и досадно, что я живу здѣсь. Вижу по всему, у тебя есть что-то на душѣ, а еще туда же вздумалъ притворяться. Эхъ, ты, дядя Соломонъ!

– Что дѣлать, мой милый? По временамъ, ты знаешь, я бываю очень скученъ, должно, какъ и всѣ старики.

– Знаешь ли, что я думаю? – продолжалъ Вальтеръ, потрепавъ старика по плечу, – если бы тутъ въ этой комнатѣ вмѣсто меня сидѣла добренькая, тепленькая старушка, твоя жена, разумѣется, твоя кроткая, смиренная, ненаглядная сожительница, которая бы знала всѣ твои привычки и обычаи, ты бы вѣдь не былъ въ такой хандрѣ, дядя Соломонъ! И разливала бы она чай, и припоминала бы тебѣ старину, и затынула бы подчасъ пѣсенку про старинное житье-бытье... а? не такъ ли? Ну, а я что для тебя сдѣлаю? Ты знаешь, я люблю тебя, но все же я только племянникъ, ни больше, ни меньше, да еще вдобавокъ вѣтреный, легкомысленный мальчишка, которому нельзя и сказать о своемъ горѣ. Ну вотъ я вижу ты хандрешь, и почему знать? можетъ быть, ужасная тоска давить тебя; а какъ тебѣ помочь? какъ утѣшить тебя? какъ? ... закричалъ Вальтеръ, со всего размаху ударивъ по столу, такъ что блюдо слетѣло на полъ и разбилось въдребезги.

– Валли, добрый мой Валли! – сказалъ Соломонъ, – если бы въ этой комнатѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ лѣтъ за сорокъ съ небольшимъ сидѣла, какъ ты говоришь, ненаглядная моя сожительница, я никогда бы не любилъ ее такъ, какъ тебя, милое дитя мое!

– Знаю, дядюшка, – возразилъ Вальтеръ, – очень хорошо; но женѣ ты открылъ бы всѣ свои секреты, потому что она умѣла бы облегчить твою тоску; а я ничего, рѣшительно ничего не придумаю, хоть бы размозжить себѣ голову.

– Нѣтъ, нѣтъ, – сказалъ Соломонъ, – что за секреты? у меня нѣтъ отъ тебя никакихъ секретовъ!

– Ну, такъ въ чемъ же дѣло, дядюшка? говори, рассказывай. Ну!

Соломонъ Гильсъ еще разъ съ отчаяннымъ упрямствомъ началъ увѣрять, что ничего особеннаго не случилось. Вальтеръ, скрѣпивъ сердце, притворился убѣжденнымъ.

– Однако-жъ, дядя Соль, если сверхъ чаянія...

– Да говорю тебѣ, что ничего нѣтъ, рѣшительно ничего.

– Очень хорошо, – сказалъ Вальтеръ, – перестанемъ же толковать объ этомъ; мнѣ пора въ контору. Часа черезъ два я какъ-нибудь увернусь оттуда, и понавѣдаюсь, что ты станешь дѣлать. Только смотри, дядя Соль, если я узнаю, что ты меня обманулъ, такъ ужъ прошу не прогнѣваться: впередъ не повѣрю тебѣ ни на волосъ, и ужъ никогда ничего не буду говорить тебѣ о Каркерѣ младшемъ. Помни это, дядюшка Соломонъ!

Соломонъ Гильсъ, въ знакъ согласія, улыбнулся и махнулъ рукой. Вальтеръ, перебирая въ головѣ всѣ возможныя, или правильнѣе, невозможныя средства къ обогащенію, побѣждалъ въ контору Домби и Сына съ озабоченнымъ видомъ и въ крайне невеселомъ расположеніи духа.

Въ это время недалеко отъ Сити, на углу Архіерейской улицы, жилъ присяжный маклеръ и оцѣнщикъ, производившій торговлю подержанной мебелью, которая, какъ водится въ такихъ случаяхъ, разбросана была въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ по всѣмъ направленіямъ обширной лавки. Дюжины стульевъ прицѣплены были къ умывальникамъ, которые сами съ большимъ трудомъ держались за плечи буфетовъ, а буфеты, въ свою очередь, стояли на обѣденныхъ столахъ. Все это кувыркалось и тарасилось въ разныя стороны съ удивительнымъ эффектомъ. Немного подальше на брачной постели, утвержденной на четырехъ столбахъ, дружелюбно красовались блюда, тарелки, стаканы, рюмки, бокалы, графины и другія принадлежности богатаго пира вмѣстѣ съ полдюжиной кочергъ и бальной лампой, готовой пролить нѣжнѣйшій свѣтъ любви и братской дружбы на всю веселую компанію. Рядъ оконныхъ гардинъ и великолѣпныхъ сторъ, насильственно разлученныхъ съ своими окнами, пріятнѣйшимъ образомъ драпировали баррикаду комодовъ, нагруженныхъ маленькими кружками изъ москательныхъ лавокъ, между тѣмъ какъ бездомный коврикъ, отторженный жестокой рукой отъ привычнаго паркета и преслѣдуемый въ своемъ несчастьи пронзительнымъ восточнымъ вѣтромъ, вздрагивалъ и свертывался въ глубочайшую меланхолію, и, казалось, изъявлялъ душевную симпатію къ раздирательнымъ жалобамъ фортепьяна, терявшаго каждый день по одной струнѣ, которая передъ послѣднимъ издыханіемъ стонала и выла отъ мучительныхъ предсмертныхъ страданій. Къ довершенію эффекта, м-ръ Брогли накопилъ въ своей лавкѣ цѣлую коллекцію стѣнныхъ часовъ различной цѣнности и доброты, но вообще съ вѣрнѣйшимъ ходомъ, хотя теперь ихъ стрѣлки остановились, по-видимому, на вѣчныя времена вмѣстѣ съ финансовыми обстоятельствами своихъ прежнихъ хозяевъ, потерявшихъ за одно съ часами и свои дорогія зеркала, которыя теперь въ лавкѣ барышника безсовѣстно отражали со всѣхъ сторонъ ихъ банкротство и разореніе.

Самъ м-ръ Брогли былъ мокроглазый, розолицый, жестковолосый, весьма дюжій мужчина, надѣленный отъ природы значительнымъ запасомъ расторопности и смѣтливости, столь необходимыхъ при его гуманическихъ занятіяхъ. Какъ Марій на развалинахъ Карѳагена, возсѣдалъ онъ на развалинахъ чужого счастья, очень веселый и довольный судьбой, неизмѣнно къ нему благосклонной во всѣхъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ. По временамъ онъ заглядывалъ въ лавку Соломона понавѣдаться насчетъ дѣлишекъ многоуважаемаго мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ, и Вальтеръ вообще зналъ его довольно, чтобы раскланиваться съ нимъ при встрѣчѣ на улицахъ. Знакомство съ маклеромъ самого Соломона Гильса тоже не простиралось далѣе этой шапочной дружбы, и потому Вальтеръ былъ очень изумленъ, когда, вѣрный своему обѣщанію, забѣжалъ изъ конторы въ лавку и увидѣлъ м-ра Брогли; глубокомысленно сидящаго въ гостиной съ руками въ карманахъ.

– Здравствуй, дядя Соль! – сказалъ Вальтеръ, – какъ ты теперь себя чувствуешь?

Старикъ неподвижно сидѣлъ на противоположной сторонѣ стола съ очками на глазахъ (а не на лбу, какъ обыкновенно) и въ глубокомъ раздумьи. При входѣ племянника, онъ приподнял голову и безмолвно указалъ на маклера. Вальтеръ оторопѣлъ.

– У васъ дѣла съ моимъ дядей, сэръ? – спросилъ онъ, едва переводя духъ.

– Не беспокойтесь, важнаго ничего нѣтъ, – отвѣчалъ м-ръ Брогли.

Вальтеръ въ безмолвномъ изумленіи смотрѣлъ на маклера и на дядю.

– Вотъ видите ли, – сказала м-ръ Брогли, – за вашимъ дядюшкой небольшою должкою, триста семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ съ небольшимъ. Срокъ-то, знаете, прошелъ, и у меня документъ. Надо съ вашего позволенія вступить во владѣніе.

– Во владѣніе! – вскричалъ Вальтеръ, поводя глазами вокругъ комнаты,

– Да, – чужахъ м-ръ Брогли вкрадчивымъ голосомъ, бросая дружелюбные взоры, – вы не беспокойтесь, пожалуйста. Мы сдѣлаемъ теперь опись этимъ вещамъ, и больше ничего; сами сдѣлаемъ, любовно и безъ шума. Вы видите, я пришелъ безъ полиціи – зачѣмъ намъ полиція? обойдемся и безъ нея. Вы меня знаете.

– Ахъ, дядюшка! – пролепеталъ Вальтеръ.

– Милый Валли! – сказалъ дядя, – первый разъ Богъ послалъ на меня такое несчастье, а я уже старткъ и всю жизнь прожилъ честно.

Съ этими словами онъ сбросилъ очки, потому что бесполезно было скрывать свое волненіе, закрылъ рукой глаза и заплакалъ навзрыдъ, проливая слезы на свой кофейный жилетъ. Вальтеръ, въ свою очередь, первый разъ въ жизни увидѣлъ ужасающую картину рыдающаго старика. Онъ оцѣпенѣлъ и долго не могъ произнести ни одного слова.

– Дядюшка, милый дядюшка! – проговорилъ онъ, наконецъ. – Не плачь, о, Бога ради, не плачь! успокойся! – м-ръ Брогли, что мнѣ дѣлать?

– Я бы совѣтовалъ вамъ, – сказала м-ръ Брогли, – пріискать какого-нибудь пріятеля и переговорить съ нимъ.

– Именно такъ! – вскричалъ Вальтеръ, ухватившись за эту мысль, какъ за послѣднюю надежду, – благодарю васъ, сэръ. Дядюшка, я сію минуту побѣгу къ капитану Куттлю и мигомъ ворочусь назадъ. А вы, г. маклеръ, поберегите старика, сдѣлайте милость; утѣшите его, какъ можете. Не отчаивайся, дядюшка! Богъ дастъ, все сойдетъ съ рукъ.

Съ этими словами Вальтеръ, не слушая больше старика, опрометью бросился изъ комнаты и, забѣжавъ на минуту въ контору извиниться, подъ предлогомъ внезапной дядиной болѣзни, помчался во всю прыть къ жилищу капитана Куттля.

Всѣ предметы въ глазахъ его приняли иной видъ, когда онъ бѣжалъ по шумнымъ улицамъ города. Телѣги, omnibusы, дороги, кареты, дилижансы, пѣшеходы, – все это двигалось, толкалось, шумѣло, какъ и всегда; но бѣда, обрушившаяся на деревяннаго мичмана, представляла эти предметы въ какомъ-то странномъ и новомъ свѣтѣ. Дома и магазины были вовсе не то, что прежде, и Вальтеръ читалъ на стѣнахъ огромныя буквы маклерскаго документа. М-ръ Брогли угораздился со своимъ обвинительнымъ актомъ взгромоздиться на самыя церкви, потому-что главы ихъ поднимались къ облакамъ съ какимъ-то необыкновеннымъ видомъ. Самый зонтикъ удивительно измѣнился, не отъ облаковъ, разумѣется, а вслѣдствіе судебной описи имущества въ магазинѣ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ.

Капитанъ Куттль жилъ на краю небольшого канала, подлѣ индійскихъ доковъ, гдѣ находился подъемный мостъ, открывавшійся по временамъ для проведенія кораблей и барокъ съ различнымъ грузомъ. Постепенный переходъ отъ земли къ водѣ, по мѣрѣ приближенія къ резиденціи капитана Куттля, былъ довольно любопытенъ. Перспектива начиналась разноцвѣтными трактирными флагами, за которыми непосредственно слѣдовали платяныя лавки съ матросскими рубашками, куртками, шляпами, парусинными панталонами. Немного подальше выставались кузницы, гдѣ неутомимый громаднѣйшій молотокъ отъ утра до ночи колотилъ раскаленное желѣзо, выдѣлывая якоря и цѣпныя канаты. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ домовъ съ флюгеромъ надъ мачтами и вывѣсками, возвѣщавшими о продажѣ турецкихъ бобовъ, затѣмъ канавы, затѣмъ мельницы, затѣмъ опять канавы, а затѣмъ невообразимыя скопища грязной воды, запруженной кораблями. Потомъ въ воздухѣ распространялось благоуханіе отъ сырыхъ щепокъ, и всякое торговое движеніе поглощалось мачтами, веслами, дѣланіемъ блоковъ, стройкою лодокъ. Потомъ, почва становилась болотистою и почти непроходимою. Потомъ, обоняніе уже исклю-

чительно наслаждалось запахомъ рому и сахару. Потомъ, прямо передъ вашими глазами, во всей красотѣ открывалась резиденція капитана Куттля, вмѣстѣ бельэтажъ и нижній этажъ.

Капитанъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ вѣчнонеизмѣнныхъ, какъ-будто выстроганныхъ изъ дерева мужчинъ, которыхъ при самомъ пылкомъ воображеніи невозможно представлять себѣ отдѣльно безъ какой-нибудь частицы въ ихъ обыкновенномъ костюмѣ. Когда Вальтеръ постучался у дверей, капитанъ выставилъ изъ окошка голову и закричалъ: "Здорово, любезный!". На немъ была выложенная клеенчатая шляпа и всегдашній синій балахонъ, изъ подъ котораго, на подобіе паруса, выставлялись толстые высокіе воротники его рубашки. Все, какъ обыкновенно. Въ этомъ костюмѣ Вальтеръ, между миллионами разнообразныхъ фигуръ, мигомъ различилъ бы капитана Куттля, какъ рѣдкую заморскую птицу, у которой всегда одинаковыя перья.

– Послушай-ка, Валли, – сказалъ капитанъ Куттль, – ты постучись еще, и погоди немножко. Сегодня, сегодня, видишь ты, моютъ бѣлье. Стукни хорошенько.

И нетерпѣливый юноша стукнулъ такъ, какъ, вѣроятно, еще никто не стучался въ скромную дверь капитанской квартиры.

– Это уже чересчуръ! – сказалъ Куттль, и тотчасъ же спряталъ голову, какъ будто ожидалъ бури...

Ожиданіе основательное. Черезъ минуту въ судорожномъ волненіи прибѣжала къ дверямъ степенная вдовица съ рукавами, засученными по плечи, вся въ мыльной пѣнѣ и съ передникомъ, забрызганнымъ горячей водой. Не обращая вниманія на Вальтера, она оглядѣла сперва дверной молотокъ, и потомъ, осматривая юношу съ ногъ до головы, проговорила, что не надивится, какъ молотокъ еще цѣль.

– Капитанъ Куттль у себя, – сказалъ Вальтеръ съ примирительной улыбкой, – я его видѣлъ.

– Право? – возразила интересная вдовица, – вы его видѣли?

– Я даже говорилъ съ нимъ, – сказалъ Вальтеръ, торопясь объясненіемъ.

– Даже говорили съ нимъ – возразила вдовица. – Вотъ какъ! Потрудитесь же засвидѣтельствовать капитану почтеніе отъ м-съ Макъ Стингеръ и скажите, что если ему угодно разговаривать съ гостями изъ окошка, такъ я покорнѣйше прошу его впередъ самому отворять двери.

М-съ Макъ Стингеръ говорила громко и вслушивалась, не будетъ ли какихъ замѣчаній или возраженій изъ ближайшаго окна.

– Исполню ваше порученіе, – сказалъ Вальтеръ, – только благоволите впустить меня, сударыня.

Входъ былъ загороженъ деревяннымъ запоромъ, и Вальтеръ не осмѣливался перескочить, изъ опасенія еще болѣе раздосадовать степенную вдовушку.

– Если вы, сударь, осмѣлились разбивать дверь, – сказала м-съ Макъ Стингеръ гнѣвнымъ и пронзительнымъ тономъ, – вамъ ничего не стоитъ перепрыгнуть черезъ запоръ.

Вальтеръ принялъ эту выходку за позволеніе войти и немедленно перескочилъ. М-съ Макъ Стингеръ пришла въ величайшее негодованіе и разразилась страшнымъ вопросомъ: давно ли законы разрѣшили оскорблять домъ свободной англичанки, и кто далъ позволеніе всякой сволочи врываться въ ея жилище? Но Вальтеръ уже не считалъ нужнымъ разрѣшать эти недоумѣнія, и, пробираясь по лѣстницѣ черезъ искусственный, туманъ, образовавшійся отъ испареній щелоку и горячей воды, вбѣжалъ въ комнату капитана Куттля и нашель этого джентльмена въ засадѣ передъ дверью.

– Никогда не былъ ей долженъ ни одной копейки, – проговорилъ тихонько капитанъ Куттль, – да еще сколько сдѣлалъ добра и ей и дѣтямъ! Лисица непутная!

– Я бы на вашемъ мѣстѣ перемѣнилъ квартиру, – сказалъ Вальтеръ.

– Нельзя, нельзя, – возразилъ капитанъ, – она отыскала бы меня на днѣ океана. – Садись, Вальтеръ. Какъ поживаетъ Соломонъ?

Капитанъ, не снимая шляпы, принялся за свой обѣдъ, состоявшій изъ холодной баранины, бутылки портера и варенаго картофеля, который онъ обыкновенно приготавливалъ самъ на плитѣ въ большой кастрюлѣ, откуда, по мѣрѣ надобности, вытаскивалъ, по одной штукѣ. Передъ обѣдомъ онъ отвинчивалъ свой желѣзный крюкъ, и вмѣсто него придѣлывалъ къ черенку свой столовый ножикъ, которымъ теперь началъ лупить одну картофелину для Вальтера. Его комнаты, сильно пропитанныя табачнымъ запахомъ, были очень невелики, но довольно уютны, а порядокъ въ мебели былъ такого рода, какъ будто за полчаса передъ этимъ происходило землетрясеніе.

— Какъ поживаетъ Соломонъ? — спросилъ капитанъ.

При этомъ повторенномъ вопросѣ Вальтеръ живо представилъ цѣль своего посѣщенія и заплакалъ навзрыдь.

— Ахъ, капитанъ Куттль! — сказалъ онъ, едва переводя духъ.

Никакое перо не опишетъ ужаснаго испуга Куттля. Онъ бросилъ картофель, вилку, — бросилъ бы, разумѣется ножикъ, если бы могъ, — и съ неописаннымъ испугомъ смотрѣлъ на молодого человѣка, какъ будто Вальтеръ принесъ ему вѣсть о всеобщемъ разрушеніи Сити, какъ будто страшная бездна поглотила его стараго друга вмѣстѣ съ кофейнымъ камзоломъ, свѣтлыми пуговицами, хронометромъ, очками, со всѣмъ магазиномъ.

Но когда Вальтеръ объяснилъ дѣло, Куттль, послѣ минутнаго размышленія, вскочилъ со стула и заметался во всѣ стороны съ необыкновенной торопливостью. Онъ открылъ комодъ, стащилъ съ верхней полки жестяную чайницу, и, высыпавъ оттуда весь запасъ наличныхъ денегъ — тринадцать фунтовъ стерлинговъ съ полкроной, положилъ ихъ въ огромный карманъ своего синяго сюртука, и потомъ въ это же влагилище засунулъ вынутыя изъ шкатулки двѣ чайныя ложки, серебряныя щипчики и огромные серебряныя часы, которые напередъ осмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ, чтобы опредѣлить ихъ настоящую цѣнность. Сдѣлавъ всѣ эти приготовленія, онъ привинтилъ неизбѣжный крюкъ къ правой рукѣ, схватилъ свою толстую сучковатую палку и попросилъ Вальтера идти.

Но, несмотря на чрезвычайную хлопотливость, капитанъ вспомнилъ, наконецъ, что м-съ Макъ Стингеръ, вѣроятно, дожидается его внизу для нѣкоторыхъ объясненій. Пораженный этой мыслью, онъ въ нерѣшимости подошелъ къ отворенному окну и, казалось, разсуждалъ: не лучше ли прямо выпрыгнуть на мостовую, чѣмъ наткнуться въ дверяхъ на своего ужаснаго врага. Однако-жъ, постоявъ немного, онъ выдумалъ весьма замысловатую хитрость.

— Послушай-ка, Валли, — сказалъ капитанъ, — ты ступай впередъ, мой другъ, и спускайся съ лѣстницы, закричи погромче: "Прощайте, капитанъ Куттль!" да затвори дверь. Потомъ остановись на улицѣ за угломъ и подожди меня. Я мигомъ выйду.

Успѣхъ этой стратагемы основывался на предварительномъ изученіи непріятельской тактики. Когда Вальтеръ сходилъ съ лѣстницы, м-съ Макъ Стингеръ дѣйствительно невидимкой подкралась изъ кухни, но не видя, сверхъ ожиданія, своего жилища, удовольствовалась намекомъ на неучтивый стукъ въ двери, и опять юркнула въ свою засаду.

Прошло минутъ пять, прежде, чѣмъ Куттль отважился на тайное бѣгство, и Вальтеръ уже начиналъ выходить изъ терпѣнія, не видя никакихъ признаковъ лощеной шляпы. Наконецъ, храбрый воинъ вдругъ, съ быстротой бомбы, выскочилъ изъ дверей, зашагалъ форсированнымъ маршемъ, и ни разу не оглидываясь назадъ, ободрился совершеннѣйшимъ образомъ, только когда подошелъ къ Вальтеру, и даже затянулъ какую-то пѣсню.

— Ну что, Валли, — спросилъ, наконецъ, капитанъ, когда они удалились на значительное разстояніе отъ квартиры, — дядя Соль, я думаю, того...

— Ахъ, если бы видѣли его нынѣшнимъ утромъ! — отвѣчалъ Вальтеръ. — Никогда мнѣ не забыть этой ужасной сцены. Я боюсь...

— Живѣй, Валли, живѣй! — возразилъ капитанъ, ускоряя шаги. — Всегда такъ поступай, дружокъ мой, и долготѣнь будешь на земли. Справься, какъ объ этомъ сказано въ Писаніи.

Капитанъ Куттль, слишкомъ занятый собственными мыслями о Соломонѣ Гильсѣ и, быть можетъ, нѣкоторыми размышленіями насчетъ послѣдняго бѣгства, не привелъ болѣе ни одной цитаты для улучшенія нравственности молодого Вальтера. Во всю дорогу они не обмѣнялись ни однимъ словомъ, пока, наконецъ, подошли къ деревянному мичману, обозрѣвавшему, казалось, черезъ свой телескопъ весь горизонтъ въ надеждѣ отыскать друга-спасителя, который бы вывелъ его изъ напасти.

— Гильсъ! — вскричалъ капитанъ, поспѣшно вбѣжавъ въ комнату и нѣжно пожимая руку печальнаго друга, — держи голову прямо на вѣтеръ, и мы пойдемъ на проломъ. Все, что могу сказать тебѣ, дружище, — продолжалъ капитанъ торжественнымъ тономъ, какъ философъ, которому удалось наконецъ привести въ ясность одно изъ главнѣйшихъ правилъ человѣческой мудрости, — такъ это одно: держи голову прямо противъ вѣтра, и мы полетимъ на проломъ.

Старикъ Соль, въ свою очередь, крѣпко пожалъ руку добраго пріятеля, и благодарилъ за совѣтъ.

Тогда капитанъ Куттль съ подобающей важностью выгрузилъ изъ кармана пару чайныхъ ложекъ, сахарные шипчики, серебряные часы и наличныя деньги. Положивъ все это на столъ, онъ съ гордымъ и самонадѣяннымъ видомъ обратился къ м-ру Брогли.

— Ну, что вы теперь скажете, господинъ маклеръ и присяжный оцѣнщикъ?

— Неужели вы серьезно думаете, сэръ, возразилъ маклеръ, — что весь этотъ хламъ теперь годится на что-нибудь?

— Почему же нѣтъ?

— Да потому, что вашъ почтенный другъ долженъ слишкомъ триста семьдесятъ фунтовъ стерлинговъ.

— Экая штука! — возразилъ капитанъ, струхнувъ порядкомъ при такомъ огромномъ счетѣ, — триста фунтовъ! Да вѣдь и это чего-нибудь стоитъ. Всякая рыба хороша, коль на уду пошла, говорить пословица.

— Есть еще пословица, капитанъ, получше этой, возразилъ присяжный оцѣнщикъ, — курица не птица, карась не рыба, олово не деньги.

Эта философія сразила наповаль капитана. Поглядѣвъ на страшнаго противника, какъ на Мефистофеля, онъ безмолвно прошелся по комнатѣ, и, махнувъ рукою, отозвалъ въ сторону мастера морскихъ инструментовъ.

— Гильсъ! — сказалъ капитанъ, — какъ это тебя угораздило попасть въ такой просакъ? Кто настоящій кредиторъ?

— Молчи, молчи! — возразилъ старикъ. — Пойдемъ сюда. Надо быть скромнѣе передъ Вальеромъ. Это, видишь ты, поручительство за его отца, старинное поручительство. Я уже таки довольно выплатилъ, Недъ; но теперь пришли худыя времена, и силъ моихъ не хватаетъ. Сказать правду, я все это предвидѣлъ, да что прикажешь дѣлать? Ради Бога, ни слова передъ Вальтеромъ. Ни гу-гу?

— Да вѣдь у тебя, казалось, были деньжонки? — прошепталъ капитанъ.

— Ну да, да, — отвѣчалъ старикъ Соль, опуская руки въ карманы и сдавливая свой валлійскій парикъ, какъ будто выжималъ оттуда золото, — я скопилъ-таки малую толику, но изъ этой суммы, милый Недъ, нельзя взять ни полушки. Я, видишь ты, старѣлъ и отсталъ отъ времени, а Вальтеру нужны деньги. Вѣдь ему не по міру идти, когда я умру. Нѣтъ, объ этихъ деньгахъ ни полслова. Все равно, какъ бы ихъ и не было. Да у меня таки и нѣтъ ихъ. Что я заврался, старый дуракъ? Гдѣ у меня деньги? гдѣ?

И онъ дико повелъ глазами вокругъ комнаты, какъ полоумный скряга, который совершенно забылъ, куда запряталъ свои деньги. Въ самомъ дѣлѣ, капитанъ начиналъ думать, что пріятель его того и гляди полѣзетъ въ трубу или въ погребъ и вытащитъ оттуда нѣсколько фунтовъ золота и серебра, но Соломонъ Гильсъ выдумалъ другую штуку.

– Я отсталъ отъ времени, любезный другъ, – скаалъ онъ, – далеко отсталъ. Поздно, да и не къ чему догонять его. Продамъ всѣ вещи, выплачу долгъ, да и пойду куда-нибудь положить свои старыя кости. Духъ мой ослабѣлъ, силы меня остаили, и я чувствую, что начинаю выживать изъ ума. Лучше все покончить разомъ... и баста! Пусть его возьметъ инструменты, возьметъ и его, – съ усиліемъ проговорилъ старикъ, указывая на деревяннаго мичмана, – видно, прошли наши красные дни. А и то сказать, пожили довольно; пора костямъ на мѣсто.

– Полно, дружище, полно! – сказалъ капитанъ, – На кого-жъ ты Вальтера-то оставишь? забылъ? Посиди тутъ, Соломонъ, а я за тебя подумаю... Ахъ, чортъ побери, не сталъ бы я долго думать, если бы пансіонъ былъ побольше. Дѣло вотъ въ чемъ, скажу я тебѣ: держи голову прямо на вѣтеръ, и все пойдетъ, какъ по маслу.

Старикъ Соль поблагодарилъ его отъ всего сердца и прислонился головой къ камину.

Капитанъ Куттль скорымъ шагомъ и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ началъ маршировать по комнатѣ, опутивъ густыя брови до самага носа и заложивъ лѣвую руку назадъ. Вальтеръ притаилъ дыханіе и не смѣлъ пошевелиться, изъ опасенія остановить потокъ глубокихъ размышлений. Напротивъ, м-ръ Брогли, не считая нужнымъ церемониться съ почтенной компаніею, преспокойно разгуливалъ по всѣмъ направленіямъ магазина, и, насвистывая какую-то веселую мелодію, заглядывалъ въ телескопы, барометры, ощупывалъ компасы, магнитныя стрѣлки, и вообще старался показать видъ человѣка, въ совершенствѣ знакомаго съ устройствомъ и употребленіемъ всѣхъ этихъ инструментовъ,

– Валли! – воскликнулъ, наконецъ, Куттль, – теперь я знаю, что дѣлать.

– Неужели? – вскричалъ Вальтеръ съ величайшимъ одушевленіемъ.

– Поди-ка сюда, любезный, – продолжалъ капитанъ. – Магазины одно обезпеченіе; мои вещи – другое. Твой адмиралъ дастъ намъ денегъ.

– Кто, м-ръ Домби? – спросилъ Вальтеръ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

Капитанъ съ важностью кивнулъ головой, и, указывая на Соломона Гильса, продолжалъ:

– Взгляни-ка на него, любезный; пристальнѣе взгляни. На немъ лица нѣтъ. Если продать всѣ эти вещи, онъ умеръ непременно – я его знаю. Мы должны перепробовать всѣ средства и, теперь тебѣ надо ухватиться...

– За м-ра Домби! Ахъ, Боже мой! – воскликнулъ Вальтеръ.

– Ты прежде всего сбѣгай въ контору, и справься, тамъ ли онъ, – сказалъ капитанъ, толкая въ спину озадаченнаго юношу. – Живѣй!

Взглядъ на дядю окончательно убѣдилъ молодого человѣка въ необходимости слѣпого повиновенія капитанской командѣ. Онъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ, и чрезъ нѣсколько минутъ воротился съ печальнымъ извѣстіемъ, что м-ра Домби нѣтъ ни дома, ни въ конторѣ. Была суббота, и онъ уѣхалъ въ Брайтонъ.

– Вотъ что, Валли! – сказалъ капитанъ, по-видимому, приготовившій себя къ этому извѣстію. – Мы поѣдемъ въ Брайтонъ. Я самъ провожу, и, если нужно, представлю тебя твоему адмиралу. Мы поѣдемъ послѣ обѣда въ первомъ дилижансѣ.

При всемъ уваженіи къ личнымъ достоинствамъ капитана Куттля, Вальтеръ видѣлъ на этотъ разъ настоящую необходимость отказаться отъ его обязательныхъ услугъ, думая, не безъ основанія, что м-ръ Домби, грозный и страшный Домби, не могъ придать большого вѣса рекомендаціи добраго моряка. Тѣмъ не менѣе, молодой человѣкъ удержался отъ всякаго намека на неумѣстность такой выходки, потому что самъ капитанъ былъ о себѣ совершенно противныхъ мыслей и, вѣроятно, счелъ бы непростительной дерзостью, если бы молокососъ въ настоящемъ случаѣ вздумалъ ему указывать. Простившись на скорую руку съ Соломономъ Гильсомъ, капитанъ Куттль опять сложилъ въ свой карманъ наличныя деньги, ложечки, щипчики и серебряныя часы – съ очевиднымъ намѣреніемъ, какъ съ ужасомъ думалъ Вальтеръ, произвести этими вещами оглушительное впечатлѣніе на м-ра Домби – и немедленно побѣ-

жалъ къ дилижансу, безпрестанно повторяя на дорогѣ, что онъ ни на мииуту не покинетъ своего Валли.

Глава X

Послѣдствія бѣды съ деревяннымъ мичманомъ

Часто и долго съ безпримѣрнымъ усердіемъ майоръ Багстокъ производилъ на Княгининѣмъ Лугу наблюденія надъ маленькимъ Павломъ черезъ свою д_в_у_х_с_т_в_о_л_ь_н_у_ю т_р_у_б_у. Коренной туземецъ, вступившій для этой цѣли въ дружескія сношенія съ горничной миссъ Токсъ, доставлялъ своему барину ежедневные, еженедѣльные и ежемѣсячные рапорты относительно разныхъ разностей, происходившихъ въ скромномъ жилищѣ спѣсивой сосѣдки. Плодомъ всѣхъ этихъ разысканій было твердое намѣреніе познакомиться съ м-ромъ Домби, и ужъ, конечно, старичина Джой, если нужно, могъ завязать знакомство съ самимъ чортомъ.

Миссъ Токсъ постоянно держала себя весьма осторожно и холодно уклонялась отъ всякихъ объясненій, когда храбрый воинъ съ обыкновеннымъ лукавствомъ намекалъ ей о своемъ планѣ. Несмотря, однако-жъ на врожденную хитрость и чудную изобрѣтательность, онъ не видѣлъ никакихъ средствъ привести въ исполненіе коварный замыселъ, и рѣшился нѣкоторымъ образомъ оставить его на произволъ случая, который, какъ говорилъ майоръ въ клубѣ, былъ покорнѣйшимъ слугою старикашки Джоза съ той поры, какъ старшій братъ его умеръ въ Вестъ-Индіи отъ желтой горячки.

Дѣйствительно, п_о_к_о_р_н_ы_й с_л_у_г_а хотя нескоро, но и на этотъ разъ не измѣнилъ своему господину. Когда коренной туземецъ въ одно прекрасное утро отпрапортовалъ, что миссъ Токсъ отлучилась въ Брайтонъ по дѣламъ м-ра Домби, душой майора внезапно овладѣло нѣжнѣйшее воспоминаніе о закадычномъ другѣ Билѣ Байтерстонѣ, который письмомъ изъ Бенгаліи просилъ навѣщать по временамъ его единственного сына въ Брайтонѣ. Когда черный герольдъ возвѣстилъ, что Павелъ проживаетъ съ сестрой у м-съ Пипчинъ, майоръ увидѣлъ неподобный случай войти въ пріятельскія сношенія со всей фамиліей богатаго негоціанта, и тутъ же обратилъ отеческій взоръ на байтерстоново письмо, о которомъ прежде ни разу не подумалъ; но, къ несчастью, въ эту самую минуту, сверхъ всякаго ожиданія, съ нимъ сдѣлался ужасный подагрическій пароксизмъ, и онъ пришелъ въ такое яростное бѣшенство, что схватилъ подножную скамейку и со всего размаху пустилъ ее въ бѣднаго туземца, угрожая убить бездѣльника, если впередъ онъ будетъ столько же неисправенъ, хотя, собственно говоря, на этотъ разъ онъ заслуживалъ щедрой награды за вѣрнѣйшую службу.

Въ первую же субботу майоръ Багстокъ, освобожденный отъ подагры, летѣлъ въ Брайтонъ въ сопровожденіи кореннаго туземца. Во всю дорогу онъ безъ умолку толковалъ самъ съ собою о миссъ Токсъ, и заранѣе поздравлялъ себя съ побѣдой надъ знаменитымъ другомъ, изъ-за котораго его оставили и которому миссъ Токсъ придавала столько таинственности.

— Что, сударыня, много взяли, много? — говорилъ майоръ, надуваясь изо всѣхъ силъ, для выраженія удовлетворенной мести. — Вы хотѣли дать отставку старичинѣ Джою: не удастся вамъ, матушка, не удастся. Старикашка Джозъ еще живъ, сударыня, живъ онъ, чортъ побери, и держитъ ухо востро. Вамъ не провести его, сударыня. Старина Джой смотритъ во всѣ глаза, и теперь-то вы узнаете, теперь-то увидите, какова у него грудь, каково у него сердце. Жестокъ онъ, матушка, ой, ой, какъ жестокъ старичина Джозефъ. Да-съ, жестокъ и чертовски хитеръ.

И дѣйствительно, молодой Байтерстонъ нашелъ майора чрезвычайно жестокимъ, когда тотъ, по пріѣздѣ въ Брайтонъ вывелъ его на прогулку. Онъ держалъ вверхъ и внизъ свое лицо, очень похожее на стильтонскій сыръ, выпучивалъ немилосерднымъ образомъ свои раковые глаза и, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на молодого Байтерстона. Было ясно, что онъ отыскивалъ м-ра Домби съ его дѣтьми.

Получивъ на этотъ счетъ предварительныя свѣдѣнія отъ м-съ Пипчинъ, майоръ скоро завидѣлъ вдали Павла и Флоренсу съ величавымъ джентльменомъ, въ которомъ, разумѣется, не

трудно было угадать ихъ отца. Онъ полетѣлъ къ нимъ на всѣхъ парусахъ и втокнулъ молодого Байтерстона въ самую середину маленькой эскадры, такъ, что бѣдный мученикъ м-съ Пипчинъ поневолѣ долженъ былъ вступить въ разговоръ съ своими товарищами. Майоръ остановился, и любуясь на дѣтей, съ изумленіемъ припомнилъ, что онъ, кажется, имѣлъ удовольствіе ихъ видѣть и говорить съ ними на Княгининомъ Лугу у своей добрѣйшей сосѣдки миссъ Токсъ. При этомъ онъ очень кстати замѣтилъ, что Павелъ чертовски умный мальчикъ и спросилъ, помнитъ ли онъ своего стараго друга, Джозъ Багстока, майора; но не дожидаясь отвѣта, тотчасъ же обратился къ м-ру Домби.

— Мнѣ бы надобно прежде всего вамъ засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе, сэръ, но что же прикажете дѣлать? мой маленькій другъ дѣлаетъ изъ меня настоящаго ребенка. Старый солдатъ, сэръ, майоръ Багстокъ, къ вашимъ услугамъ, не стыдится въ этомъ признаться, особенно передъ вами, сэръ, счастливейшимъ изъ отцовъ.

Здѣсь майоръ снялъ шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Чертъ меня побери, — вскричалъ онъ потомъ съ величайшимъ воодушевленіемъ, — я завидую вамъ, сэръ, чрезвычайно завидую. — Тутъ онъ какъ-будто одумался и прибавилъ: — извините стараго солдата за вольное обращеніе.

М-ръ Домби просилъ не беспокоиться.

— Старый служака, сэръ, — продолжалъ майоръ, — окуранный дымомъ, закаленный въ бою, обожженный солнцемъ, избитый временемъ, дряхлый инвалидный песъ, майоръ Багстокъ, сэръ, смѣетъ надѣяться, что его не осудитъ такой почтенный, именитый мужъ, какъ м-ръ Домби. Я, конечно, имѣю счастье говорить съ мромъ Домби?

— Точно такъ. Имѣю честь рекомендоваться недостойнымъ представителемъ этой фамиліи, господинъ майоръ, — смиренно отвѣчалъ м-ръ Домби.

— Фамилія, охъ, какая фамилія! — сказалъ майоръ, — Домби — именитые люди во всей Англіи! Это, сэръ, скажу я вамъ, такая фамилія, которую знаютъ и съ почтеніемъ приносятъ во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ. Да, сэръ, Домби — именитые люди: это берусь я вамъ доказать письменно, даже печатно, коль хотите. О, сэръ, у меня бойкое перо: я все докажу. Фамилія Домби — великая фамилія, которую должно произносить не иначе какъ съ уваженіемъ и гордостью. Джозефъ Багстокъ не льститъ, сэръ, да и не умѣетъ льстить. Его королевское высочество герцогъ йоркскій не разъ изволилъ говорить, что майоръ Джозъ прямой человѣкъ, никогда не льститъ и при всякомъ случаѣ говорить правду. Да, сэръ, истина для меня дороже всего; за истину я пойду въ огонь и въ воду. Домби! Доммби! Это, скажу я вамъ, именитые люди, убей меня Богъ, именитые люди древнѣйшаго рода! — заключилъ майоръ самымъ торжественнымъ тономъ.

— Вы слишкомъ добры, г. майоръ, — возразилъ м-ръ Домби, — наша фамилія, быть можетъ, не заслуживаетъ такой высокой чести.

— Нѣтъ, сэръ, — сказалъ майоръ — вотъ и маленькій мой другъ засвидѣтельствуетъ, что майоръ Багстокъ прямой человѣкъ, старый козырь, сэръ, который всегда и вездѣ рѣжетъ правду-матку. Этотъ мальчикъ сэръ, — сказалъ майоръ тихимъ голосомъ, — будетъ жить въ исторіи. Мальчикъ этотъ, скажу я вамъ, необыкновенное произведеніе. Берегите его, м-ръ Домби, какъ зѣницу ока.

М-ръ Домби намекнулъ, что понимаетъ свои обязанности въ отношеніи къ сыну.

— А вотъ, сэръ, — продолжалъ майоръ довѣрчивымъ тономъ, толкая палкой молодого Байтерстона, — рекомендую вамъ этого мальчишку. Сынъ Байтерстона изъ Бенгаліи. Я и отецъ его были закадычными друзьями. Служили въ одномъ полку. Куда бы вы ни пошли, сэръ, вамъ вездѣ прожужжали бы уши о Билѣ Байтерстонѣ и Джоѣ Багстокѣ. А взгляните-ка на него, сэръ: вѣдь дуракъ, пошлый дуракъ! Вы думаете, я не вижу его недостатковъ? Помилуй Богъ!

М-ръ Домби взглянул на оклеветанного Байтерстона, о котором, по-крайней мѣрѣ, онъ зналъ столько же, сколько и самъ майоръ, видѣвшій его въ первый разъ, и воскликнулъ ласковымъ тономъ:

— Неужто?

— Я вамъ говорю, — подтвердилъ майоръ, — онъ набитый дуракъ. Джозефъ Багстокъ, сэръ не былъ никогда ни подлымъ льстецомъ, ни подлѣйшимъ порицателемъ беззащитныхъ людей. Сынъ моего старого друга Билия Байтерстона изъ Бенгаліи, скажу я вамъ, дуракъ отъ природы, сэръ.

Затѣмъ майоръ захохоталъ изо всей мочи, такъ что лицо его почернѣло.

— Мой маленькій другъ, — спросилъ онъ потомъ, — конечно, назначенъ для публичной школы?

— Я еще не рѣшилъ, — отвѣчалъ м-ръ Домби, — впрочемъ, не думаю: у него здоровье слишкомъ слабое.

— Это другое дѣло, — сказала майоръ, — если онъ слабъ здоровьемъ, такъ нечего и толковать о публичныхъ школахъ. Вы правы, сэръ. Для учебныхъ заведеній нужно желѣзное здоровье, свинцовая грудь. Тамъ, скажу я вамъ, безъ всякой жалости мучатъ бѣдныхъ дѣтей. Бывало, насъ жарили на медленномъ огнѣ и вывѣшивали вверхъ ногами изъ оконъ третьяго этажа. Джой Багстокъ прошелъ сквозь огонь и воду: все знаетъ, все испыталъ. Бывало, его возьмутъ за каблуки, да и стянутъ изъ окошка: виситъ, бѣдняга, минутъ тринадцать, даже больше!

Въ подтвержденіе этихъ словъ майоръ Багстокъ очень кстати могъ бы сослаться на свое совершенно синее лицо.

— Зато и вышли изъ насъ молодцы, — продолжалъ майоръ, поправляя галстухъ и воротники своей рубашки, — мы, что называется, всѣ какъ-будто выдѣланы были изъ желѣза и ковали насъ безъ всякаго милосердія. Вы надолго останетесь здѣсь, м-ръ Домби?

— Я, по обыкновенію, пріѣзжаю сюда одинъ разъ въ недѣлю, — отвѣчалъ м-ръ Домби, — и останавливаюсь въ гостиницѣ "Бедфордъ".

— Мнѣ будетъ очень пріятно зайти въ Бедфордъ, если позволите, сэръ, — сказала майоръ, — старичина Джой вообще не любитъ навязываться на знакомства; но ваше имя, м-ръ Домби, не то, что какое-нибудь имя. Я крайне одолженъ моему маленькому другу, что имѣлъ счастье удостоиться вашего вниманія.

М-ръ Домби благоволилъ дать совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Майоръ Багстокъ погладилъ Павла по головкѣ и сказалъ Флоренсѣ, что ея глазки скоро станутъ сводить съ ума мѣлодыхъ людей и даже стариковъ, если дойдетъ до того дѣло, прибавилъ онъ, ухмыляясь наилубезнѣйшимъ образомъ. Потомъ, поднявъ голову вверхъ, старичина Джой толкнулъ молодого Байтерстона и побѣждалъ съ этимъ джентльменомъ легкой рысцой, прикашливая и подпрыгивая съ отменнымъ достоинствомъ, какъ человѣкъ, который знаетъ, что не ударилъ лицомъ въ грязь.

Вѣрный своему обѣщанію, майоръ не замедлилъ явиться къ м-ру Домби; а м-ръ Домби, пробѣжавъ напередъ списокъ военныхъ офицеровъ, не замедлилъ сдѣлать визитъ майору. Потомъ майоръ навѣстилъ м-ра Домби въ его лондонскомъ домѣ и въ слѣдующую субботу имѣлъ удовольствіе отправиться съ нимъ въ Брайтонъ въ одной каретѣ. Словомъ, м-ръ Домби и майоръ Багстокъ вполнѣ оцѣнили другъ друга и въ непродолжительномъ времени стали на самую короткую ногу. М-ръ Домби замѣтилъ сестрѣ, что майоръ удивительный человѣкъ: — кромѣ того, что ему въ совершенствѣ извѣстна военная дисциплина, онъ имѣетъ превосходное понятіе и о такихъ вещахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ военнымъ ремесломъ. А это, какъ извѣстно, большая рѣдкость въ наше время. Онъ совершенно меня понялъ, — прибавилъ Домби.

Черезъ нѣсколько времени м-ръ Домби повезъ къ своимъ дѣтямъ миссъ Токсъ и м-съ Чиккъ. Майоръ опять былъ въ Брайтонѣ. М-ръ Домби пригласилъ его откушать въ Бед-

фордъ, поздравивъ напередъ миссъ Токсъ съ такимъ пріятнымъ знакомствомъ. Сильно забилося сердце прелестной дѣвы при этомъ намекѣ, и она казалась чрезвычайно разсѣянной во весь день. Это, однако жъ, поодавало ей еще болѣе интереса, и она, по-видимому, была чрезвычайно рада вожделѣнному случаю обнаруживать волненія дѣвственнаго сердца, особенно, когда майоръ за столомъ началъ произносить горькія жалобы на то, что миссъ Токсъ безжалостно оставила Княгининъ Лугъ, гдѣ она была свѣтозарнымъ солнцемъ для всѣхъ чувствительныхъ сердецъ.

Майоръ, по-видимому, находилъ невыразимое наслажденіе распространяться объ этомъ предметѣ. Онъ говорилъ безъ умолку во весь обѣдъ и въ то же время ѣлъ по крайней мѣрѣ за четверыхъ, наполняя желудокъ различными лакомствами, которыя, казалось, еще болѣе воспламеняли его краснорѣчіе. М-ръ Домби, ни на минуту не измѣнявшій своему обычному хладнокровію, слушалъ однако-жъ плодовитаго оратора съ замѣчательнымъ удовольствіемъ, и майоръ чувствовалъ, что онъ блистаетъ теперь самымъ яркимъ свѣтомъ. Сознавая вполнѣ свой завидный талантъ, ораторъ одушевлялся постепенно и въ порывѣ истиннаго восторга выдумалъ по крайней мѣрѣ десятка два совершенно новыхъ и оригинальныхъ прилагательныхъ къ своему собственному имени. Словомъ, майоръ превзошелъ на этотъ разъ самого себя, и вся компанія была имъ чрезвычайно довольна. Послѣ обѣда сѣли за вистъ, и когда сыгранъ былъ одинъ очень длинный роберъ, майоръ поспѣшилъ раскланяться съ именитой фамиліей, и м-ръ Домби, провожая дорогого гостя, еще разъ обратился съ комплиментами къ миссъ Токсъ, которая зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и потупила глаза въ землю.

По выходѣ изъ Бедфорда, майоръ Багстокъ не замедлилъ обратиться къ самому себѣ и всю дорогу повторялъ: "хитеръ братъ ты, старичина Джой, чертовски хитеръ!". Когда пришелъ онъ въ свою гостиницу и усѣлся на стулъ, съ нимъ сдѣлался молчаливый припадокъ смѣха, до того безобразный и страшный, что коренной туземецъ, наблюдавшій это явленіе на значительномъ разстояніи, два или три раза начиналъ думать, что баринъ его совсѣмъ рехнулся. Вся его фигура, особенно лицо и голова раздулись необыкновеннымъ образомъ и представили изумленнымъ глазамъ чернаго слуги какую-то пухлую массу индиговой краски. Мало-по-малу истерическій смѣхъ превратился въ пароксизмъ удушливаго кашля, и когда, наконецъ, прошелъ этотъ припадокъ, майоръ разразился такими восклицаніями:

— Что, сударыня, много взяли? а? М-съ Домби, сударыня! такъ ли-съ? Хе, хе, хе! Погодите, матушка, погодите немножко. Старичина Джой запуститъ спичку въ ваше колесо, славную спичку! Теперь мы сквитались, сударыня. Вамъ не удалось провести Джоза. Хитры вы, матушка, очень хитры, да только старикашка похитрѣе. Видали мы виды и теперь не спимъ. Старичище проснулся и глядитъ во всѣ глаза.

И точно, глаза майора чуть не лопались отъ ужаснаго напряженія. Большую часть ночи бѣсновался онъ самымъ неистовымъ образомъ: кричалъ, хохоталъ, кашлялъ, стучалъ и никому не давалъ спать.

На другой день, въ воскресенье, когда м-ръ Домби, м-съ Чиккъ и миссъ Токсъ сидѣли за завтракомъ, продолжая разговаривать о вчерашнемъ гостѣ, Флоренса вдругъ вбѣжала въ комнату съ разгорѣвшимся лицомъ и съ глазами, проникнутыми живѣйшей радостью.

— Папенька! — вскричала она, — папенька! Вальтеръ здѣсь! Онъ не смѣетъ войти.

— Кто? — вскричалъ м-ръ Домби. — Что это значитъ? о комъ говоришь ты?

— Вальтеръ, папа, — сказала робко Флоренса, испуганная суровымъ видомъ отца. — Тотъ самый, что нашелъ меня, когда я пропадала.

— Это, должно быть, молодой Гэй, Луиза, — сердито проговорилъ м-ръ Домби, обращаясь къ сестрѣ и нахмуривъ брови. — Обращеніе этой дѣвочки ни на что не похоже. Неужели она помнитъ молодого Гэя? Справься, что тамъ такое.

М-сь Чиккъ поспѣшила въ переднюю и черезъ минуту воротилась съ отвѣтомъ, что тамъ стоитъ молодой Гэй съ какимъ-то очень сграннымъ мужчиной. Гэй сказалъ, что они не смѣютъ войти, узнавъ, что м-ръ Домби завтракаетъ. Они рѣшились подождать.

— Пусть мальчикъ войдетъ сію-же минуту, сказалъ м-ръ Домби. — Что вамъ надобно, Гэй? зачѣмъ васъ послали? Развѣ кромѣ васъ некому пріѣхать ко мнѣ?

— Извините, сэръ, — отвѣчалъ Вальтеръ, — меня никто не посылалъ. Я осмѣлился пріѣхать по собственной надобности; надѣюсь, вы простите меня, когда узнаете, почему я васъ беспокою.

Но м-ръ Домби, не обращая вниманія на эти слова, съ нетерпѣніемъ старался разглядѣть какой-то предметъ, стоявшій позади Вальтера.

— Что тамъ такое? — сказалъ онъ, наконецъ. — Кто это съ вами, молодой человѣкъ? Эй, сэръ! Вы, кажется, не туда зашли, куда вамъ надо. Вы ошиблись дверью.

— Мнѣ очень непріятно, что я не одинъ васъ беспокою, — поспѣшилъ сказать Вальтеръ, — но это, сэръ, это капитанъ Куттль...

— Не робѣй, Валли! не робѣй, дружокъ! — замѣтилъ капитагъ Куттль басистымъ голосомъ.

Въ эту самую минуту изъ за спины Вальтера выдвинулась интересная фигура въ синемъ камзолѣ и въ рубашкѣ съ высочайшими воротниками. Капитанъ Куттль учтиво поклонился м-ру Домби и еще учтивѣе махнулъ передъ дамами желѣзнымъ крюкомъ, держа въ лѣвой рукѣ клеенчатую шляпу, отъ которой обозначались на лбу самые свѣжіе знаки, на подобіе краснаго экватора.

М-ръ Домби съ изумленіемъ и негодованіемъ осматривалъ этотъ феноменъ и въ то же время обратился взорами къ м-сь Чиккъ, какъ будто требовалъ отчета, зачѣмъ она впустила такого чучелу. Маленькій Павелъ, вошедшій за Флоренсой, остановился между миссъ Токсъ и капитаномъ, какъ будто хотѣлъ защитить свою надзирательницу отъ нападенія, когда капитанъ началъ размахивать желѣзнымъ крюкомъ.

— Говорите же, молодой человѣкъ, — сказалъ м-ръ Домби, — что вамъ надобно?

Въ эту критическую минуту капитанъ Куттль еще разъ счелъ за нужное ободрить робкаго юношу.

— Не робѣй, мой милый, — сказалъ онъ — держись крѣпче!

— Я очень опасаюсь, — началъ Вальтеръ дрожащимъ голосомъ, опустивъ глаза въ землю, — что вы сочтете большою дерзостью мою просьбу, но мнѣ непремѣнно должно предложить ее вамъ, сэръ. Быть можетъ, я никакъ бы не осмѣлился войти сюда и спросить объ васъ, если бы не имѣлъ счастья встрѣтить миссъ Домби и...

— Безъ предисловія! — сказалъ м-ръ Домби, пристально слѣдя глазами за Флоренсой, которая между тѣмъ ласковой улыбкой ободряла молодого человѣка, — говорите прямо, что вамъ нужно.

— Да, да, хорошо сказано! — замѣтилъ капитанъ, считая нужнымъ поддержать м-ра Домби, какъ человѣкъ, знающій толкъ въ хорошемъ обращеніи, — говори прямо, Валли, что тебѣ нужно.

Если бы видѣлъ капитанъ, какимъ взглядомъ подарилъ его м-ръ Домби, о если бы онъ видѣлъ это!.. Но, къ счастью, почтенный другъ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ не замѣчалъ ничего и, обращаясь къ м-ру Домби, значительно прищурилъ лѣвый глазъ, давая знать, что молодой малый еще очень застѣнчивъ, но это скоро пройдетъ.

— Меня привело сюда, сэръ, совершенно частное дѣло, которое лично касается до меня одного, — сказалъ Вальтеръ, запинаясь на каждомъ словѣ, — и капитанъ Куттль...

— Здѣсь я! — вскричалъ капитанъ, давая понять, что ужъ онъ не покинетъ молодого человека.

— Капитанъ Куттль — предобрѣйшій человѣкъ и старый другъ моего дяди, — продолжалъ Вальтеръ, поднимая глаза съ видомъ просьбы за капитана, — былъ такъ добръ, что вызвался ѣхать со мною, и мнѣ никакъ нельзя было отказаться...

– Еще бы! – замѣтилъ снисходительно капитанъ, – конечно нельзя. Хорошо, Вальтеръ: продолжай.

– И поэтому, сэръ, – началъ рѣшительнымъ тономъ Вальтеръ, видя неизбежную необходимость скорѣе подойти къ развязкѣ, – поэтому я вынужденъ былъ пріѣхать вмѣстѣ съ капитаномъ Куттлемъ и сказать вамъ, что бѣдный мой дядя находится въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ. Заведеніе его постепенно пришло въ упадокъ, и онъ не въ состояніи выплатить долгъ по заемному письму, представленному ко взысканію. Теперь въ магазинъ его собираются дѣлать опись: онъ долженъ потерять все и, вѣроятно, не переживетъ этого несчастья. Между тѣмъ, сэръ, вы знаете моего дядю, какъ честнаго и почтеннаго человѣка; если бы вы благоволили вывести насъ изъ этой крайности, мы никогда бы не забыли вашего благодѣянія.

Вальтеръ заплакалъ. На глазахъ Флоренсы тоже засверкали слезы, и отецъ хорошо замѣтилъ это, хотя, по-видимому, смотрѣлъ только на Вальтера.

– Сумма весьма значительная, – продолжалъ молодой человѣкъ, – больше трехсотъ фунтовъ. Дядя мой совершенно упалъ духомъ и ничего не способенъ предпринять. Ему даже неизвѣстно, что я теперь имѣю честь говорить съ вами. Я все сказалъ, сэръ, – прибавилъ Вальтеръ послѣ нѣкотораго колебанія, – и теперь, какъ вы изволите видѣть, участь наша единственно зависитъ отъ васъ. Конечно, мы не имѣемъ правъ на вашу благосклонность; но... я, право, не знаю... но кажется, я даже увѣренъ, что другихъ требованій не будетъ на товары моего дяди, и капитанъ Куттль, съ своей стороны, предлагаетъ также обезпеченіе. Что же касается до меня собственно, я не могу... я не смѣю... мое жалованье не велико... но если позволите, экономія... трудъ... исподволь... какъ-нибудь... надѣюсь... дядя мой бережливый великодушный старикъ.

Еще нѣсколько безсвязныхъ словъ, и Вальтеръ умолкъ, повѣсивъ голову, съ трепетомъ ожидая рѣшенія своей участи. Эта минута показалась капитану Куттлю самой удобной для обнаруженія цѣнности своихъ вещей. Онъ подошелъ къ столу, гдѣ завтракалъ м-ръ Домби, расчистилъ между тарелками сколько нужно было мѣста, выложилъ серебряные часы, наличныя деньги, ложечки, щипчики и, расположивъ все это искуснѣйшимъ образомъ, чтобы какъ можно болѣе бросить пыли въ глаза, разразился такими словами:

– Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки, говоритъ всеобщая пословица. Вотъ вамъ и синица, государь мой! Да еще годовой мой пансіонъ, сотня фунтовъ стерлинговъ, тоже къ вашимъ услугамъ. Ежели есть на свѣтѣ человѣкъ съ головой, напичканной познаніями, такъ это, рекомендую вамъ, старикъ Соломонъ Гильсъ. А если есть на свѣтѣ мрлодой парень, у котораго будущность – обѣтованная земля, текущая млекою и медомъ, такъ это, скажу я вамъ, племянникъ старика Соля.

Отпустивъ эту сентенцію, капитанъ сталъ на прежнее мѣсто и самодовольно началъ разглаживать свои волосы, какъ человѣкъ, счастливо окончившій трудное предпріятіе.

Когда Вальтеръ пересталъ говорить, глаза м-ра Домби обратились на маленькаго Павла, который между тѣмъ выразительно посматривалъ на Вальтера и своего отца, стараясь въ то же время утѣшить сестру, огорченную печальными извѣстіями. Флоренса стояла, опустивъ голову, и тихонько плакала. Послѣ храброй выходки капитана Куттля, принятой, разумѣется, съ высочайшимъ хладнокровіемъ, м-ръ Домби опять обратилъ глаза на своего сына и смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ, не говоря ни слова.

– Какимъ образомъ Гильсъ задолжалъ такую сумму? – спросилъ, наконецъ, м-ръ Домби. – Кто настоящій кредиторъ?

– Онъ этого не знаетъ, – отвѣчалъ капитанъ, положивъ руку на плечо Вальтера. – Мнѣ все извѣстно. Это, видите ли, поручительство за одного пріятеля, теперь уже покойника, который стоилъ старику Гильсу многихъ сотенъ фунтовъ. Подробности, если угодно, я сообщу вамъ наединѣ.

– Людямъ съ ограниченнымъ состояніемъ, – сказалъ м-ръ Домби, продолжая смотрѣть на своего сына и не обращая ни малѣйшаго вниманія на таинственные знаки капитана Куттля, – слѣдуетъ заниматься исключительно собственными дѣлами и не увеличивать своихъ затрудненій безумными обязательствами за другихъ людей. Это нечестно и самонадѣянно, – прибавилъ м-ръ Домби съ важностью, – слишкомъ самонадѣянно даже для богача. Павелъ, поди сюда!

Когда ребенокъ подошелъ, м-ръ Домби посадилъ его на колѣни.

– Еслибъ у тебя были теперь деньги, – сказалъ м-ръ Домби... да смотри на меня!

Павелъ, котораго глаза были обращены на сестру и на Вальтера, взглянулъ на лицо своего отца.

– Еслибъ теперь у тебя было столько денегъ, – сказалъ м-ръ Домби, – сколько нужно молодому Вальтеру, что бы ты сдѣлалъ?

– Я бы отдалъ ихъ старому дядѣ, – отвѣчалъ Павелъ.

– То есть, ты далъ бы ихъ взаймы, – поправилъ м-ръ Домби. – Хорошо. Ты уже выросъ довольно для того, чтобы распоряжаться моими деньгами: мы станемъ вмѣстѣ вести дѣла.

– Домби и Сынъ, – прервалъ Павелъ, рано приученный къ этой фразѣ.

– Домби и Сынъ, – повторилъ отецъ. – Начни же быть теперь Домби и Сыномъ; хочешь ли дать взаймы денегъ дядѣ молодого Гэя?

– Хочу, хочу, папенька, – отвѣчалъ Павелъ – и Флоренса тоже хочетъ.

– Дѣвочкамъ, – сказалъ м-ръ Домби, – нечего давать при Домби и Сынѣ. Хочешь ли ты одинъ?

– О да, хочу, папенька!

– Ну, такъ ты дашь ему, – возразилъ отецъ. – Видишь ли теперь, Павелъ, – продолжалъ онъ понизивъ голосъ, – какъ могущественны деньги и какъ жалокъ человѣкъ безденежный! Молодой Гэй съ отчаяніемъ ѣхалъ сюда добывать денегъ, а ты, человѣкъ богатый, великій, располагая деньгами, оказываешь ему величайшую милость и одолженіе.

Молодой Павелъ слушалъ внимательно и смотрѣлъ на отца, какъ маститый старецъ, исполненный глубокихъ думъ и размышленій; но его лицо мгновенно приняло веселое и совершенно дѣтское выраженіе, когда онъ соскочилъ съ колѣней отца и побѣждалъ къ Флоренсѣ съ радостною вѣстью, что Вальтеру сейчасъ будутъ даны деньги и что, слѣдовательно, не о чемъ больше плакать.

Между тѣмъ м-ръ Домби обратился къ столу и началъ писать. Въ этотъ промежутокъ времени Павелъ и Флоренса втихомолку завязали разговоръ съ Вальтеромъ, и капитанъ Куттль смотрѣлъ на прелестную группу съ такими торжественными и самонадѣянными мыслями, какихъ, конечно, и не грезилось величественному представителю знаменитой фирмы. Когда записка была кончена и запечатана, м-ръ Домби, принимая прежнюю позу, подозвалъ Вальтера и сказалъ:

– Завтра поутру вы отдадите это м-ру Каркеру, и онъ сдѣлаетъ немедленные распоряженія, чтобы вашего дядю вывели изъ крайности, заплативъ его долгъ. Въ то же время пусть будутъ приняты мѣры, чтобы сумма была возвращена въ контору, сообразно съ обстоятельствами. Вы должны помнить, что все это дѣлаетъ для васъ молодой Павелъ.

Вальтеръ, переполненный радостными ощущеніями, хотѣлъ внѣшними знаками выразить свою благодарность; но м-ръ Домби круто остановилъ его:

– Вы должны помнить, говорю я, что все это сдѣлалъ мой Павелъ. Я объяснилъ ему сущность дѣла, и онъ все понимаетъ. Ни слова больше.

И онъ указалъ на дверь. Вальтеръ поклонился и вышелъ. Когда вслѣдъ за нимъ хотѣлъ идти и капитанъ Куттль, миссъ Токсъ, проливавшая между тѣмъ обильные потоки слезъ вмѣстѣ со своей пріятельницей, обратилась въ тревожномъ волненіи къ м-ру Домби:

– Извините меня, о великодушнѣйшій изъ смертныхъ, ахъ, извините меня!.. но вы въ порывѣ благороднѣйшихъ щедротъ высокой души вашей забыли нѣкоторыя подробности...

– Какія, миссъ Токсъ? – сказалъ м-ръ Домби.

– Этотъ джентльменъ, что съ инструментомъ, – продолжала миссъ Токсъ, взглянувъ на капитана, – оставилъ на столѣ, подлѣ вашего локтя...

– Боже небесный! – сказалъ м-ръ Домби, сметая имущество капитана Куттля, какъ хлѣбныя крошки. – Возьмите отсюда эти вещи. Очень вамъ благодаренъ, миссъ Токсъ: вы всегда предусмотрительны. Эй, сэръ, уберите отсюда эти вещи!

Капитанъ Куттль увидѣлъ настоятельную необходимость повиноваться. Сложивъ въ одинъ карманъ чайныя ложки и сахарныя щипчики, въ другой – наличныя деньги и серебряныя часы, онъ съ безмолвнымъ изумленіемъ обратилъ свои взоры на безкорыстнаго благодѣтеля и, въ порывѣ восторженнаго сердца, схвативъ правую руку м-ра Домби въ свою одинокую лѣвую мышцу, такъ притиснулъ ее желѣзнымъ крюкомъ, что м-ръ Домби затрепеталъ всѣмъ тѣломъ отъ этого могучаго прикосновенія горячаго чувства и холоднаго желѣза.

Наконецъ, капитанъ Куттль, ловко рисуясь передъ дамами, съ большой любезностью поцѣловалъ нѣсколько разъ свой крюкъ и распрощался особеннымъ образомъ съ Павломъ и Флоренсой, провожавшими Вальтера изъ комнаты. Флоренса, въ порывѣ усердія, побѣжала за ними, чтобы переслать поклонъ старику Солю, но м-ръ Домби сурово отозвалъ ее и приказалъ остановиться.

– Неужели ты н_и_к_о_г_д_а не будешь Домби, моя милая! – сказала м-съ Чиккъ съ патетическимъ упрекомъ.

– Тетенька, – проговорила Флоренса, – не сердитесь на меня; я не знаю, какъ благодарить милаго папеньку!

Бѣдное дитя! Она бы хотѣла побѣжать и броситься къ нему на шею; но, не смѣя этого сдѣлать, робко остановилась среди комнаты и обратила на отца благодарныя взоры. М-ръ Домби изрѣдка посматривалъ на взволнованную дочь, но по большей части онъ наблюдалъ Павла, который между тѣмъ ходилъ по комнатамъ съ чувствомъ новаго достоинства при мысли, что ссудилъ деньгами молодого Гэя.

А молодой Вальтеръ Гэй, – что съ нимъ?

Онъ летѣлъ къ своему дядѣ съ пріятною вѣстью и не помнилъ себя отъ радости при мысли, что не далѣе какъ завтра, еще до обѣда, онъ очиститъ жилище старика Соломона отъ всѣхъ возможныхъ маклеровъ и присяжныхъ оцѣнщиковъ. Онъ не могъ не радоваться, живо представляя, что съ завтрашняго вечера мастеръ всѣхъ морскихъ инструментовъ опять спокойно будетъ сидѣть въ своей гостиной съ капитаномъ Куттлемъ, опять почувствуетъ, что деревянный мичманъ – его неотъемлемая собственность, и опять будетъ строить воздушныя замки вмѣстѣ съ закадычнымъ пріятелемъ, который представилъ ему новое блистательное доказательство неизмѣнной дружбы. Но при всемъ томъ, надо признаться, молодой Гэй, несмотря на глубокую благодарность къ м-ру Домби, сильно чувствовалъ евое униженіе. Когда буйный вѣтеръ совершенно непредвидѣннымъ образомъ вырываетъ съ корнемъ расцвѣтающія надежды, тогда, и особенно тогда, воображеніе рисуетъ во всей полнотѣ роскошныя цвѣты, едва не разросшіеся отъ этого корня, теперь погибшаго безвозвратно. Когда Вальтеръ увидѣлъ, что это новое ужасное паденіе положило неизмѣримую бездну между нимъ и фамиліей Домби, когда онъ понялъ, что прежнія дикія мечты разлетѣлись теперь вдребезги, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно началъ подозрѣвать, что со временемъ, въ неопредѣленной дали, онѣ могли бы превратиться для него въ блистательную дѣйствительность, украшенную всѣми радостями счастливой жизни и увѣнчанной любви.

Капитанъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на предметъ съ другой точки зрѣнія. По его понятіямъ, отъ послѣдняго свиданія Вальтера съ Флоренсой до настоящаго обрученія оставался не болѣе, какъ одинъ шагъ, много – два, и не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ жизни

молодого Гэя повторится исторія Ричарда Виттингтона, знаменитаго начальника городской думы. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ и вмѣстѣ ободренный веселостью стараго пріятеля, онъ три раза въ одинъ вечеръ пропѣлъ свою любимую балладу и даже сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя, очень удачныя измѣненія, поставивъ вмѣсто «Пегъ», героини стихотворенія, имя Флоренсы, такъ однако-жъ, что въ стихѣ не разстроились ни размѣръ, ни риѳма. Долго и громко распѣвалъ капитанъ Куттль и вовсе, по-видимому, забылъ, что давно наступило время проститься съ счастливой компаніей и искать ночлега въ жилищѣ страшной Макъ Стингеръ.

Глава XI

Павелъ выступаетъ на новую сцену

Организмъ у м-съ Пипчинъ былъ просто желѣзный, и никакіе признаки не оправдывали печальныхъ предсказаній м-съ Виккемъ. Воспитательница благородныхъ дѣтей попрежнему кушала за столомъ жирныя котлеты, подкрѣпляла себя на сонъ грядущій сладкими пирожками и была, слава Богу, совершенно здорова. Но такъ какъ Павелъ продолжалъ вести себя неизмѣнно одинаковымъ образомъ въ отношеніи къ старой леди, м-съ Виккемъ не отступила ни на шагъ отъ принятой позиціи. Подкрѣпляя и ограждая себя побѣдительнымъ примѣромъ Бетси Джанны, она совѣтовала по-дружески миссъ Берри заранѣе приготовить себя къ страшному событію, потому что тетущку ея того и гляди взорветъ, какъ пороховую бочку и... поминай, какъ звали!

Бѣдная миссъ Беринтія принимала все это за чистыя деньги и продолжала каждый день работать со всѣмъ усердіемъ, какъ самая преданная и безотвѣтная раба, въ томъ убѣжденіи, что м-съ Пипчинъ была предпочтеннѣйшая дама въ цѣломъ свѣтѣ, и, конечно, на алтарь этой старушки можно и должно было приносить безчисленныя жертвоприношенія. Эта безусловная преданность племянницы и вмѣстѣ достопамятная кончина супруга на перувіанскихъ рудникахъ содѣйствовали удивительнымъ образомъ къ возвышенію достоинствъ м-съ Пипчинъ, и всѣ, безъ исключенія, друзья и сосѣди, были того мнѣнія, что такая дама – чудо въ нашемъ свѣтѣ.

Неподалеку отъ укрѣпленнаго замка воспитательницы благородныхъ дѣтей жилъ одинъ негоціантъ, производившій по мелочамъ торговлю жизненными припасами, или, выражаясь простымъ слогомъ, жилъ мелочной лавочникъ, у котораго м-съ Пипчинъ, по обыкновенію, забирала на книжку разныя продукты къ завтраку и къ чаю. По поводу этой книжки, въ красномъ переплетѣ и чрезвычайно засаленной, у м-съ Пипчинъ происходили по временамъ съ безпокойнымъ лавочникомъ разныя и всегда таинственныя совѣщанія въ сѣняхъ или въ передней, и въ эту пору двери въ гостиную всегда были заперты крѣпко-накрѣпко. Случалось, молодой Байтерстонъ, у котораго натура, разогрѣтая первоначально знойными лучами индѣйскаго солнца, была очень мстительная, намекалъ, и зло намекалъ, какъ однажды лавочникъ, вообще недовольный счетами м-съ Пипчинъ, отказался прислать къ чаю сахарнаго песка, и какъ, по этому поводу, они вовсе не пили чаю. Этотъ лавочникъ – малый холодный и вовсе не такого десятка, чтобы въ женщинѣ цѣнить за что-нибудь ея наружную красоту – осмѣлился однажды смиренно попросить у м-съ Пипчинъ руку ея племянницы, и м-съ Пипчинъ, само собою разумѣется, не преминула сдѣлать самый грозный отказъ дерзкому нахалу, сопровождаемый презрѣніемъ и ругательствами. Всѣ потомъ говорили, и долго говорили, какъ это было похвально со стороны м-съ Пипчинъ, владѣвшей вообще твердымъ и независимымъ характеромъ; но никто ни полъ-словомъ не заикнулся о бѣдной миссъ Беринтіи, которая между тѣмъ плакала цѣлыхъ шесть недѣль по причинамъ весьма основательнымъ: во-первыхъ, тетка безъ умолку ругала ее во все это время, а во-вторыхъ – это, конечно, всего важнѣе и всего убійственнѣе – несчастная увидѣла, что съ этой поры она на вѣки вѣчныя попадаетъ въ разрядъ хранительницъ цѣломудреннаго дѣвства.

– Берри васъ очень любитъ, – не правда ли? – спросилъ однажды Павелъ свою собесѣдницу, когда они сидѣли у камина съ неразлучнымъ котомъ.

– Да, – сказала м-съ Пипчинъ.

– За что? – спросилъ Павелъ.

– Какъ за что? – возразила озадаченная старуха. – Можешь ли ты объ этомъ спрашивать, мой милый! За что ты любишь свою сестрицу?

– За то, что она очень добра, – сказалъ Павелъ. – Никто не сравнивается съ Флоренсой.

– Ну, такь воть видишь ли, мой милый: и со мной никто не сравняется.

– Право? – вскричалъ Павелъ, потягиваясь въ своихъ креслахъ и выразительно всматриваясь въ лицо собесѣдницы.

– Да, да, – проговорила старуха.

– Какъ я радъ! – замѣтилъ Павелъ, потирая руками. – Это очень хорошо!

М-съ Пипчинъ уже не спрашивала, почему это очень хорошо. Вѣроятно, она не надѣялась получить удовлетворительнаго отвѣта, и потому, чтобы сорвать на комъ-нибудь досаду, напустилась съ ужаснѣйшимъ остервенѣніемъ на молодого Байтерстона, такъ что бѣдный малый рѣшился съ того же дня дѣлать необходимыя приготовленія для сухопутнаго путешествія въ Индію: за ужиномъ онъ тихонько спряталъ четверть булки и кусокъ голландскаго сыру, положивъ такимъ образомъ начало запасной провизіи для преднамѣреннаго путешествія.

Уже двѣнадцать мѣсяцевъ м-съ Пипчинъ сторожила и караулила маленькаго Павла съ его сестрою. Въ это время два-три раза они ѣздили домой, и однажды пробыли въ Лондонѣ нѣсколько дней. М-ръ Домби съ неизмѣнной точностью каждую недѣлю пріѣзжалъ въ Брайтонъ и останавливался въ гостиницѣ. Мало-по-малу Павелъ сдѣлался сильнѣе и уже могъ ходить пѣшкомъ по морскому берегу, хотя онъ все еще былъ крайне слабъ и, собственно говоря, смотрѣлъ такимъ же старымъ, спокойнымъ, сонливымъ ребенкомъ, какимъ читатель видѣлъ его при первомъ появленіи въ этомъ домѣ. Разъ, въ субботу послѣ обѣда, въ сумерки, во всемъ замкѣ поднялась ужасная суматоха, когда вдругъ, совершенно неожиданно доложили, что м-ръ Домби желаетъ видѣть м-съ Пипчинъ. Мгновенно все народонаселеніе гостиной, какъ будто на крыльяхъ вихря, полетѣло наверхъ, захлопало дверьми, затопало ногами, и когда, наконецъ, по восстановленіи приличной тишины и спокойствія, м-съ Пипчинъ, приколотивъ хорошенько молодого Байтерстона, явилась въ гостиную въ своемъ черномъ бомбазинѣ, м-ръ Домби уже былъ тамъ и глубокомысленно наблюдалъ пустое кресло своего сына и наслѣдника.

– Какъ ваше здоровье, м-съ Пипчинъ? – сказалъ м-ръ Домби.

– Покорно благодарю, сэръ, – отвѣчала м-съ Пипчинъ, – я чувствую себя очень хорошо, если взять въ расчетъ...

М-съ Пипчинъ всегда употребляла такую форму отвѣта. Собесѣдникъ уже самъ долженъ былъ взять въ расчетъ ея добродѣтели, пожертвованія и такъ далѣе.

– Совершенно здоровой мнѣ, конечно, и быть нельзя, – продолжала м-съ Пипчинъ, придвигая стулъ и переводя духъ, – но я благодарна и за это здоровье.

М-ръ Домби слегка наклонилъ голову и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

– Я принялъ смѣлость зайти къ вамъ, милостивая государыня, посовѣтоваться насчетъ моего сына. Уже давно было у меня это намѣреніе, но я отлагалъ его день ото дня, дожидаясь, пока Павелъ выздоровѣетъ совершенно. Какъ вы теперь находите его здоровье, м-съ Пипчинъ?

– Брайтонскій воздухъ, по моему мнѣнію, принесъ ему большую пользу, – отвѣчала м-съ Пипчинъ.

– То-есть, пребываніе въ Брайтонѣ оказалось для него очень полезнымъ, – сказалъ м-ръ Домби, – я то же думаю.

М-съ Пипчинъ потерла руками и обратила глаза на каминъ.

– Но, быть можетъ, – продолжалъ м-ръ Домби, – теперь необходимъ для него другой образъ жизни, нужна перемѣна въ его состояніи. Объ этомъ-то я и пришелъ съ вами посовѣтоваться. Сынъ мой на дорогѣ жизни идетъ впередъ, м-съ Пипчинъ, быстро идетъ впередъ

Была какая-то меланхолія въ торжественномъ тонѣ, съ какимъ м-ръ Домби произнесъ эти слова. Ясно, что для него слишкомъ длиннымъ казался дѣтскій возрастъ его сына, и что, по его понятіямъ, было еще далеко, очень далеко до той счастливой поры, когда наступить, наконецъ, исполненіе завѣтныхъ желаній души его. М-ръ Домби былъ почти жалокъ въ эту минуту, хотя понятіе жалости никакъ не клеится съ этимъ гордымъ и холоднымъ субъектомъ.

– Ему уже шесть лѣтъ! – сказалъ м-ръ Домби, поправляя галстухъ, быть можетъ, для того, чтобы лучше скрыть едва примѣтную улыбку, мелькнувшую на поверхности его лица. – Великій Боже! не успѣешь оглядѣться, какъ шестилѣтній мальчикъ превратится въ шестнадцатилѣтняго юношу!

– Ну, десять лѣтъ, сэръ, не скоро пройдутъ! – прокаркала холодная старуха, страшно мотая головой.

– Это зависитъ отъ обстоятельствъ, – возразилъ м-ръ Домби. – Во всякомъ случаѣ, сыну моему уже шесть лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнiя, онъ въ своихъ понятiяхъ отсталъ отъ многихъ дѣтей своего возраста. Но дѣло вотъ въ чемъ: сынъ мой долженъ быть не позади, а впереди, далеко впереди своихъ ровесниковъ. Передъ нимъ уже готовое, высокое поприще – и сыну ли моему встрѣчать препятствiя или неудачи на первыхъ ступеняхъ общественнаго воспитанiя? Путь его жизни, ясный и чистый, предопредѣленъ и предусмотрѣнъ еще прежде его бытiя: какъ же отсрочивать образованiе молодого джентльмена съ такимъ возвышеннымъ назначенiемъ? Я не допущу, я не потерплю никакихъ недостатковъ, никакихъ пробѣловъ въ его воспитанiи. Все должно быть устроено наилучшимъ, наисовершеннѣйшимъ образомъ и будетъ устроено.

– Вы правы, сэръ, – отвѣчала м-съ Пипчинъ, – я ничего не могу сказать противъ вашихъ намѣренiй.

– Я и не сомнѣваюсь въ этомъ, м-съ Пипчинъ, – благосклонно сказалъ м-ръ Домби, – особа съ вашимъ умомъ пойметъ, должна понять, всю важность высокихъ цѣлей Домби и Сына.

– Много вздору, много нелѣпостей болтаютъ нынче о томъ, будто не должно слишкомъ торопиться развитiемъ молодыхъ умовъ, – проговорила м-съ Пипчинъ, съ нетерпѣнiемъ качавъ головой. – Нынче ужъ, видно, умъ за разумъ зашелъ, а въ мое время не такъ думали объ этомъ предметѣ. Я очень рада, сэръ, что мои мысли въ этомъ случаѣ совершенно согласны съ вашими; "торопи, толкай ребенка, если хочешь изъ него сдѣлать человѣка" – вотъ мое правило!

– Не даромъ же вы, почтенная м-съ Пипчинъ, приобрѣли такую огромную репутацiю, – возразилъ м-ръ Домби. – Прошу васъ быть увѣренной, что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, я совершенно доволенъ вашей методой дѣтскаго воспитанiя и поставлю себя за величайшее удовольствiе рекомендовать васъ при всякомъ случаѣ, если только моя скромная рекомендацiя принесетъ вамъ какую-нибудь пользу. Я теперь думалъ о докторѣ Блимберѣ, м-съ Пипчинъ.

– Какъ? о моемъ сосѣдѣ? – вскричала м-съ Пипчинъ. – У доктора, по моему мнѣнiю, превосходное заведенiе. Молодые люди, какъ я слышала, учатся тамъ отъ утра до ночи, и порядокъ во всемъ удивительный.

– И цѣна весьма значительная! – прибавилъ м-ръ Домби. – Я уже говорилъ съ докторомъ, м-съ Пипчинъ, и, по его мнѣнiю, Павелъ совершенно созрѣлъ для полученiя образованiя. Онъ приводилъ многiе примѣры, что дѣти именно въ этомъ возрастѣ начинали учиться по-гречески, и съ блистательнымъ успѣхомъ. Но я не объ этомъ беспокоюсь, м-съ Пипчинъ, дѣло вотъ видите ли въ чемъ: сынъ мой, вырастая безъ матери, сосредоточилъ всю привязанность на своей сестрѣ, и любовь эта, конечно, дѣтская, но все же чрезмѣрная, признаюсь вамъ, слишкомъ беспокоитъ меня. Разлука ихъ не будетъ ли...

И, не окончивъ фразы, м-ръ Домби погрузился въ глубокое раздумье.

– Ба, ба, ба! – возопила м-съ Пипчинъ, взъерошивая бомбазиновое платье и мгновенно принимая свой всегдашнiй видъ дѣтской вопительницы. – Есть о чемъ беспокоиться! Да если ей не угодно будетъ съ нимъ разстаться, на это у насъ, съ вашего позволенiя, найдутся ежовыя рукавички.

Добрая лэди тутъ же извинилась, что употребила слишкомъ простонародную фразу. – Я всегда такъ обращаюсь съ ними, – сказала она и совершенно особеннымъ образомъ закинула свою безобразную голову, какъ будто собиралась привести въ трепетъ цѣлую стаю непокорныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. М-ръ Домби терпѣливо выждалъ окончанiя этихъ припадковъ и, когда его почтенная собесѣдница перестала бѣсноваться, сказалъ спокойнымъ тономъ:

– Не о н_е_й думаю я, м-сь Пипчинъ; съ нимъ что будетъ?

М-сь Пипчинъ съ одинаковой увѣренностью могла бы похвалиться, что она точно такой же способъ врачеванія готова употребить и для маленькаго Павла; но ея сѣрый проницательный глазъ благовременно усмотрѣлъ, что м-ръ Домби не могъ одобрить этого рецепта въ отношеніи къ сыну, хотя въ то же время признавалъ всю его дѣйствительность относительно дочери. Поэтому она тотчасъ же перевернула аргументъ и очень основательно начала доказывать, что новые предметы, новый образъ жизни, новое разнообразное общество въ заведеніи Блимбера и, наконецъ, новыя, разумѣется, довольно трудныя занятія, – все это мало-по-малу и незамѣтнымъ образомъ заставитъ умнаго мальчика выбросить изъ головы свою сестру. Такъ какъ эта мысль совершенно согласовалась съ собственными надеждами и предположеніями м-ра Домби, то нѣтъ ничего удивительнаго, если джентльменъ этотъ получилъ еще высшее понятіе о разсудительности м-сь Пипчинъ, тѣмъ болѣе, что теперь она представила рѣдкій образецъ безкорыстія, разлучаясь такъ легко съ своимъ маленькимъ другомъ, хотя, собственно говоря, ударъ этотъ былъ не внезапный, потому что сначала предполагалось отдать ей ребенка всего на три мѣсяца. Было ясно, что м-ръ Домби заранѣе обдумалъ и зрѣло обсудилъ свой многосложный планъ, состоящій въ томъ, что маленькій Павелъ на первое полугодіе поступитъ къ доктору Блимберу, какъ недѣльный пансіонеръ, а сестра его между тѣмъ останется у м-сь Пипчинъ и будетъ принимать къ себѣ брата по субботамъ. Такое распоряженіе, – думалъ чадолюбивый отецъ, – исподволь отвлечетъ сына отъ предмета его привязанности; вѣроятно, онъ хорошо помнилъ, какъ неосторожно первый разъ младенецъ былъ оторванъ отъ своей любимой кормилицы!

Оканчивая свиданіе, м-ръ Домби выразилъ надежду, что м-сь Пипчинъ, вѣроятно, благоволятъ удержать за собою должность верховной надзирательницы надъ его сыномъ, пока тотъ будетъ учиться въ Брайтонѣ. Потомъ онъ поцѣловалъ Павла, подержалъ руки Флоренсы, искоса взглянулъ на бѣлый парадный воротничекъ молодого Байтерстона и погладилъ по головкѣ миссъ Панки, отчего бѣдная дѣвочка громко заплакала, потому что нѣжность какъ разъ пришла по тому самому мѣсту, гдѣ м-сь Пипчинъ щиколками своихъ пальцевъ производила свои обыкновенныя наблюденія, стучая по головѣ, какъ по винному боченку. Уходя, м-ръ Домби еще разъ изволилъ объявить, что, такъ какъ сынъ его уже выросъ и совершенно поправился въ здоровьи, то нѣтъ сомнѣнія, образованіе его пойдетъ блистательно, какъ скоро д-ръ Блимберъ возьметъ его въ свои руки.

И точно, если молодой джентльменъ попадался въ руки къ Блимберу, онъ всегда чувствовалъ нѣкоторое довольно плотное давленіе, какъ будто его сжимали тисками. Докторъ, по обыкновенію, занимался образованіемъ только десяти мальчиковъ, но у него всегда было въ запасѣ ученья, по крайней мѣрѣ, для цѣлой сотни молодыхъ головъ; зато этотъ несчастный десятокъ былъ заваленъ по горло всякой всячиной, къ невыразимому наслажденію мудраго педагога, у котораго единственную цѣлью въ жизни было мучить бѣдныхъ дѣтей.

Учебное заведеніе д-ра Блимбера было, собственно говоря, ни больше ни меньше, какъ огромная теплица; гдѣ безпрестанно пускались въ ходъ всѣ возможные аппараты для произведенія скорѣйшаго плода. Умственный зеленый горохъ обыкновенно поспѣвалъ къ Рождеству, а духовную спаржу можно было добывать во всякое время года. Математическій крыжовникъ, насаженный опытной рукою Блимбера, мгновенно доставлялъ плоды, немножко кислые, но все-таки годные для употребленія. Каждое прозябаніе, греческое или латинское, мигомъ выросло на сухихъ вѣтвяхъ подъ всѣми широтами и поясами дѣтскаго климата. Природа тутъ была нипочемъ. Д-ръ Блимберъ, и не соображаясь съ природой, такъ или иначе, заставлялъ всякую почву произращать какіе угодно плоды.

Все это было чрезвычайно весело и очень остроумно, но система принужденія обыкновенно сопровождалась своими печальными послѣдствіями. Скороспѣлые фрукты не имѣли свойственнаго имъ вкуса и держались недолго. Одинъ молодой джентльменъ, старшій въ заве-

деніи, малый съ преогромной головой и раздутымъ носомъ, уже благополучно прошелъ черезъ всѣ педагогическія мытарства, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро совершенно отказался цвѣсти и навсегда остался въ заведеніи, какъ чистый стебель. Говорили, будто докторъ уже черезчуръ переучилъ молодого Тутса, и бѣдняга вдругъ потерялъ мозгъ, какъ скоро появился пушокъ на его бородѣ.

Какъ бы то ни было, молодой Тутсъ совершенно лишился своего мозга. Зато у него оказались прегустыя бакенбарды и чудесный басистый голосъ. Онъ прищипливалъ къ рубашкѣ красивую булавку и, по обыкновенію, носилъ въ жилетномъ карманѣ маленькое колечко, которое украдкой надѣвалъ на мизинецъ всякій разъ, когда воспитанники выходили гулять. Онъ постоянно влюблялся съ перваго взгляда во всякую няньку, хотя, къ сожалѣнію, ни одна нянька не обращала на него ни малѣйшаго вниманія.

Д-ръ Блимберъ былъ очень дюжій, толстый джентльменъ въ черномъ платьѣ съ панталонами, засученными подъ чулки, перевязанными у колѣнъ красивыми лентами, какъ щеголяли встарину англійскіе дэнди. Онъ имѣлъ очень свѣтлую плѣшивую голову, басистый голосъ и подбородокъ ужасно раздвоенный, такъ что никакъ нельзя было понять, какимъ образом могла дѣйствовать бритва въ этой чудной впадинѣ. Его маленькіе глаза были всегда наполовину закрыты; а ротъ всегда наполовину открывался для выраженія лукавой улыбки, какъ будто въ эту самую минуту докторъ ставилъ втупикъ маленькаго шалуна и дожидался, пока тотъ обличить себя собственными устами. Когда докторъ закладывалъ правую руку въ боковой карманъ своего сюртука, а лѣвую закидывалъ назадъ, и при этомъ слегка кивалъ головою, дѣлая самыя обыкновенныя замѣчанія слабонервному незнакомцу, его фигура въ совершенствѣ походила на сфинкса, изрекающій свои непреложные приговоры.

У доктора былъ въ Брайтонѣ очень хорошій домъ на морскомъ берегу, архитектуры, правда, весьма невеселой, даже, можно сказать, совершенно печальной. Темноцвѣтныя гардины, скудныя и тощія, скрывались въ углубленіи оконъ съ какимъ-то мрачнымъ уныніемъ. Стулья и столы были расположены рядами, какъ цифры на таблицѣ умноженія; каминныя въ парадныхъ комнатахъ почти икогда не отапливались и скорѣе похожи были на колодези, а гость, сидѣвшій передъ ними, представлялъ ведро; въ столовой не было ничего, напоминающаго какое-нибудь кушанье или напитокъ. Во всемъ домѣ ни малѣйшаго шума, кромѣ громкаго боя стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ въ залѣ, которыхъ звукъ слышался даже на чердакахъ. Общее безмолвіе нарушалось только глухимъ плачемъ молодыхъ джентльменовъ, в_о_р_к_о_в_а_в_ш_и_х_ъ за своими уроками, на подобіе печальныхъ голубей, запертыхъ въ голубятнѣ.

Миссъ Блимберъ, тонкая и довольно граціозная дѣвушка, ни мало не разстраивала своей оссбой общей степенности докторскаго дома. Въ этой дѣвицѣ, носившей коротенькіе курчавые волосы и зеленые очки на носу, не оказывалось ни малѣйшихъ слѣдовъ вѣтренности и легкомыслія, свойственныхъ ея полу и возрасту. Она, по-видимому, высохла и разсыпалась въ песокъ, работая въ душныхъ подземельяхъ мертвыхъ языковъ, а живыя нарѣчія не существовали для миссъ Блимберъ. Языку непремѣнно надлежало умереть, превратиться въ камень, и тогда только миссъ Блимберъ начала бы докапываться до его тайнъ, какъ неутомимый антикварій, для котораго не существуетъ живая природа.

Маменька ея, м-съ Блимберъ, была женщина неученая, однако-жъ съ большими претензіями на ученость, и, по обыкновенію, говаривала по вечерамъ, что, если бы со временемъ Господь Богъ привелъ ей познакомиться съ Цицерономъ, она умерла бы спокойно. Величайшей отрадой въ ея жизни было любоваться на молодыхъ учениковъ своего супруга, когда они выходили на улицу съ преширокими воротничками на рубашкахъ и высочайшими галстухами, рѣзко отличаясь отъ всѣхъ другихъ джентльменовъ: это былъ костюмъ въ совершенствѣ классическій, говорила она.

М-ръ Фидеръ, магистръ и помощникъ д-ра Блимбера, былъ чѣмъ-то вродѣ олицетвореннаго органа съ однимъ валомъ, на которомъ постоянно безъ всякихъ варіацій разыгрывалось нѣсколько однообразныхъ арій. Вѣроятно, въ раннюю эпоху молодости, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, къ нему можно было бы придѣлать еще два, три вала; но судьба этого не хотѣла, и м-ръ Фидеръ, пущенный на бѣлый свѣтъ съ однимъ только валомъ, посвятилъ себя отуманиванію молодыхъ головъ въ учебномъ заведеніи Блимбера. Рано молодые люди проникались печальными заботами всякаго рода и ни на минуту не находили отдыха въ туманной атмосферѣ окаменѣлыхъ глаголовъ, одичалыхъ существительныхъ и страшныхъ могильныхъ привидѣній омертвѣлаго синтаксиса. Благодаря насильственной системѣ воспитанія, молодой человѣкъ въ три недѣли однажды навсегда разставался съ здравымъ смысломъ; въ три мѣсяца взваливалъ на свои плечи всѣ заботы міра; въ четыре проникался самыми горькими чувствованіями противъ родственниковъ или опекуновъ; въ пять становился совершеннымъ мизантропомъ; въ полгода начиналъ завидовать бездонной пропасти Квинта Курція, а въ концѣ перваго года онъ приходилъ къ рѣшительному, неизмѣнному заключенію, что всѣ мечтанія поэтовъ и уроки мудрецовъ были ничто иное, какъ собраніе словъ и грамматическихъ правилъ, безъ всякаго внутренняго значенія и смысла!

И все-таки расцвѣталъ онъ, убійственно расцвѣталъ цѣлые годы въ огромной педагогической теплицѣ, и слава мудраго доктора достигала до необозримой высоты, когда онъ отправлялъ, наконецъ, свои зимнія растенія на ихъ родимую сторону, подъ кровлю родственниковъ и друзей.

Однажды, на порогѣ докторскаго дома, остановился съ трепещущимъ сердцемъ маленькій Павелъ, ведомый за одну руку отцомъ, за другую – Флоренсой. Позади, какъ злобѣйшій воронъ, шествовала м-съ Пипчинъ, съ своимъ чернымъ плюмажемъ и крючковатымъ носомъ. По-видимому, она задыхалась отъ усталости, потому-что м-ръ Домби, исполненный великихъ мыслей, шелъ очень скоро. Съ трудомъ переводя духъ, она прокаркала охриплымъ голосомъ, чтобы отворили дверь.

– Вотъ, любезный Павелъ, – сказала м-ръ Домби возвышеннымъ тономъ, – вотъ дѣйствительное средство наживать денги и сдѣлаться истиннымъ Домби и Сыномъ. Ты уже почти человѣкъ.

– Почти, – отвѣчалъ ребенокъ.

Даже дѣтское волненіе не могло пересилить лукаваго, хотя вмѣстѣ трогательнаго взгляда, какимъ сопровождался этотъ отвѣтъ.

На лицѣ м-ра Домби выступило неопредѣленное выраженіе досады, но въ эту минуту отворилась дверь, и его фizioномія мгновенно приняла свой обыкновенный видъ.

– Дома ли д-ръ Блимберъ? – спросилъ м-ръ Домби.

– У себя, – отвѣчалъ человѣкъ, посматривая на Павла, какъ на маленькую мышъ, которая теперь попадалась въ западню. На лицѣ лакея, отворившаго дверь, природа провела первые слабые штрихи постоянной улыбки, обличавшей врожденное скудоуміе, выражавшееся и въ его подслѣповатыхъ глазахъ. Но м-съ Пипчинъ приняла его за дерзкаго грубіяна и вспылила ужаснѣйшимъ образомъ:

– Какъ вы смѣете ухмыляться? – сказала м-съ Пипчинъ. – За кого вы меня принимаете?

– Я не смѣю и ни за кого не принимаю васъ, – отвѣчалъ озадаченный лакей.

– Невѣжа! – продолжала м-съ Пипчинъ, – ступайте, доложите, что пришелъ м-ръ Домби, не то я съ вами расправлюсь.

Подслѣповатый малый тихими шагами пошелъ съ докладомъ и скоро воротился пригласить гостей въ докторскій кабинетъ.

– Вы опять смѣтаетесь, – сказала м-съ Пипчинъ, проходя въ залу.

– Да не смѣюсь же я, сударыня, право, не смѣюсь.

– Что тамъ у васъ, м-съ Пипчинъ? – сказала м-ръ Домби, оглядываясь назадъ. – Пожалуйста, потише.

М-съ Пипчинъ усмирилась и, проходя мимо лакея, пробормотала только: "Ухъ, какой красавецъ!" Подслѣповатый парень чуть не заплакалъ отъ этого комплимента. Онъ представлялъ изъ себя воплощенную кротость и смиреніе; но м-съ Пипчинъ, послѣ перувіанскихъ рудниковъ, имѣла обычай нападать на всѣхъ кроткихъ людей.

Докторъ сидѣлъ въ своемъ огромномъ кабинетѣ, заваленный книгами и держа по глобусу на каждомъ колѣнѣ. Надъ дверью стоялъ Гомеръ, а надъ каминомъ красовалась Минерва.

– Какъ ваше здоровье, сэръ? – спросилъ онъ м-ра Домби, – и каковъ мой маленькій другъ?

Величавъ и важенъ былъ голосъ дра Блимбера, какъ торжественный звукъ органа въ англиканской церкви. Когда онъ кончилъ, Павлу показалось, будто стѣнные часы перебили его рѣчь и начали вслѣдъ за нимъ повторять: ка-ко-въ-мой-ма-ле-нь-кій-другъ-ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ, – и такъ далѣе, и такъ далѣе, до бесконечности.

Не видя маленькаго друга изъ-за книгъ черезъ столъ, д-ръ Блимберъ дѣлалъ на своихъ креслахъ безполезныя покушенія разглядѣть его изъ-подъ стола. М-ръ Домби облегчилъ затрудненіе, взявши на руки своего сына и поставивъ его на другой большой столъ среди комнаты, прямо передъ глазами доктора.

– А! – сказала докторъ, величаво облачиваясь на ручки кресель. – Теперь вижу моего маленькаго друга. Какъ ваше здоровье, мой маленькій другъ?

Но стѣнные часы, не измѣняя формы привѣтствія, по прежнему повторяли: ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ-ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ!

– Очень хорошо, благодарю васъ, – сказала Павелъ, отвѣчая часамъ и доктору вмѣстѣ.

– А! – сказала д-ръ Блимберъ, – Должны ли мы сдѣлать изъ него мужа?

Павелъ молчалъ. М-ръ Домби, обращаясь къ нему, спросилъ:

– Слышишь ли, Павелъ?

– Должны ли мы сдѣлать изъ него мужа? – повторилъ Блимберъ.

– Я желалъ бы лучше остаться ребенкомъ, – отвѣчалъ Павелъ.

– Неужели! – сказала докторъ. – Почему-же?

Ребенокъ сидѣлъ на столѣ съ любопытнымъ выраженіемъ невольной грусти. Онъ смотрѣлъ на доктора и въ то же время судорожно ударялъ одной рукою по колѣну, какъ будто у него выступали слезы, и онъ хотѣлъ подавить ихъ. Но другая рука его протягивалась все дальше и дальше до тѣхъ поръ, пока спокойно улеглась на шеѣ Флоренсы. – Вотъ почему желалъ бы я остаться ребенкомъ, – какъ будто хотѣлъ онъ сказать, и слезы, долго удерживаемыя, ручьями полились изъ его глазъ.

– М-съ Пипчинъ, – сказала отецъ жалобнымъ голосомъ, – мнѣ крайне непріятно это видѣть.

– Отойдите отъ него, миссъ Домби, отойдите, – проговорила старуха.

– Ничего, ничего! – сказала докторъ, ласково кивая головой и удерживая м-съ Пипчинъ. – Ничего: скоро его развлекутъ новыя впечатлѣнія, новыя заботы. Мы постараемся. Вы хотѣли бы, м-ръ Домби, чтобы маленькій мой другъ пріобрѣлъ...

– Все долженъ онъ пріобрѣсть, все, любезный докторъ, – отвѣчалъ м-ръ Домби твердымъ голосомъ.

– Да, – сказала докторъ, улыбаясь и прищуривая глаза. Онъ, казалось, наблюдалъ маленькаго Павла съ напряженнымъ любопытствомъ естествоиспытателя, – который собирался сдѣлать чучело изъ новаго животнаго.

– Да, – повторилъ докторъ съ нѣкоторою живостью, – именно такъ. Мы обогатимъ разнообразными познаніями нашего маленькаго друга и быстро подвинемъ его впередъ. Въ этомъ ручается моя опытность. Вы, кажется, говорили, м-ръ Домби, что сынъ вашъ еще совершенно дѣвственная почва?

– Онъ готовился немного дома и у этой леди, – отвѣчалъ м-ръ Домби, указывая на м-съ Пипчинъ, которая вдругъ вытянулась при этомъ въ струнку, приготовившись какъ будто вызвать доктора на бой, если бы тотъ вздумалъ обвинить ее. – Кромѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній, Павелъ еще ничего не умѣлъ и ничему серьезно не учился.

Д-ръ Блимберъ слегка наклонилъ голову въ знакъ снисходительной терпимости къ нарушенію его педагогическихъ правъ со стороны м-съ Пипчинъ.

– Впрочемъ, – замѣтилъ онъ, потирая руками, – было бы пріятнѣе начинать образованіе отъ первыхъ корней.

И тутъ онъ опять искоса взглянулъ на Павла, какъ будто сейчасъ же хотѣлъ напасть на него съ греческимъ алфавитомъ.

– Послѣ нашихъ предварительныхъ условій и переговоровъ, господинъ докторъ, – началъ м-ръ Домби, взглянувъ еще разъ на своего сына, – и послѣ этого свиданія, довольно продолжительнаго, я нахожу, что нѣтъ болѣе надобности отнимать у васъ драгоценное время, и поэтому...

– Вы опять за свое, миссъ Домби! – брюзгливо проговорила м-съ Пипчинъ.

– Погодите на минуту, – сказалъ докторъ, – погодите. Позвольте представить вамъ мою жену и дочь, которыя въ домашней жизни поведутъ на Парнасъ нашего маленькаго пилигрима. Вотъ моя жена, м-съ Блимберъ, – продолжалъ докторъ, указывая на леди, которая вошла въ сопровожденіи степенной дѣвицы, вооруженной очками, – а это, м-ръ Домби, дочь моя, Корнелія. М-ръ Домби, моя милая, – продолжалъ докторъ, обращаясь къ женѣ, – вѣряетъ нашей заботливости, видишь ли ты, нашего маленькаго друга?

М-съ Блимберъ, въ припадкѣ учтивости къ м-ру Домби, по-видимому, не замѣтила маленькаго Павла и, останавливаясь къ нему задомъ, чуть не столкнула его со стола. Но при этомъ намекѣ она оборотилась и съ восторженнымъ видомъ начала любоваться умными классическими чертами его лица.

– Завидую вамъ, сэръ, – сказала она, – поднимая глаза и обращаясь къ м-ру Домби, – чрезвычайно завидую. Сынъ вашъ, какъ пчела, пересаживается теперь въ отборный цвѣтникъ и будетъ питаться сладчайшимъ сокомъ растений. Виргилій, Горацій, Овидій, Теренцій, Плавтъ, Цицеронъ: какіе цвѣты! какой медъ! Вы, конечно, м-ръ Домби, съ удивленіемъ встрѣчаете въ женщинѣ... но я имѣю честь быть супругой такого мужа...

– Полно, моя милая, полно, – сказалъ д-ръ Блимберъ. – Какъ тебѣ не стыдно!

– М-ръ Домби извинить пристрастіе жены, – сказала м-съ Блимберъ съ плѣнительной улыбкой.

– Все нѣтъ, – отвѣчалъ м-ръ Домби, думая, вѣроятно, сказать, что тутъ в_о_в_с_е не было пристрастія.

– Притомъ я имѣю честь быть матерью, – продолжала м-съ Блимберъ.

– И какою матерью! – замѣтилъ м-ръ Домби, кланаясь съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ миссъ Корнеліи.

– Если бы ко всему этому, – продолжала м-съ Блимберъ, – мнѣ удалось познакомиться съ Цицерономъ, подружиться съ нимъ и побесѣдовать въ его Тускуланумѣ – очаровательный Тускуланумъ! – я бы умерла спокойно.

Ученый энтузіазмъ, какъ извѣстно, очень заразителенъ. М-ръ Домби на половину повѣрилъ своей собесѣдницѣ, и даже м-съ Пипчинъ, вообще не расположенная имѣть о людяхъ хорошее мнѣніе, начинала думать, что Цицеронъ въ самомъ дѣлѣ былъ прекраснѣйшій чловѣкъ, и что, если бы судьба благовременно столкнула ее съ нимъ, благородный супругъ ея, охраняемый этимъ гениемъ, вѣроятно, не сломилъ бы себѣ шеи на перувіанскихъ рудникахъ.

Корнелія выразительно взглянула черезъ очки на м-ра Домби, какъ будто у нея было пламенное желаніе привести нѣсколько цитатъ изъ произведеній безсмертнаго гения. Но нечаянный стукъ въ двери помѣшалъ ей привести въ исполненіе это намѣреніе.

– Кто тамъ? – сказал ь докторъ. – Войди, Тутсъ, войди. Ты видишь м-ра Домби.

Тутсъ поклонился.

– Какое странное стеченіе обстоятельствъ! – продолжалъ д-ръ Блимберъ. – Передъ нами теперь начало и конецъ, альфа и омега. Это глава нашего заведенія, м-ръ Домби.

Не только глава, даже и плечи, могъ бы прибавить д-ръ Блимберъ, потому что молодой Тутсъ былъ гигантскаго роста, въ сравненіи съ прочими воспитанниками заведенія. Онъ растерялся, покраснѣлъ и оскалилъ зубы, увидѣвъ себя среди незнакомыхъ людей.

– Прибавленіе къ нашей маленькой академіи, любезный, – сказали докторъ. – Это сынъ м-ра Домби.

Молодой Тутсъ покраснѣлъ опять, и такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ воцарилаеь торжественная тишина, то онъ счелъ необходимымъ сказать что-нибудь съ своей стороны.

– Какъ ваше здоровье? – воскликнулъ онъ, наконецъ, обращаясь къ Павлу, и воскликнулъ такимъ басистымъ, но вмѣстѣ робкимъ, чуть не овечьимъ голосомъ, что если бы вдругъ ягненокъ зарычалъ, какъ левъ или тигръ, это чудо не озадачило бы такъ удивленныхъ зрителей.

– Объяви, Тутсъ, магистру Фидеру, – сказали д-ръ Блимберъ, – чтобы онъ приготовилъ необходимыя книги для сына м-ра Домби и назначилъ ему приличное мѣсто въ классной залѣ. Милая моя, – продолжалъ докторъ, обращаясь къ женѣ, – м-ръ Домби, кажется, еще не видалъ дѣтскихъ опочивалень?

– Если м-ру Домби угодно взойти наверхъ, – сказала м-съ Блимберъ, – я очень рада показать ему владѣнія Морфея.

Съ этими словами м-съ Блимберъ, дама очень услужливая, съ чепчикомъ на головѣ изъ матеріи небеснаго цвѣта, вышла изъ дверей въ сопровожденіи м-ра Домби и Корнелии. М-съ Пипчинъ послѣдовала за ними, озираясь во всѣ стороны въ надеждѣ встрѣтить негоднаго лакея грубіяна.

Пока они ходили, Павелъ продолжалъ сидѣть на столѣ, держа за руку Флрренсу и робко устремивъ пытливый взоръ на Блимбера, который, между тѣмъ, облокотившись на кресла и заложивъ руку за пазуху, держалъ передъ собою книгу на разстояніи протянутой руки отъ своихъ глазъ. Онъ читалъ, и было что-то ужасное въ этой манерѣ чтенія, безстрастной, хладнокровной, рѣшительной. При этомъ лицо его было совершенно открыто, и когда докторъ благосклонно улыбался своему автору или хмурилъ брови и дѣлалъ гримасы, какъ будто говорилъ: "Не рассказывай, любезный, знаю я получше тебя", – фигура и всѣ пріемы его поражали зрителя невольнымъ страхомъ.

Молодой Тутсъ, которому тоже нечего было дѣлать наверху, остался въ комнатѣ и самодовольно осматривалъ колеса въ своихъ часахъ, пересчитывая въ то же время свои серебряныя деньги. Но это продолжалось недолго: когда докторъ, перемѣняя положеніе, поворотилъ свои толстыя ноги, Тутсъ тихонько вынырнулъ изъ комнаты и уже болѣе не показывался.

Между тѣмъ м-ръ Домби, обозрѣвъ владѣнія Морфея, воротился въ докторскій кабинетъ.

– Надѣюсь, м-ръ Домби, – сказали докторъ, положивъ книгу на столъ, – нашъ порядокъ удостоился вашего одобренія.

– Превосходный порядокъ! – сказали м-ръ Домби.

– Очень хорошій, – тихонько сказала м-съ Пипчинъ, вообще нерасположенная къ преувеличеннымъ похваламъ.

– М-съ Пипчинъ, – сказали м-ръ Домби, озираясь вокругъ, – съ вашего позволенія, докторъ, и также съ вашего, м-съ Блимберъ, хотѣла бы по временамъ навѣщать здѣсь моего сына.

– Можетъ во всякое время, – замѣтилъ докторъ.

– Мы всегда рады видѣть м-съ Пипчинъ, – благосклонно сказала докторша.

– Стало быть, – сказали м-ръ Домби, – теперь всѣ распоряженія окончены, и вы позволите проститься съ вами.

Тутъ онъ близко подошелъ къ Павлу, который все еще сидѣлъ на столѣ.

– Прощай, милое дитя! – сказала м-рѣ Домби.

– Прощай, папа.

Лицо ребенка, небрежно протянувшего руку отцу, приняло тревожное, заботливое выражение. Но не отецъ былъ предметомъ этой заботы, и не на него обратилось печальное личико. Нѣтъ, Флоренсу искалъ маленькій Павелъ, и только Флоренсу, всегдашній предметъ своей нѣжной привязанности.

Если бы м-рѣ Домби, въ своемъ безумномъ высокомеріи гордаго богача, нажилъ себѣ врага, жестокаго, мстительнаго, непримиримаго, даже такой врагъ въ настоящую минуту забылъ бы о мщеніи, вполне довольный мучительною скорбью, раздиравшею сердце его обидчика.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ребенка. Если глаза его въ эту минуту о_т_ч_е_г_о_т_о потускнѣли, и онъ не могъ хорошенько разглядѣть маленькое личико, зато, быть можетъ, умственный взоръ его прояснился теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

– Скоро мы увидимся, Павелъ. По субботамъ и воскресеньямъ ты свободенъ.

– Знаю, папа, – отвѣчалъ Павелъ, взглянувъ на сестру, – по субботамъ и воскресеньямъ я свободенъ.

– И ты будешь учиться хорошо, – продолжалъ м-рѣ Домби, – не правда ли?

– Постараюсь, папа, – отвѣчалъ ребенокъ тономъ слишкомъ уставшаго человѣка.

– И теперь ты скоро вырастешь большой, – сказалъ м-рѣ Домби.

– Охъ, очень скоро! – проговорилъ ребенокъ, и взоръ его, старый, очень старый взоръ, обращенный на м-съ Пипчинъ, замеръ и потухъ въ ея черномъ бомбазиновомъ платьѣ. Она тоже, съ своей стороны, подошла проститься и оторвать отъ него Флоренсу. Движеніе, ею произведенное, разбудило м-ра Домби, глаза котораго были неподвижно обращены на Павла. Еще разъ онъ погладилъ его по головѣ, пожалъ его маленькую руку и, холодно разкланявшись съ докторскимъ семействомъ, поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Д-рѣ Блимберъ, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ спѣшили проводить дорогого гостя въ залу, хотя тотъ просилъ ихъ не беспокоиться, и когда они побѣжали за м-ромъ Домби, м-съ Пипчинъ завязла между докторомъ и его женой и вмѣстѣ съ ними вышмыгнула изъ комнаты, прежде чѣмъ успѣла захватить Флоренсу. Этому счастливому обстоятельству Павелъ былъ въ послѣдствіи обязанъ пріятнымъ воспоминаніемъ, что Флоренса еще разъ воротилась съ нимъ проститься и обвить руками его шею. Оставаясь послѣднею въ дверяхъ, она посылала милому брату улыбку одобренія, ярко заблиставшую черезъ слезы на ея глазахъ.

И тяжело стало дѣтскому сердцу, когда исчезла, наконецъ, эта улыбка! Глобусы, книги, слѣпой Гомеръ и Минерва, – все запрыгало и закружилось вокругъ маленькаго Павла; но вдругъ эти предметы остановились, и тогда онъ снова услышалъ громкій бой часовъ, которые, какъ и прежде, съ важностью спрашивали: "ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ-ка-ко-въ...", и такъ далѣе до безконечности.

И онъ молча прислушивался къ этимъ звукамъ, сидя на своемъ пьедесталѣ со сложенными руками. Но ему можно было бы отвѣчать: "скучно мнѣ, скучно, одинокому, усталому, больному!" И по болѣзненной пустотѣ въ его молодомъ сердцѣ, всѣ предметы были такъ холодны, такъ дики, такъ пусты!

Глава XII

Воспитаніе Павла

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся ужасно длинными для маленькаго Павла Домби, сидѣвшаго на столѣ, воротился д-ръ Блимберъ, вышагивая важнымъ и величественнымъ образомъ, вѣроятно, для того, чтобы произвести торжественное впечатлѣніе на юношескую душу. Эта походка была похожа на маршъ, и когда д-ръ выставлялъ правую ногу впередъ, онъ величественно поворачивался на своей оси, выписываяhalb полукругъ, и когда выставлялась впередъ лѣвая нога, онъ дѣлалъ точно такой же поворотъ къ правой. Казалось, при каждомъ шагѣ, онъ осматривался кругомъ и какъ будто говорилъ: "Пусть попытается кто-нибудь и гдѣ-нибудь указать мнѣ на предметъ, котораго я не знаю! Не удастся!"

М-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ также воротились вмѣстѣ съ докторомъ. Педагогъ поднималъ со стола новаго питомца и передалъ его миссъ Блимберъ.

— Корнелія, — сказалъ д-ръ, — Домби будетъ покамѣстъ подъ твоимъ надзоромъ. Веди его впередъ, моя милая, впередъ и впередъ.

Корнелія приняла изъ рукъ д-ра молодого питомца, и Павелъ потупилъ глаза, когда почувствовалъ, что его наблюдали очки.

— Сколько тебѣ лѣтъ, Домби? — спросила миссъ Блимберъ.

— Шесть, — отвѣчалъ Павелъ и, осматривая молодую милэди, удивлялся, почему у нея волосы не такъ длинны, какъ у Флоренсы, и отчего она похожа на мальчика.

— Далекъ ли ты въ латинской грамматикѣ, Домби? — спросила миссъ Блимберъ.

— Я не знаю латинской грамматики, — отвѣчалъ Павелъ. Чувствуя, что этотъ отвѣтъ непріятно подѣйствовалъ на миссъ Блимберъ, онъ взглянулъ вверхъ на три лица, смотрѣвшія на него внизъ, и сказалъ:

— Я былъ слабымъ и больнымъ ребенкомъ, Мнѣ нельзя было думать о латинской грамматикѣ, когда каждый день старикъ Глыббъ вывозилъ меня на морской берегъ. Вы ужъ позвольте приказать старому Глыббу навѣщать меня здѣсь.

— Какое низкое, варварское имя! — сказала м-съ Блимберъ, — что это за чудовище, мой милый?

— Какое чудовище? — спросилъ Павелъ.

— Да этотъ Глыббъ, — сказала м-съ Блимберъ съ превеликимъ отвращеніемъ.

— Онъ такое же чудовище, какъ и вы, — возразилъ Павелъ.

— Какъ! — вскричалъ докторъ ужаснымъ голосомъ, — что, что-о-о ты сказалъ? Ай, ай, ай!

Дрожь побѣжала по всѣмъ членамъ маленькаго Павла; но, несмотря на испугъ, онъ рѣшился защищать отсутствующаго Глыбба.

— Глыббъ очень почтенный старикъ, — сказалъ Павелъ, — онъ, бывало, возилъ мою коляску, гдѣ я могъ лежать и спать, когда и какъ мнѣ угодно. Онъ знаетъ все о глубокомъ морѣ и о рыбахъ, которыя живутъ тамъ, и о великихъ чудовищахъ, которыя выходятъ оттуда и лежать, и грѣются на скалахъ подъ зноемъ солнечныхъ лучей, и которыя опять уходятъ въ море, когда ихъ испугаютъ. При этомъ, говоритъ Глыббъ, они издаютъ такой шумъ, что можно ихъ слышать за нѣсколько миль. Есть еще чудища, не знаю, какъ они длинны — только очень длинны — и я не помню, какъ зовутъ ихъ — Флоренса все это знаетъ; они притворяются несчастными и плачутъ, будто маленькія дѣти, а когда кто-нибудь подойдетъ къ нимъ изъ состраданія, они разѣваютъ свои огромныя челюсти и нападаютъ. Тутъ одно средство спастись, — сказалъ Павелъ, смѣло сообщая это познаніе самому дру Блимберу, — надо отбѣжать на нѣкоторое разстояніе и потомъ вдругъ поворотить назадъ; имъ нельзя такъ скоро поворотиться, потому-что они ужасно длинны. Тутъ ихъ легко побѣдить, говоритъ Глыббъ. Вообще онъ много, очень много знаетъ о морѣ, хотя и не можетъ растолковать, отчего всегда говорятъ, одно и то же все-

гда говорятъ морскія волны, и почему я такъ часто думаю о своей мамѣ, когда смотрю на море. Моя мать умерла. Я бы желалъ, – заключилъ ребенокъ, вдругъ теряя одушевленіе и обративъ робкій взоръ на три незнакомыя лица, – чтобы старикъ Глыббъ по временамъ заходилъ сюда навѣщать меня, потому что я знаю его очень хорошо, и онъ меня знаетъ.

– Дурное направленіе! – сказалъ докторъ, – но наука должна истребить негодныя сѣмена.

М-съ Блимберъ съ какимъ-то ужасомъ подумала, что это былъ необыкновенный ребенокъ. Она смотрѣла на него съ, такимъ же вниманіемъ, какъ нѣкогда м-съ Пипчинъ, хотя физіономія ея не имѣла ничего общаго съ старой вѣдьмой.

– Поводи его по дому, Корнелія, – сказалъ докторъ, – и познакомъ съ новой сферой. Домби, ступай съ этой милэди.

Домби повиновался. Онъ подаль руку Корнеліи и съ робкимъ любопытствомъ принялся разсматривать ее съ боку, когда они пошли. Ея очки показались для него ужасно таинственными, и онъ никакъ не могъ разузнать, были ли у нея глаза за этими ярко блестящими стеклами.

Корнелія повела его сперва въ классную комнату, расположенную позади залы, и въ которую вели двѣ двери, обитыя фризомъ для того, чтобы заглушить голоса молодыхъ джентльменовъ. Въ комнатѣ находилось восемь воспитанниковъ въ различныхъ положеніяхъ умственного бичеванія: всѣ сидѣли за дѣломъ и работали съ большою важностью. Тутъ, какъ старшій между воспитанниками, имѣлъ для себя въ углу комнаты особую конторку.

Магистръ Фидеръ, сидѣвшій за другой небольшою конторкой, вертѣлъ на этотъ разъ на своемъ единственномъ валу *Виргилія*, и эту *арію* унылымъ голосомъ тянули передъ нимъ четыре молодыхъ джентльмена. Изъ остальныхъ воспитанниковъ двое съ напряженнымъ вниманіемъ занимались рѣшеніемъ математическихъ задачъ; одинъ употреблялъ судорожныя усилія перекарабкаться до обѣда черезъ безнадежное число строкъ, и, наконецъ, послѣдній питомецъ безмолвно смотрѣлъ на свою работу съ окаменѣлымъ оцѣпенѣніемъ и отчаяніемъ.

Появленіе новаго мальчика не произвело на эту компанію никакого впечатлѣнія. М-ръ Фидеръ съ щетиной на головѣ, которую онъ имѣлъ обыкновеніе брить изъ опасенія простуды, подаль маленькому Домби костлявую руку и сказалъ, что весьма радъ его видѣть. Павелъ, съ своей стороны, былъ бы очень радъ сказать ему то же, если бы могъ это сдѣлать хоть съ малѣйшею искренностью. Наученный Корнеліей, онъ поздоровался сперва съ четырьмя джентльменами, распѣвавшими *Виргилія*, потомъ подаль руку подвижникамъ математическихъ задачъ, раскланялся съ несчастнымъ ратоборцемъ противъ времени, запачканнымъ въ чернилахъ, и, наконецъ, точно такимъ же образомъ познакомился съ оцѣпенѣлымъ джентльменомъ, отъ котораго вѣяло ужаснымъ холодомъ смерти.

Молодой Тутсъ, уже представленный Павлу, только перевелъ духъ и оскалилъ зубы при его приближеніи и молча продолжалъ прерванное занятіе. Работа его была немногосложна и имѣла даже поэтическій интересъ: онъ по большей части занимался сочиненіемъ къ самому себѣ писемъ отъ знатнѣйшихъ особъ, адресуя на конвертѣ: "М-ру Тутсу, эсквайру, въ Брайтонъ". Такую привиллегію Тутсъ получилъ изъ уваженія къ своимъ прежнимъ очень усиленнымъ занятіямъ, которыя, какъ уже сказано, остановили его умственный ростъ въ самую пору расцвѣтающей весны. Всѣ эти письма онъ хранилъ съ большимъ тщаніемъ въ своемъ столѣ.

По соблюденіи этихъ церемоній, Корнелія повела Павла въ верхній этажъ; это путешествіе совершалось съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, потому что Павелъ принужденъ былъ ставить обѣ ноги на каждую ступень. Когда они достигли конца трудной дороги, Корнелія повела своего кліента въ переднюю комнату, выходящую фасадомъ на бурное море, и показала ему хорошенькую постель у самаго окна, гдѣ на прибитой карточкѣ прекраснымъ круглымъ почеркомъ было написано: *Д_о_м_б_и*. На двухъ другихъ постеляхъ въ той же комнатѣ красовались имена: *Б_р_и_г_г_с_ъ* и *Т_о_з_е_р_ъ*.

Лишь только они спустились съ лѣстницы и вошли въ залу, Павелъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что подслѣповатый малый, смертельно оскорбившій м-съ Пипчинъ, вдругъ схватилъ

барабанную палку и началъ безъ милосердія колотить въ мѣдный тазъ (gong), повѣшенный въ углу комнаты, какъ будто онъ хотѣлъ этимъ способомъ выместить на комъ-то свою обиду. Павелъ ожидалъ, что его посадятъ въ карцеръ или, по крайней мѣрѣ, дадутъ выговоръ за такое буйство; но ничего этого не случилось, и молодой парень, надѣлавшій шуму по всему дому, спокойно положилъ палку и остановился, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда Корнелія растолковала Домби, что черезъ четверть часа станутъ обѣдать, и что ему теперь должно отправиться въ классную комнату къ "своимъ друзьямъ".

Домби тихонько прошелъ мимо стѣнныхъ часовъ, безъ умолку освѣдомлявшихся о его здоровьи, еще тише пріотворилъ дверь въ классную комнату и прокрался туда, какъ потерянный мальчикъ, искавшій какого-нибудь пристанища. Его друзья разсѣялись по всѣмъ направленіямъ комнаты, за исключеніемъ окаменѣлаго пріятеля, неподвижнаго, какъ и прежде. М-ръ Фидеръ потягивался во всю длину въ своемъ сѣромъ дорогомъ халатѣ, какъ будто хотѣлъ сорвать рукава.

– Охх-хо-хо! Господи твоя воля! – вопіялъ м-ръ Фидлеръ, вытягиваясь, какъ ломовая лошадь, – ай-ахъ-ай-ихъхъ!

Павелъ былъ чрезвычайно встревоженъ зѣваньемъ м-ра Фидера, доходившимъ до огромныхъ размѣровъ, и которое въ самомъ дѣлѣ было ужасно. Всѣ мальчики, за исключеніемъ Тутса, были до крайности изнурены, и приготавливались къ обѣду. Одинъ навязывалъ свой галстухъ, другой вымывалъ руки, третій расчесывалъ волосы, и всѣ, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидали, пока позвуютъ въ столовую.

Молодой Тутсъ, уже совсѣмъ готовый, подошелъ, отъ нечего дѣлать, къ маленькому Павлу и съ неуклюжимъ добродушіемъ сказалъ:

– Садись, Домби.

– Покорно благодарю, – отвѣчалъ Павелъ.

И онъ началъ карабкаться на окно, чтобы сѣсть, но никакъ не могъ подняться на такую высоту. Это обстоятельство пробудило новую мысль въ умѣ Тутса.

– Какой ты маленькій! – сказалъ м-ръ Тутсъ.

– Да, – отвѣчалъ Павелъ, – я очень малъ. Покорно благодарю.

Благодарность относилась къ услужливости Тутса, который пособилъ ему взобраться на окно.

– Кто у тебя портной? – спросилъ Тутсъ, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ.

– На меня шьетъ женщина, – сказалъ Павелъ, – та же, что и на сестрицу.

– А мой портной – Борджесъ и компанія, – сказалъ Тутсъ, – молодой портной, да только очень дорогой.

У Павла достало смелости покачать головой, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать: "Это и видно".

– Богатъ у тебя отецъ? – спросилъ Тутсъ.

– Богатъ, – отвѣчалъ Павелъ, – отецъ мой Домби и Сынъ.

– И кто? – спросилъ Тутсъ.

– И сынъ, – повторилъ Павелъ.

М-ръ Тутсъ нѣсколько разъ повторилъ про себя эту фамилію, стараясь хорошенько запомнить; но, не надѣясь на свою память, сказалъ, что завтра поутру онъ опять объ этомъ спроситъ, какъ будто фирма Домби и Сына особенно его интересовала. И дѣйствительно, онъ уже занимался составленіемъ плана дружескаго письма къ своей особѣ отъ имени Павлова отца.

Въ это время другіе воспитанники, все-таки за исключеніемъ окаменѣлаго мальчика, собрались въ кучу. Всѣ они были очень блѣдны, говорили тихо, и головы ихъ были забиты до такой степени, что молодой Байтерстонъ могъ служить для нихъ образцомъ остроумія.

– Ты спишь въ моей комнатѣ, не правда ли? – спросилъ торжественно молодой джентльменъ, у котораго воротничекъ изъ подъ рубашки доставалъ до самыхъ ушей.

– Тебя зовутъ Бриггсъ? – спросилъ Павелъ.

– Нѣтъ, Тозеръ, – отвѣчалъ молодой джентльменъ.

– Все равно: я сплю въ твоей комнатѣ.

– Вотъ его зовутъ Бриггсомъ, – продолжалъ Тозеръ, указывая на окаменѣлаго джентльмена, – а какъ твоѣ здоровье, Домби?

Павель отвѣчалъ, что онъ довольно слабъ. Тозеръ сказалъ, что это и видно по глазамъ; – а очень жаль, – прибавилъ онъ, – потому что тутъ нужно желѣзное здоровье. – Потомъ спросили Павла, не съ Корнеліей ли онъ будетъ учиться? и когда тотъ отвѣчалъ: «да», всѣ молодые джентльмены, кромѣ Бриггса, выразили глубокое сожалѣніе.

Опять раздался страшный звонъ мѣднаго таза, и въ ту же минуту воспитанники гурьбой пошли въ столовую, все таки однако-жъ за исключеніемъ Бриггса, окаменѣлаго мальчика, который остался на своемъ мѣстѣ въ томъ же положеніи, какъ былъ. Павель увидѣлъ, что для него въ комнату принесли на тарелкѣ ломоть хлѣба съ серебряной вилкой, положенной подъ салфетку.

Д-ръ Блимберъ уже сидѣлъ въ столовой на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, на переднемъ концѣ стола, а м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ занимали мѣста подлѣ него. На заднемъ концѣ стола, насупротивъ доктора, усѣлся магистръ Фидеръ, явившійся къ обѣду въ черномъ фракѣ. Стулъ Павла поставили подлѣ миссъ Блимберъ, но когда онъ сѣлъ, оказалось, что его брови не возвышались надъ уровнемъ столовой скатерти, и потому распорядились подложить подъ это сѣдалище нѣсколько книгъ, принесенныхъ изъ докторскаго кабинета. Съ той поры Павель всегда приходилъ съ этими книгами, и его мѣсто подлѣ миссъ Корнеліи утвердилось на законномъ основаніи.

Докторъ прочиталъ молитву, и обѣдъ начался. Первымъ блюдомъ былъ супъ, за которымъ слѣдовали жареная говядина, вареная говядина, зелень, пирогъ и сыръ. За столомъ вся сервировка была прекрасна и величественна. Передъ каждымъ молодымъ джентльменомъ лежали солфетка и массивная серебряная вилка. Буфетчикъ въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами разносилъ кушанья и величественно разливалъ по стаканамъ пиво, какъ будто въ рукахъ его была бутылка съ дорогимъ виномъ.

Никто, если не былъ спрошенъ, не говорилъ ни слова, кромѣ д-ра Блимбера, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ. Какъ скоро молодой джентльменъ не былъ занятъ вилкой, ножомъ или ложкой, глаза его по какомуто невольному притяженію обращались на доктора, на докторшу или докторскую дочь. Одинъ Тутсъ составлялъ исключеніе изъ этого правила. Занимая мѣсто на одной сторонѣ съ Павломъ подлѣ м-ра Фидера, онъ безпрестанно выставлялъ голову впередъ или назадъ и старался поймать взоръ новаго пришельца.

Разъ только во время обѣда завязался разговоръ, въ которомъ, по непредвидѣнному случаю, принялъ невольное участіе молодой джентльменъ. Это было за сыромъ, когда докторъ, выкушавъ стаканъ портеру, кашлянулъ два или три раза и началъ такимъ образомъ:

– Достойно замѣчанія, м-ръ Фидеръ, что римляне...

При имени этого ужаснаго народа, непримиримаго врага всей молодой компаніи, джентльмены устремили глаза на доктора, приготовившись выслушать ученую рѣчь съ почти-тельнымъ вниманіемъ. Въ это время одинъ изъ воспитанниковъ, допивая пиво, случайно встрѣтился съ глазами доктора, и вдругъ, поставивъ стаканъ, почувствовалъ судорожные припадки перхоты. Докторъ долженъ былъ пріостановиться.

– Достойно замѣчанія, м-ръ Фидеръ, началъ онъ снова прерванную рѣчь, – что римляне во времена императоровъ, когда роскошь достигла необыкновенной высоты, прежде неслышанной, и когда штатгальтеры опустошали цѣлыя провинціи и разоряли жителей единственно для того, чтобы добыть средства для одного императорскаго обѣда...

Здѣсь несчастный воспитанникъ, который долго раздумывалъ и пыхтѣлъ, чтобы пересилить судорожный припадокъ, разразился, наконецъ, самымъ громкимъ кашлемъ.

– Джонсонъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ тономъ легкаго упрека, – выпей воды.

Докторъ бросилъ суровый взглядъ и дожидался, пока Джонсону подавали стаканъ. Потомъ онъ началъ опять:

– И когда, м-ръ Фидеръ...

Но м-ръ Фидеръ не могъ оторвать глазъ отъ Джонсона, который снова готовился разразиться, какъ бомба.

– Извините, сэръ, – сказалъ магистръ.

– И когда, – сказалъ докторъ, возвышая голосъ, – когда братъ Вителлія – дѣйствительность факта, совершенно, впрочемъ, невѣроятнаго для толпы нашего времени, подтверждается современными писателями, заслуживающими полного довѣрія – и когда, говорю я, братъ Вителлія приготовилъ обѣдъ, за которымъ подано было двѣ тысячи рыбныхъ блюдъ...

– Выпей воды, Джонсонъ... Рыбныхъ блюдъ господинъ докторъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Пять тысячъ блюдъ изъ различныхъ сортовъ домашней птицы...

– Или закуси коркой хлѣба, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– И одно блюдо, – продолжалъ д-ръ Блимберъ, еще болѣе возвышая голосъ и озираясь вокругъ стола, – блюдо, названное по причинѣ его огромной величины "щитомъ Минервы", и приготовленное, между прочими дорогими приправами, изъ фазаньихъ мозговъ.

– Кхи, кхи, кхи! (воскликаніе Джонсона)

– Изъ мозговъ куликовъ...

– Кхи, кхи, кхи!

– Изъ внутреннихъ частей рыбы, называемой scari...

– У тебя лопнетъ жила на головѣ, – сказалъ м-ръ Фидеръ, – ты ужъ лучше дай себѣ волю.

– И еще изъ внутренностей миноги, добытой въ Карпатскомъ морѣ, – продолжалъ докторъ строгимъ голосомъ, – когда мы читаемъ объ этихъ роскошныхъ пирахъ и сверхъ того припомнимъ еще, что Титъ...

– Что подумаетъ бѣдная мать, когда съ тобой сдѣлается апоплексическій ударъ! – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Домиціанъ...

– Ты весь посинѣлъ, – сказалъ м-ръ Фидеръ.

– Неронъ, Тиберій, Калигула, Геліогабалъ и многіе другіе, – продолжалъ докторъ, – это, однако-жъ, замѣчательно, сэръ, если вамъ угодно меня слушать, очень замѣчательно.

Но съ воспитанникомъ въ эту минуту сдѣлался такой ужасный припадокъ кашля, что товарищи начали колотить его въ спину, м-ръ Фидеръ поднесъ къ его губамъ стаканъ воды, а буфетчикъ долженъ былъ нѣсколько разъ провести его по комнатѣ. Суматоха продолжалась не менѣе пяти минутъ, и когда, наконецъ, Джонсонъ началъ мало-по-малу приходитъ въ нормальное положеніе, въ комнатѣ воцарилось глубочайшее молчаніе.

– Господа, – сказалъ д-ръ Блимберъ, – вставайте на молитву! Корнелія, сними Домби. Джонсонъ, завтра поутру передъ завтракомъ ты прочтешь мнѣ наизусть по греческому тексту изъ Новаго завѣта первое посланіе Павла къ Ефесеямъ. Наши занятія, м-ръ Фидеръ, начнутся черезъ полчаса.

Молодые джентльмены поклонились и ушли. М-ръ Фидеръ сдѣлалъ то же. Въ этотъ короткій промежутокъ времени до начатія уроковъ воспитанники стали бродить попарно рука объ руку по небольшой площадкѣ за домомъ, а нѣкоторые напрасно покушались засвѣтить отрадный лучъ надежды въ омертвѣломъ сердцѣ Бриггса; но никто не позволилъ себѣ унизиться до игры. Въ условленное время снова раздался громкій бой мѣднаго таза, и классная комната наполнилась учениками, подъ предводительствомъ доктора Блимбера и м-ра Фидера.

Такъ какъ послѣобѣденный отдыхъ, по милости Джонсона, продолжался нынѣшній день менѣе обыкновеннаго, то вечеромъ передъ чаемъ воспитанники вышли гулять, и на этотъ разъ даже Бриггсъ принялъ участіе въ общемъ развлеченіи. Вмѣстѣ съ питомцами вышелъ и самъ д-ръ Блимберъ, ведя подъ руку маленькаго Павла.

Чайная церемонія была столько же великолѣпна, какъ и обѣденная. По окончаніи ея, молодые джентльмены встали изъ-за стола, раскланялись и пошли повторять свои уроки, а м-ръ Фидеръ удалился въ свою комнату. Павелъ, между тѣмъ, забился въ уголокъ и старался угадать, что-то теперь думаетъ о немъ Флоренса. Въ этомъ убѣжищѣ его отыскалъ м-ръ Тутсъ, задержанный на нѣсколько минутъ чрезвычайно важнымъ письмомъ отъ герцога Веллингтона. Долго смотрѣлъ онъ на него, не говоря ни слова, соображая, по-видимому, какъ бы начать разговоръ.

– Любишь ли ты жилеты, Домби? – спросилъ онъ наконецъ.

– Да, – сказалъ Домби.

– И я люблю, – сказалъ Тутсъ.

Больше ничего не придумавъ сказать м-ръ Тутсъ, не перестававшій весь вечеръ разсматривать маленького Павла, который, по-видимому, очень ему нравился. Павелъ, съ своей стороны, тоже не хотѣлъ начинать разговора, такъ какъ молчаніе больше соотвѣтствовало его цѣлямъ.

Въ восемь часовъ молодое общество снова собралось въ столовую на молитву, передъ которой буфетчикъ предложилъ хлѣбъ, сыръ и пиво джентльменамъ, желавшимъ прохладить себя этими лакомствами. Церемонія окончилась словами доктора: "Господа, завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ". Тутъ только маленькій Павелъ въ первый разъ замѣтилъ у Корнеліи глазъ, который теперь былъ обращенъ прямо на него. Когда докторъ произнесъ эти слова: "Господа, завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ", молодые джентльмены раскланялись и пошли въ спальни.

Облегчая душу откровеннымъ разговоромъ, Бригсъ сказалъ въ спальней своимъ товарищамъ, что у него ужасно разломило голову, и что онъ очень бы желалъ умереть, если бы не жаль было матери и чернаго дрозда, который остался у него дома. Тозеръ говорилъ мало, зато много вздыхалъ и совѣтовалъ Павлу держать ухо востро, потому что завтра и до него дойдетъ очередь. Послѣ этихъ пророческихъ словъ онъ раздѣлся и легъ въ постель. Когда Бригсъ и Павелъ тоже накрылись одѣялами, въ спальню вошелъ подслѣповатый паренъ, потушилъ огонь и пожелалъ джентльменамъ спокойной ночи и пріятнаго сна. Но это искреннее желаніе не принесло своихъ плодовъ. Павелъ, который долго не могъ заснуть, да и послѣ часто просыпался, замѣтилъ, что Бригса ужасно давить его урокъ, какъ домовый, а Тозеръ, подавляемый во снѣ такими же впечатлѣніями, хотя въ меньшей степени, разговаривалъ на неизвѣстныхъ языкахъ, бормоталъ греческія и латинскія фразы, равно непонятныя для Павла. Все это среди ночного безмолвія производило какое-то дикое и крайне непріятное впечатлѣніе.

Наконецъ, сладкій сонъ сомкнулъ утомленные глаза маленького Павла, и пригрезилось ему, будто гуляетъ онъ подъ руку съ Флоренсой въ прекрасномъ саду, будто любятъ они цвѣтами и подходятъ къ огромному подсолнечнику, который вдругъ превратился въ мѣдный тазъ и загудѣлъ престрашнымъ образомъ надъ самымъ ухомъ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ пасмурное зимнее утро съ мелкимъ дождемъ и въ то же время дѣйствительно услышалъ громкіе звуки таза, подававшего страшные сигналы къ приготовленію въ классъ.

Товарищи его уже встали. У Бригса отъ печали и ночного кошмара лицо опухло и раздулось до такой степени, что почти не видно было глазъ. Онъ надѣвалъ сапоги и казался въ самомъ дурномъ расположеніи духа, точно такъ же, какъ Тозеръ, который былъ уже совсѣмъ одѣтъ и стоялъ передъ окномъ, вздрагивая и подергивая плечами. Бѣдный Павелъ, отъ непривычки, не могъ одѣться самъ собою и попросилъ товарищей сдѣлать милость подтянуть ему шнурки; но Бригсъ сказалъ только: "пошелъ прочь", а Тозеръ проговорилъ: «убирайся» и отвернулся къ окну. Ребенокъ кое-какъ снарядился и сошелъ въ нижній этажъ, гдѣ увидѣлъ красивую молодую женщину въ кожаныхъ перчаткахъ, выгребавшую золу изъ камина.казалось, она была чрезвычайно изумлена появленіемъ ребенка, и спросила, гдѣ его мать. Когда Павелъ сказалъ, что она умерла, молодая женщина скинула перчатки, сдѣлала, что для него

было нужно, отогрѣла его руки, поцѣловала его и сказала, что если еще когда-нибудь окажется въ чемъ нужда – разумѣется относительно платья, – то ему стоитъ только позвать Мелію, и она сейчасъ къ его услугамъ. Павелъ поблагодарилъ отъ всего сердца и тихонько поплелся въ классъ, гдѣ молодые джентльмены готовились къ своимъ урокамъ; но проходя мимо одной непритворенной комнаты, оні услышалъ голосъ.

– Ты ли это, Домби?

– Я, миссъ.

Это была Корнелія, и Павелъ узналъ ее по голосу.

– Войди сюда, Домби, – сказала миссъ Блимберъ.

И Павелъ вошелъ. Миссъ Блимберъ была точно въ такомъ же костюмѣ, какъ и наканунѣ, за исключеніемъ шали на ея плечахъ. Очки уже красовались на ея носу, и Павелъ спрашивалъ себя, неужели она и спитъ въ нихъ. У нея была особая маленькая комната съ книжнымъ шкафомъ и безъ камина; но миссъ Блимберъ никогда не чувствовала холоду и расположенія къ сонливости.

– Ну, Домби, теперь я выхожу, – сказала миссъ Блимберъ.

Павелъ удивился, куда и зачѣмъ идетъ она въ такую дурную погоду и почему вмѣсто себя не пошлетъ слугу, но онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и обратилъ все свое вниманіе на маленькую кипу новыхъ книгъ, лежавшихъ на столикѣ миссъ Блимберъ.

– Это твои книги, Домби, – сказалъ миссъ Блимберъ.

– Всѣ мои, миссъ?

– Всѣ, – отвѣчала Корнелія. – М-ръ Фидеръ скоро купитъ для тебя еще, если будешь хорошо учиться.

– Покорно благодарю, – сказалъ Павелъ.

– Такъ теперь я иду, – продолжала миссъ Блимберъ, – и пока я хожу, то есть, съ этого часа до завтрака, ты долженъ прочесть все, что здѣсь отмѣчено карандашемъ, и послѣ скажешь, все ли. ты хорошо понялъ. Не теряй времени, Домби; тебѣ надобно торопиться... Ступай внизъ и начинай.

– Слушаю, миссъ, – отвѣчалъ Павелъ.

Книгъ было такъ много, что хотя Павелъ ухватился за нихъ обѣими руками, придерживая верхнюю подбородкомъ, средняя книга выскользнула, прежде чѣмъ онъ дошелъ до двери, и тогда весь этотъ грузъ попадалъ на полъ.

– Ахъ, Домби, Домби, какой ты неосторожный! – сказала миссъ Блимберъ и нагрозила его снова. На этотъ разъ Павелъ, тщательно соблюдая равновѣсіе, благополучно вышелъ изъ комнаты; но на дорогѣ онъ уронилъ двѣ книги на лѣстницѣ, одну на полъ въ первомъ этажѣ и еще одну передъ классной комнатой. Положивъ остальные на свой столикъ, онъ долженъ былъ воротиться и подобрать растерянное сокровище. Когда, наконецъ, вся библіотека была собрана, онъ вскарабкался на свое мѣсто и принялся за работу, ободренный замѣчаніемъ Тозера, который сказалъ – только: "Попался, любезный", и ужъ болѣе ничего не говорилъ ни онъ, ни его товарищи, вплоть до самаго завтрака. Когда завтракъ, продолжавшійся съ обыкновенной торжественностью, былъ оконченъ, Павелъ поплелся наверхъ за миссъ Корнеліей.

– Ну, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – что ты сдѣлалъ съ книгами?

Книги были англійскія, но больше латинскія, объяснявшія употребленіе членовъ, торговлю древнихъ карѳагенянъ, склоненіе существительныхъ, крестовые походы, правила орѳографіи, построеніе Рима и бѣглый взглядъ на ходъ образованія вообще, съ приложеніемъ таблицы умноженія. Когда Павелъ разобралъ урокъ подъ номеромъ вторымъ, онъ нашелъ, что ничего не знаетъ изъ перваго номера, и когда потомъ добрался до номеровъ третьяго и четвертаго, въ головѣ его образовались понятія вродѣ слѣдующихъ: трижды четыре – Аннибалъ, пять изъ двѣнадцати – Нис, хаес, нос, глаголъ согласуется съ древнимъ британцемъ, а существительныя должны стоять въ одномъ падежѣ съ крестовыми походами.

– Ахъ, Домби, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – какой ты безтолковый!

– Вотъ если бы позвать сюда старика Глыбба, – сказалъ Павелъ, – я бы лучше сталъ понимать. Прикажете позвать его, миссъ.

– Какія глупости! – проговорила миссъ Блимберъ. – Не смѣй никогда говорить о Глыббѣ, тутъ не мѣсто этимъ уродамъ. Впередъ бери съ собой, Домби, только по одной книгѣ, и, когда выучишь одинъ урокъ, приходи за другимъ. Возьми теперь верхнюю книгу и ступай въ классъ.

Миссъ Блимберъ выразилась насчетъ безтолковости Павла съ видимымъ удовольствіемъ и, казалось, была рада, что будетъ имѣть съ нимъ постоянныя сообщенія. Павелъ удалился, какъ ему велѣли, съ верхней книгой, и началъ долбить урокъ. Иной разъ ему удавалось прочесть его наизусть слово въ слово, въ другой – онъ не помнилъ ни одного слова; но, наконецъ, онъ отважился явиться съ отчетомъ къ миссъ Блимберъ, которая, закрывъ и бросивъ поданную ей книгу на столъ, – проговорила: "Ну, Домби, читай; я слушаю". Павелъ былъ такъ озадаченъ этой, неожиданной выходкой, что рѣшительно забылъ вытверженный урокъ и смотрѣлъ съ глубочайшимъ изумленіемъ на ученую дѣвицу, у которой всѣ печатныя книги были въ головѣ.

При всемъ томъ, ему удалось выказать себя съ весьма хорошей стороны, и миссъ Блимберъ, сдѣлавши теперь лестный отзывъ о его способностяхъ, снабдила его другимъ урокомъ, а потомъ еще другимъ, такъ что до обѣда онъ вытвердилъ всего четыре урока, но зато чувствовалъ, послѣ этой головоломной работы, величайшее головокруженіе и ходилъ, какъ сонный, точно такъ же, какъ и другіе молодые джентльмены, за исключеніемъ, разумѣется, Тутса, который, получивъ письмо отъ какого-то владѣтельнаго князя, былъ въ очень веселомъ расположеніи духа. Павелъ дивился, отчего стѣнные часы, безъ устали повторяя одинъ и тотъ же вопросъ, никогда не говорили: "Господа, мы начнемъ теперь свои занятія": эта фраза безпрестанно произносилась передъ ними. Ученье двигалось и кружилось, какъ могучее колесо, вытягивая и растягивая умственныя фибры молодыхъ джентльменовъ.

Послѣ чаю, при свѣтѣ лампъ, опять начались уроки и приготовленія къ завтрашнему дню: все зубрило и долбило до той поры, пока сладкій сонъ на нѣсколько часовъ не приводилъ въ забвеніе этого умственного бичеванія.

О суббота, вождѣнная, трикраты вождѣнная суббота! день веселія, день блаженства, когда Флоренса, въ извѣстный часъ, въ извѣстную минуту, незадерживаемая никакой погодой, никакими препятствіями, хотя м-съ Пипчинъ грызла и терзала ее безъ всякаго милосердія, приходила въ учебное заведеніе д-ра Блимбера. Эти субботы были истинными днями обѣтованнаго успокоенія для двухъ маленькихъ израильтянъ между христіанами, для брата и сестры, соединенныхъ священнымъ чувствомъ любви.

Даже воскресные вечера – тяжелые вечера, тѣнь которыхъ омрачала уже воскресныя утра – не могли испортить этой драгоценной субботы. Тогда, гдѣ бы ни бродили они, гдѣ бы ни сидѣли, на привольномъ морскомъ берегу или въ душной комнатѣ м-съ Пипчинъ, для Павла это все равно: съ нимъ была Флоренса, и больше ни въ комъ онъ не нуждался! съ нимъ была Флоренса, которая напѣвала ему нѣжную пѣсенку или покоила его утомленную голову на своихъ колѣняхъ, и когда, наконецъ, въ роковой воскресный вечеръ темная докторская дверь поглощала бѣднаго Павла на другую недѣлю, онъ прощался только съ Флоренсой, и ни съ кѣмъ болѣе!

Когда м-съ Виккемъ была выписана изъ Брайтона въ Лондонъ, мѣсто ея въ домѣ м-съ Пипчинъ заняла Сусанна Нипперъ Выжига, теперь молодая и очень красивая женщина, расторопная и бойкая, которая какъ разъ пришлась подъ пару м-съ Пипчинъ, встрѣтившей первый разъ въ жизни приличную для себя партію. Въ первый же день по прибытіи въ Брайтонъ, миссъ Нипперъ объявила ей войну, непримиримую войну на жизнь и смерть, и въ короткое время уже дала нѣсколько сраженій съ блистательнымъ успѣхомъ. Она не просила и не давала пощады. Она сказала: "Будетъ война", и война была, и м-съ Пипчинъ съ этой поры жила среди нечаянныхъ нападеній, непредвидѣнныхъ засадъ, смѣлыхъ вызововъ. Сусанна тормошила и

опустошала своего непріятеля всегда и вездѣ: за котлетами, за сладкими пирогами, въ залѣ, въ столовой, въ спальнѣ.

Однажды, вечеромъ въ воскресенье, послѣ окончательнаго прощанья съ Павломъ, Флоренса, воротившись домой, вынула изъ ридикюля небольшой лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько словъ карандашомъ.

– Смотрите сюда, Сусанна, – сказала она, – вотъ это заглавія тѣхъ книжекъ, что Павелъ приносить домой. Я списала ихъ прошлую ночь, когда онъ читаль, бѣдняжка, несмотря на крайнюю усталость.

– Съ чего вы взяли показывать ихъ мнѣ, миссъ Флой? – возразила Сусанна. – Я скорѣе соглашусь смотрѣть на м-съ Пипчинъ.

– Вы потрудитесь, пожалуйста, Сусанна, купить для меня эти книги завтра поутру. У меня довольно денегъ, – сказала Флоренса.

– Это что за новости, миссъ Флой? – съ живостью возразила миссъ Нипперъ. – Какъ вы можете говорить такой вздоръ, когда у васъ и безъ того цѣлая груды книгъ, и когда м-ръ Домби, по вашей милости, нагналъ сюда цѣлую свору учителей и учительницъ – чортъ бы ихъ побралъ – хотя, сказать правду, вашему папенькѣ никогда бы не пришлось въ голову выучить васъ чему-нибудь, если бы вы сами ему не надоели; но согласиться на просьбу и предложить безъ просьбы – двѣ вещи разныя, миссъ Флой. Вотъ если бы ко мнѣ посватался какой-нибудь красивый парень и сказалъ: "Сусанна, будь моей женой". – «Изволь», отвѣчала бы я; но вѣдь это не то, что сказать: "Полюби меня, любезный, мнѣ хочется замужъ".

– Пожалуйста, купите, Сусанна, мнѣ очень нужны эти книги.

– А зачѣмъ вамъ ихъ, миссъ Флой? – спросила Нипперъ и прибавила немножко потише, – если вы хотите размозжить ими. голову м-съ Пипчинъ, я, по жалуй, накуплю ихъ цѣлую тѣлгу.

– Мнѣ кажется, я могу немного пособлять бѣдному Павлу, когда у меня будутъ эти книги, и облегчать его недѣльные занятія. По крайней мѣрѣ, попытаюсь. Купите, пожалуйста, я никогда не забуду этой услуги.

И Флоренса сопровождала свою просьбу такимъ умоляющимъ взоромъ, что Сусанна, не дѣлая болѣе никакихъ возраженій, взяла изъ ея рукъ маленькій кошелекъ и тутъ же отправилась рысью исполнять порученіе.

Добыть это сокровище было не такъ легко. Въ одной лавкѣ сказали, что такихъ книгъ никогда не водилось; въ другой, что въ прошломъ мѣсяцѣ было ихъ пропасть, а теперь нѣтъ ни одной, въ третьей, что на будущей недѣлѣ привезутъ ихъ цѣлую гибель. Но Сусанна была не такая дѣвушка, чтобы придти въ отчаяніе отъ этихъ пустяковъ. Она завербовала въ знакомой лавкѣ молодого бѣлокурого парня въ черномъ коленкоровомъ передникѣ, и, отправившись на поиски вмѣстѣ съ нимъ, начала по всѣмъ возможнымъ направленіямъ таскать его взадъ и впередъ, такъ что услужливый малый совершенно выбился изъ силъ и готовъ былъ сдѣлать все на свѣтѣ, лишь бы только отвязаться отъ своей спутницы. Наконецъ, книги были найдены, куплены, и Сусанна съ торжествомъ возвратилась домой.

Съ этимъ сокровищемъ, по окончаніи собственныхъ уроковъ, Флоренса сидѣла по ночамъ въ своей комнатѣ и слѣдила за братомъ по колючимъ кустарникамъ книжнаго странствованія. При быстрыхъ способностяхъ и рѣдкой смѣтливости, молодая дѣвушка, одушевленная любовью, этимъ могущественнымъ наставникомъ, въ скоромъ времени догнала своего брата, сравнялась съ нимъ и перегнала его.

Ни полъ-слова объ этомъ не было сказано м-съ Пипчинъ. Флоренса всегда трудилась по ночамъ за своимъ рабочимъ столикомъ, когда всѣ въ домѣ спали крѣпкимъ сномъ, кромѣ Сусанны, которая обыкновенно сидѣла подлѣ нея съ папильотками въ волосахъ и заспанными глазами, между тѣмъ какъ пепель уныло хрустѣлъ въ каминѣ, превращаясь въ золу, и догорающія свѣчи печально вторили ему передъ своимъ послѣднимъ издыханіемъ. Быть можетъ, смотря на это труженичество или, правильнѣе, на это высокое самопожертвованіе, м-съ Чиккъ

согласились бы, наконецъ, признать тутъ нѣкоторое у_с_и_л_і_е и утвердить за своей племянницей имя Домби.

И велика была награда, когда въ субботу вечеромъ, въ ту пору, какъ Павелъ, по обыкновению, принялся за свои уроки, она сѣла подлѣ него и начала объяснять ему темныя мѣста, выравнивая такимъ образомъ и выглаживая трудный путь школьнаго образованія. Павелъ краснѣлъ, улыбался, крѣпко сжималъ сестру въ своихъ объятіяхъ, и только Богу извѣстно, какъ билось и трепетало ея сердце при этомъ высокому вознагражденію.

— Охъ, Флой! — говорилъ братъ. — Какъ я люблю тебя! какъ я люблю тебя, Флой!

— И я тебя, мой милый!

— Знаю, Флой, знаю!

Больше ничего онъ не говорилъ во весь этотъ вечеръ и спокойно сидѣлъ подлѣ сестры. Ночью три или четыре раза онъ приходилъ къ ней изъ своей маленькой комнаты и опять говорилъ, что любить ее.

Съ этой поры братъ и сестра каждую субботу, во время ночи, сидѣли вмѣстѣ за книгами, стараясь по возможности облегчить занятія для будущей недѣли. Мысль, что онъ работаетъ тамъ, гдѣ Флоренса трудилась еще прежде него и для него, не щадя своихъ силъ, эта утѣшительная, отрадная мысль уже сама собою въ высшей степени подстрекала его дѣятельность и оживляла утомленную душу; но, кромѣ того, Павелъ получалъ отъ сестры дѣйствительную помощь и облегченіе, и, быть можетъ, это обстоятельство окончательно спасло его отъ неминуемой гибели подъ тяжестью груза, который взваливала на его спину прекрасная Корнелія Блимберъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы миссъ Блимберъ была къ нему слишкомъ строга, или чтобы д-ръ Блимберъ вообще безжалостно обходился съ молодыми джентльменами. Корнелія слѣдовала только правиламъ вѣры, въ которой была воспитана, а докторъ, по какой-то странной сбивчивости въ своихъ идеяхъ, смотрѣлъ на молодыхъ джентльменовъ такъ, какъ будто они были докторами и всѣ родились взрослыми. Ближайшіе родственники молодыхъ джентльменовъ, ослѣпленные тщеславіемъ и дурно разсчитанною торопливостью, до небесъ превозносили д-ра Блимбера, и было бы странно, если-бы теперь онъ открылъ свою ошибку и направили распушенные паруса въ другую сторону.

Съ Павломъ, какъ и съ прочими воспитанниками, повторилась одна и та же исторія. Когда д-ръ Блимберъ сказалъ, что онъ очень умный мальчикъ и быстро идетъ впередъ, м-ръ Домби болѣе чѣмъ когда-либо принялся хлопотать, чтобы сынъ его былъ напичканъ по горло всякой всячиной. Когда, напротивъ, о Бриггсѣ было возвыщено, что у него не слишкомъ бойкія способности, и успѣхи покажутся еще слабы, отецъ этого джентльмена оказался неумолимымъ. Словомъ, какъ ни высока и душна была температура въ докторской теплицѣ, владѣльцы этихъ растений всегда изъявляли готовность подкладывать горячіе уголья и раздувать мѣхи.

Скоро Павелъ потерялъ всю живость, какую имѣлъ сначала, но характеръ его по прежнему остался страннымъ, задумчивымъ, стариковскимъ и даже еще болѣе утвердился въ этихъ свойствахъ при обстоятельствахъ, столь благопріятныхъ для ихъ развитія. Разница была лишь та, что онъ сосредоточился теперь исключительно въ себѣ самомъ и уже не имѣлъ того живого любопытства, какое нѣкогда обнаруживалъ въ домѣ м-съ Пипчинъ, наблюдая черного кота и его владѣлицу. Онъ любилъ оставаться наединѣ и въ рѣдкіе часы, свободные отъ занятій, бродилъ безъ товарищей около докторскаго дома или сидѣлъ на лѣстницѣ, прислушиваясь къ громкому бою огромныхъ часовъ. Онъ изучилъ въ домѣ всѣ стѣнные обои и видѣлъ на рисункахъ такія вещи, которыхъ никто не видалъ; миниатюрные львы и тигры, бѣгающіе по стѣнамъ спальни, и косяя рожи на коврахъ стояли съ нимъ на самой короткой ногѣ.

И жилъ онъ одинъ среди чудныхъ видѣній своей фантазіи, и никто не понималъ его. М-съ Блимберъ называла его «страннымъ», а лакеи иной разъ говорили между собою, что маленькій Домби «скучаетъ». Больше никто ничего не говорилъ о немъ.

Только молодой Тутсъ имѣлъ нѣкоторую идею о загадочномъ предметѣ, но никакъ не могъ объяснить ее ни себѣ, ни другимъ. Идеи, подобно привидѣніямъ, должны принять какой-нибудь образъ, чтобы сдѣлаться доступными, а Тутсъ не могъ сообщить своимъ мыслямъ никакого образа и давно пересталъ допытываться тайнъ отъ своей души. Изъ мозга его, какъ изъ свинцоваго ящика, выходилъ какой-то туманъ, безъ формы и внѣшняго вида, не оставляя послѣ себя ни малѣйшихъ слѣдовъ. Долго и часто слѣдилъ онъ глазами маленькую фигуру на морскомъ берегу, и какая-то таинственная, неотразимая симпатія привлекала его къ сыну м-ра Домби.

– Какъ твоѣ здоровье? – спрашивалъ онъ Павла по пятидесяти разъ на день.

– Очень хорошо, – отвѣчалъ Павелъ – покорно благодарю.

– Давай же руку, – говорилъ потомъ Тутсъ.

И Павелъ протягивалъ руку. Помолчавъ минутъ десять, м-ръ Тутсъ, не спускавшій глазъ съ маленькаго товарища, опять спрашивалъ его – какъ ваше здоровье? – и Павелъ опять отвѣчалъ – очень хорошо, покорно благодарю.

Однажды м-ръ Тутсъ сидѣлъ за своей конторкой, занятый по обыкновенію важной корреспонденціей, какъ вдругъ великая мысль озарила его голову. Онъ бросилъ перо и пошелъ къ Павлу, котораго, наконецъ, послѣ длинныхъ поисковъ, нашелъ сидѣвшимъ на окнѣ въ своей спальнѣ. Павелъ смотрѣлъ на морской берегъ.

– Послушай, Домби! – вскричалъ Тутсъ. – О чемъ ты думаешь?

– О, я думаю о многихъ вещахъ! – отвѣчалъ Павелъ.

– Неужто! – вскричалъ Тутсъ, находя, что такой фактъ уже самъ по себѣ былъ чрезвычайно удивителенъ.

– Если бы тебѣ пришлось умереть, – началъ Павелъ, смотря ему въ лицо.

Тутсъ оробѣлъ.

– Не лучше ли бы ты согласился умереть въ лунную ночь, при ясномъ и чистомъ небѣ, когда подуетъ вѣтерокъ, какъ въ прошлую ночь?

М-ръ Тутсъ, съ выраженіемъ сомнѣнія, взглянулъ на Павла, взялъ его за руку и сказалъ, что онъ ничего не знаетъ.

– О, это была прекрасная ночь! – продолжалъ Павелъ. – Я долго смотрѣлъ и прислушивался къ морскимъ волнамъ. На поверхности ихъ, при полномъ свѣтѣ луны, качалась лодка съ парусомъ.

Ребенокъ смотрѣлъ такъ пристально и говорилъ такъ серьезно, что м-ръ Тутсъ увидѣлъ настоятельную необходимость сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе объ этой лодкѣ.

– Это контрабандисты? – сказалъ м-ръ Тутсъ. Но припомнивъ, что каждый вопросъ имѣетъ двѣ стороны съ одинаковой степенью вѣроятности, онъ прибавилъ: – Или таможенные?

– Лодка съ парусомъ, – продолжалъ Павелъ, – при полномъ свѣтѣ луны. Парусъ – весь серебряный. Она плыла далеко отъ берега, и какъ ты думаешь, что она дѣлала, когда качали ее волны?

– Нырjala? – сказалъ м-ръ Тутсъ.

– Мнѣ казалось, что она манила меня къ себѣ, – говорилъ Павелъ. – Вонъ она! Вонъ она!

– Кто? – вскричалъ Тутсъ, приведенный въ ужасный испугъ при этомъ внезапномъ восклицаніи.

– Сестра моя, Флоренса! – сказалъ Павелъ. – Вонъ она смотритъ и махаетъ рукой. Она видитъ меня, она видитъ меня! Здравствуй, милая, здравствуй, здравствуй!

Павелъ стоялъ на окнѣ, хлопалъ въ ладоши и посылалъ сестрѣ воздушные поцѣлуи; но когда Флоренса, проходя мимо, скрылась изъ виду, лицо его, оживленное яркимъ румянцемъ, опять приняло меланхолическое выраженіе и прониклось тревожнымъ ожиданіемъ. Всѣ эти переходы изъ одного состоянія въ другое были слишкомъ замѣчательны, чтобы ускользнуть отъ вниманія даже такого наблюдателя, какъ м-ръ Тутсъ. Свиданье на этотъ разъ было пре-

рвано визитомъ м-съ Пипчинъ, которая обыкновенно приходила по сумеркамъ въ докторскій домъ два или три раза въ недѣлю, чтобы навѣстить своего бывшего воспитанника. Ея прибытіе въ эту минуту произвело чрезвычайно непріятное впечатлѣніе на м-ра Тутса, такъ что онъ, по какому-то безотчетному побужденію, послѣ первыхъ привѣтствій, еще два раза подошелъ къ м-съ Пипчинъ, чтобы освѣдомиться, все ли она въ добромъ здоровьи. Эту выходку м-съ Пипчинъ приняла за личное оскорбленіе и немедленно сообразила, что мысль о такой обидѣ родилась и созрѣла въ дьявольскомъ мозгу слѣпого болвана, на котораго, какъ и слѣдуетъ, въ тотъ же вечеръ была принесена формальная жалоба дру Блимберу, и тотъ долженъ былъ сказать своему слугѣ, что если онъ еще разъ повторитъ подобную продѣлку, то его уже безъ всякихъ объясненій прогонять со двора.

Когда дни дѣлались длиннѣе, Павелъ уже каждый вечеръ становился у окна и выжидалъ Флоренсу. Она въ извѣстное время нѣсколько разъ проходила мимо докторскаго дома, пока не увидитъ брата, и ея появленіе было живительнымъ солнечнымъ лучемъ, озарявшимъ ежедневную жизнь бѣднаго Павла. Часто, послѣ сумерекъ, другая фигура блуждала мимо докторскаго дома, – фигура м-ра Домби, который теперь уже рѣдко пріѣзжалъ по субботамъ. Онъ хотѣлъ лучше быть неузнаннымъ и украдкой смотрѣлъ на высокія окна, гдѣ его сынъ готовился быть человекомъ. И онъ ждалъ, и надѣялся, и караулилъ, и мечталъ.

О, если бы видѣлъ онъ, другими глазами видѣлъ, какъ бѣдный унылый мальчикъ, прилегшій грудью на окно, прислушивается къ гулу морскихъ волнъ и устремляетъ задумчивые взоры на безпредѣльное небо, туда, гдѣ носятся темныя облака, гдѣ беззаботно порхаютъ птицы, между тѣмъ, какъ онъ, несчастный узникъ, заключенъ безвыходно въ своей одинокой клѣткѣ!

Глава XIII

Вѣсть изъ-за моря и распоряженіе фирмы

На площадкѣ передъ торговыми заведеніями м-ра Домби съ незапамятныхъ временъ производилась мелочная торговля всякой всячиной и особенно отличными фруктами, расположенными на ларяхъ, скамейкахъ, столикахъ и такъ далѣе. Каждый день, съ десяти часовъ утра до пяти вечера, торгаши и торговки предлагали прохожимъ туфли, карманные книжки, грецкія губки, собачьи ошейники, виндзорское мыло, картину, написанную масляными красками, а иной разъ тутъ же весьма кстати являлась лягавая собака, къ удовольствію отчаянныхъ охотниковъ до коммерческой политики, которые на этомъ рынкѣ, въ виду лондонской биржи, громко спорили насчетъ повышенія и пониженія денежныхъ фондовъ и держали пари на новыя шляпы.²

Всѣ эти товары, со включеніемъ лягавой собаки, очень учтиво рекомендовались почтеннѣйшей публикѣ, но ни одинъ торгошъ не осмѣливался безпокоить своей особой м-ра Домби. Какъ скоро знаменитый негоціантъ появлялся на площадкѣ, вся торгующая компанія почти-тельно разступалась въ разныя стороны, кромѣ, однакожь, смѣлаго промышленника собачьими ошейниками, который, вытягиваясь въ струнку, приставлялъ указательный перстъ къ широкимъ полямъ своей шляпы и раскланивался очень вѣжливо. Этотъ промышленникъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ человѣкъ политическій и до того извѣстный всему торгующему міру, что одинъ артистъ, имѣвшій жительство въ Чипсайдѣ,³ привинтилъ его портретъ къ дверямъ своей лавки. Разносчикъ билетовъ и афишъ, завидѣвъ м-ра Домби, бросался со всѣхъ ногъ отворять какъ можно шире конторскія двери, снималъ шапку долой и проникался глубочайшимъ благоговѣніемъ, когда мимо его проходилъ величавый джентльменъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ трепетнымъ благоговѣніемъ конторщиковъ и писарей, когда мимо нихъ проходилъ м-ръ Домби. Во всѣхъ комнатахъ воцарялась торжественная тишина, и остроуміе конторы внезапно поражалось нѣмотою. Дневной свѣтъ, тусклый и мрачный, пробивавшійся черезъ окна и отверстія въ потолокъ, оставлялъ въ стеклахъ черный осадокъ и выказывалъ глазамъ любопытнаго зрителя цѣлыя груды книгъ и дѣловыхъ бумагъ съ различными номерами и заглавіями. Надъ ними, за широкимъ столомъ, виднѣлись человѣческія фигуры съ понурыми головами, съ задумчивыми челами, отдѣленные тѣломъ и душою отъ видимаго міра. Можно было подумать, что всѣ эти господа рукою всесильной волшебницы превратились въ рыбъ и опустились на дно морское, между тѣмъ какъ небольшая кассовая комната среди конторы, гдѣ днемъ и ночью горѣла тусклая лампа подъ стекляннымъ колпакомъ, представляла пещеру какого-то морского чудовища, озирающаго кровожадными глазами дивныя тайны морской глубины.

М-ръ Перчъ, разсылный, засѣдавшій по обыкновенію въ передней на небольшой полкѣ, какъ будто онъ былъ бронзовая статуэтка или столовые часы, имѣлъ удивительную способность угадывать по чутью приближеніе своего хозяина. Передъ этимъ временемъ онъ торопливо вбѣгалъ въ его кабинетъ, вытаскивалъ изъ ящика свѣжіе уголья, раздувалъ въ каминѣ огонь, просушивалъ на рѣшеткѣ мокрую утреннюю газету, только что освобожденную изъ типографскаго станка, разставлялъ по мѣстамъ стулья и ширмы и, при входѣ м-ра Домби, быстро повертывался налѣво кругомъ, чтобы взять отъ него шляпу и шинель. Потомъ м-ръ Перчъ бралъ газету, повертывалъ ее два или три раза передъ огнемъ и почтительно укладывалъ на столѣ передъ глазами своего повелителя. Вообще услужливость его доходила до послѣднихъ степеней: если

² Авторъ осмѣливаетъ здѣсь страсть англичанъ кстати и некстати толковать о биржевыхъ дѣлахъ, страсть, распространившуюся даже между мелкими торговцами и уличными зѣваками. *Прим. перев.*

³ Такъ называется одна изъ глухихъ улицъ въ Лондонѣ. Cheapside буквально – дешевая сторона.

бы онъ могъ при всякомъ случаѣ, въ знакъ безпредѣльнаго смиренія, припадать къ стопамъ м-ра Домби или величать его титулами, которыми во время оно украшалась священная особа халифа Гарунъ Альрашида, м-ръ Перчъ, нѣтъ сомнѣнія, счелъ бы себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Но такъ какъ подобная честь была бы въ Лондонѣ очень непріятнымъ нововведеніемъ даже для самого м-ра Домби, разсылный Перчъ *volens polens*, скрѣпя сердце, принужденъ былъ ограничиться безмолвнымъ выраженіемъ своей преданности, и въ глазахъ его нетрудно было прочесть фразы, вродѣ слѣдующихъ: "Ты, о мой повелитель, свѣтъ моихъ, очей, дыханіе устъ моихъ, жизнь души моей. Ты владыка правовѣрнаго Перча". Преисполненный такими благочестивыми чувствами, м-ръ Перчъ становился на цыпочки, притворялъ дверь и тихонько выходилъ въ переднюю, оставляя своего владыку въ кабинетѣ, гдѣ съ безпримѣрной дерзостью на него смотрѣли грязныя трубы съ параллельныхъ кровель и особенно нахальное окно изъ парикмахерской залы, на которомъ кокетливо рисовался восковой болванчикъ, плѣшивый поутру, какъ правовѣрный мусульманинъ, и убранный передъ чаемъ всею роскошью европейской прически.

М-ръ Домби, съ высоты своего послѣдняго и мрачнаго величія, спускался къ остальному человѣчеству по двумъ ступенямъ конторской администраціи. Первою ступеню былъ м-ръ Каркеръ, завѣдывавшій своимъ департаментомъ; второю — м-ръ Морфинъ, начальникъ особаго департамента. Каждый изъ этихъ джентльменовъ занималъ по маленькой конторкѣ, соединявшейся съ резиденціей верховнаго владыки. М-ръ Каркеръ, какъ великій визирь, помѣщался въ комнатѣ, ближайшей къ султану; м-ръ Морфинъ, сановникъ низшаго разряда, жилъ въ комнатѣ, ближайшей къ писарямъ.

М-ръ Морфинъ былъ пожилой холостякъ, одаренный живыми сѣрыми глазами и чрезвычайно веселымъ нравомъ. Его сюртукъ, жилетъ и фракъ были всегда самаго чернаго цвѣта, а остальной костюмъ отличался удивительной пестротой. Въ его густыхъ черныхъ волосахъ рѣзко пробивалась просѣдь, и бакенбарды совершенно побѣлѣли отъ времени и заботъ. Онъ искренно уважалъ м-ра Домби и при всякомъ случаѣ оказывалъ ему глубокое почтеніе, хотя въ то же время чувствовалъ невольную робость въ присутствіи величаваго джентльмена. При мягкомъ и нѣжномъ характерѣ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей зависти къ своему сопернику, м-ру Каркеру, осыпанному высокими милостями, и былъ даже очень радъ, что ему поручили должность, которая не давала ему никакихъ способовъ отличиться на своемъ служебномъ поприщѣ. Послѣ дневныхъ хлопотъ, въ часы досуга, онъ любилъ заниматься музыкой и оказывалъ истинно отеческую привязанность къ своей віолончели, которую разъ въ недѣлю аккуратно переносили изъ его жилища въ нѣкоторый клубъ подлѣ банка, гдѣ веселая компанія, въ порывѣ артистическаго восторга, разыгрывала каждую среду убійственно раздирательныя квартеты.

М-ръ Каркеръ, джентльменъ лѣтъ тридцати восьми или сорока, круглолицый и полный, обращалъ на себя особенное вниманіе двумя несокрушимыми рядами блестящихъ зубовъ, правильныхъ и бѣлыхъ до ужасной степени совершенства. Эти страшные зубы невольно бросались въ глаза, потому что м-ръ Каркеръ выказывалъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и когда уста его открывались для улыбки, рѣдко переходившей за поверхность его толстыхъ губъ, собесѣднику казалось, что передъ нимъ огрызается борзая собака, готовая схватить его за горло. Поражая своему начальнику, онъ носилъ высочайшій бѣлый галстухъ и плотно застегивался на всѣ пуговицы. Его обращеніе съ мромъ Домби было глубоко обдуманно и выполнялось въ совершенствѣ. Онъ стоялъ съ нимъ на самой короткой ногѣ, сколько могло позволить огромное разстояніе между начальникомъ и подчиненнымъ. "М-ръ Домби, такой человѣкъ, какъ я, такому человѣку, какъ вы, никогда не можетъ изъявить соразмѣрнаго почтенія и удовлетворительной преданности. Какъ бы я ни унижался, ни уничтожался предъ тобой, о владыка души моей, все это будетъ вздоръ: ничтожный червь не можетъ воздать должнаго почтенія совершеннѣйшему

изъ земныхъ созданий. Поэтому ужъ позвольте, м-ръ Домби, обходиться съ вами безъ всякой церемоніи. Чувствую, что душа моя при этомъ проникнута будетъ глубокою скорбью; но ты, о мой повелитель, снизойдешь къ слабостямъ своего раба". Если бы м-ръ Каркеръ, напечатавъ такую декларацию, повѣсилъ ее себѣ на шею, онъ не могъ бы опредѣлиться яснѣе.

Таковъ былъ Каркеръ, главный приказчикъ торговаго дома. М-ръ Каркеръ младшій, другъ Вальтера, былъ его родной братъ, старшій двумя или тремя годами, но безконечно низшій по значенію въ конторѣ. Младшій братъ стоялъ на верху административной лѣстницы, старшій – на самомъ низу. Съ самаго начала своего служебнаго поприща старшій братъ ни на шагъ не подвинулся впередъ и стоялъ все на одной и той же ступени. Молодые люди догоняли его, перегоняли, становились надъ его головой, поднимались выше и выше, а онъ продолжалъ стоять на своей послѣдней ступени. Онъ совершенно сроднился съ своимъ положеніемъ, не жаловался никогда ни на что, и, нѣтъ сомнѣнія, никогда не надѣялся подвинуться впередъ.

– Какъ ваше здоровье? – спросилъ главный приказчикъ, входя однажды поутру въ кабинетъ м-ра Домби съ пачкою бумагъ подъ мышкой.

– Какъ ваше здоровье, Каркеръ? – отвѣчалъ м-ръ Домби, вставая съ креселъ и обратившись задомъ къ камину. – Есть тутъ у васъ что-нибудь для меня?

– Не знаю, стоитъ ли васъ беспокоить, – сказала Каркеръ, переворачивая бумаги. – Сегодня, вы знаете, у васъ комитетъ въ три часа.

– Два. Другой комитетъ въ три четверти четвертаго, – прибавилъ м-ръ Домби.

– Изволь тутъ поймать его! – воскликнулъ Каркеръ, еще разъ перебирая бумаги. – Если еще м-ръ Павелъ наслѣдуетъ вашу память, трудненько будетъ съ вами управиться. Довольно бы и одного.

– Память, кажется, и у васъ недурна, – замѣтилъ м-ръ Домби.

– Еще бы! – возразилъ приказчикъ. – Это единственный капиталъ для такого человѣка, какъ я.

М-ръ Домби, всегда спокойный и величавый, самодовольно облокотился на каминъ и принялся осматривать своего приказчика съ ногъ до головы, въ полной увѣренности, что тотъ ничего не замѣчаетъ. Вычурность костюма м-ра Каркера и оригинальная гордость въ осанкѣ и обращеніи, природная или заимствованная отъ своего высокаго образца, придавали удивительный эффектъ его смиренію. Казалось, это былъ человѣкъ, безсильно спорившій съ могучей властью и уничтоженный въ конецъ недостижимымъ величіемъ м-ра Домби.

– Морфинъ здѣсь? – спросилъ Домби послѣ короткой паузы, между тѣмъ какъ м-ръ Каркеръ переворачивалъ бумаги и бормоталъ про себя какія-то отрывочныя фразы.

– Да, Морфинъ здѣсь, – отвѣчалъ Каркеръ, широко отворяя ротъ для своей обыкновенной улыбки. – Онъ, я думаю, повторяетъ теперь свои музыкальныя впечатлѣнія отъ вчерашняго квартета. По крайней мѣрѣ, онъ все утро мурлыкалъ такъ, что чуть меня съ ума не свелъ. Прикажите, пожалуйста, м-ръ Домби, развести костеръ и спалить его проклятую віолончель вмѣстѣ съ его адскими нотами.

– Вы никого и ничего не уважаете, – сказалъ м-ръ Домби.

– Неужто вы такъ думаете! – воскликнулъ Каркеръ, безбожно оскаливая зубы, какъ животное изъ тигровой породы. – Оно, впрочемъ, и справедливо: немногихъ я уважаю, а если сказать всю правду, – пробормоталъ онъ какъ будто про себя, – есть только одинъ человѣкъ на свѣтѣ, достойный уваженія въ моихъ глазахъ.

Никто бы не поручился, смотря на физиономію Каркера, вралъ онъ или говорилъ правду. Но м-ръ Домби всего менѣе могъ подозрѣвать въ притворствѣ своего приказчика.

– А, между тѣмъ, кстати о Морфинѣ, – продолжалъ м-ръ Каркеръ, вынимая одинъ листъ изъ связки бумагъ. – Онъ рапортуетъ о смерти младшаго конторщика въ Барбадосѣ и предлагаетъ прислать на его мѣсто кого-нибудь на корабль "Сынъ и Наслѣдникъ", который, кажется, дол-

женъ отправиться недѣль черезъ пять. У васъ, разумѣется, никого нѣтъ въ виду, м-ръ Домби? Мы тоже не имѣемъ въ наличности людей подобнаго сорта.

М-ръ Домби кивнулъ головой съ величайшимъ равнодушіемъ.

— Мѣстечко, чортъ побери, не очень теплое, — продолжалъ м-ръ Каркеръ, дѣлая замѣтку на оборотѣ листа. — Авось Морфинъ удружить какому-нибудь музыкальному кружку, отправивъ туда его племянника сиротинку для усовершенствованія въ музыкальномъ искусствѣ. Пусть его! Кто тамъ? войдите.

— Извините, м-ръ Каркеръ. Я не зналъ, что вы здѣсь, сэръ, — отвѣчалъ Вальтеръ, входя съ запечатанными письмами, только-что принятыми отъ почтальона. — М-ръ Каркеръ младшій...

При этомъ имени главный приказчикъ какъ будто почувствовалъ ужасный стыдъ и униженіе. Онъ обратилъ на м-ра Домби умоляющій взглядъ, понурилъ голову и съ минуту не говорилъ ни слова.

— Кажется, я имѣлъ честь просить васъ, — сказалъ онъ, наконецъ, съ гнѣвнымъ видомъ, обращаясь къ Вальтеру, — никогда не включать въ нашъ разговоръ имени Каркера младшаго.

— Извините, — возразилъ Вальтеръ. — Я хотѣлъ сказать... м-ръ Каркеръ полагалъ, что вы ушли... я бы не осмѣлился войти, если бы зналъ, что вы заняты съ м-ромъ Домби. Эти письма, сэръ, адресованы на имя м-ра Домби.

— Очень хорошо, — сказалъ приказчикъ, вырывая письма изъ рукъ Вальтера. — Можете теперь идти, откуда пришли.

Но при этой грубой и безцеремонной выходкѣ онъ не замѣтилъ, что уронилъ одно письмо прямо къ ногамъ м-ра Домби, который тоже ничего не замѣчалъ. Вальтеръ принужденъ былъ воротиться поднимать письмо и положилъ на конторку передъ м-ромъ Домби. Случилось, какъ нарочно, что это несчастное посланіе, адресованное рукою Флоренсы, было отъ м-съ Пипчинъ съ ея обыкновеннымъ рапортомъ о состояніи маленькаго Павла. М-ръ Домби, обративъ вниманіе на конвертъ, гордо и грозно взглянулъ на Вальтера, воображая, что заносчивый юноша съ намѣреніемъ выбралъ это письмо изъ всѣхъ другихъ.

— Можете идти на свое мѣсто, — сказалъ м-ръ Домби съ надменнымъ видомъ.

Онъ скомкалъ письмо въ рукѣ и не распечатавъ засунулъ въ карманъ, продолжая наблюдать Вальтера, выходившаго изъ дверей.

— Вы сказали, кажется, что вамъ некого послать въ Вестъ-Индію, — торопливо сказалъ м-ръ Домби.

— Точно такъ, — отвѣчалъ Каркеръ.

— Отправить молодого Гэя.

— Хорошо, очень хорошо, — сказалъ Каркеръ самымъ спокойнымъ и холоднымъ тономъ, — такъ хорошо, что ничего не можетъ быть лучше.

Онъ взялъ перо и поспѣшно записалъ резолюцію своего начальника: "Отправить молодого Гэя".

— Позвать его сюда, — сказалъ м-ръ Домби. М-ръ Каркеръ опрометью бросился изъ дверей и черезъ минуту воротился съ Вальтеромъ.

— Гэй, — сказалъ м-ръ Домби, поворачивая голову къ молодому человѣку. — Открылась у насъ...

— Вакансія, — добавилъ м-ръ Каркеръ, открывая уста наистрашнѣйшимъ образомъ для своей обязательной улыбки.

— Въ Вестъ-Индію, въ Барбадосъ. Я намѣренъ туда отправить васъ, — сказалъ м-ръ Домби, не считая нужнымъ подсластить горькую истину, — на упразднившееся мѣсто младшаго конторщика въ нашемъ торговомъ домѣ. Будьте готовы и поторопитесь извѣстить дядю объ этомъ назначеніи.

У Вальтера замеръ духъ, и онъ едва могъ про говорить: "Въ Вестъ-Индію"!

– Кто-нибудь должен же ѣхать, – сказал м-ръ Домби. – Вы молоды, здоровы, и притомъ вашъ дядя не въ блестящихъ обстоятельствахъ. Скажите Гильсу, что я назначилъ васъ. Впрочемъ, вы ѣдете черезъ мѣсяцъ или два.

– Я долженъ тамъ остаться, сэръ? – спросилъ Вальтеръ.

– Должны остаться! – повторилъ м-ръ Домби. – Что это значить? Что онъ этимъ хочетъ сказать, Каркеръ?

– То есть, я долженъ буду и жить въ Барбадосъ? – пролепеталъ Вальтеръ.

– Разумѣется, – отвѣчалъ м-ръ Домби.

Вальтеръ поклонился.

– Это дѣло кончено, – сказалъ м-ръ Домби, осматривая свои письма. – Вы, Каркеръ, объясните ему въ свое время, какая должна быть экипировка, запасы и такъ далѣе. Теперь ему, конечно, нечего дожидаться, Каркеръ.

– Вамъ, любезный, нечего ждать, – замѣтилъ м-ръ Каркеръ, оскаливая зубы до самыхъ десенъ.

– А, впрочемъ, онъ, можетъ быть, хочетъ сказать что-нибудь, – проговорилъ м-ръ Домби, отрывая глаза отъ распечатаннаго письма и настороживъ слухъ.

– Нѣтъ, сэръ, – отвѣчалъ Вальтеръ, оглушенный и взволнованный безконечнымъ множествомъ картинъ, нарисованныхъ его воображеніемъ. Онъ уже видѣлъ капитана Куттля въ его лощеной шляпѣ, съ изумленіемъ взирающаго на м-съ Макъ Стингеръ, видѣлъ отчаянный вопль и стоны старика-дяди, прощающагося съ единственнымъ другомъ и племянникомъ, безъ надежды когда-либо увидѣть его на этомъ свѣтѣ.

– Я вамъ очень обязанъ сэръ, – продолжалъ Вальтеръ послѣ минутной паузы, – и едва...

– Ему нечего ждать, Каркеръ, – сказалъ м-ръ Домби.

И когда м-ръ Каркеръ повторилъ: – "Вамъ нечего ждать", Вальтеръ увидѣлъ ясно, что дальнѣйшее промедленіе было бы сочтено за непростительную дерзость и, повѣсивъ голову, вышелъ изъ комнаты въ судорожномъ волненіи, не сказавъ ни слова. Въ коридорѣ его догналъ приказчикъ и велѣлъ позвать къ себѣ брата.

Вальтеръ нашелъ Каркера младшаго въ его каморкѣ за перегородкой и, сообщивъ данное порученіе, немедленно отправился съ нимъ въ комнату главнаго приказчика.

Каркеръ старшій величаво стоялъ у камина, запустивъ обѣ руки за фалды фрака и держа голову вверхъ на своемъ высочайшемъ галстухѣ, точь-въ-точь какъ м-ръ Домби. Не перемѣняя этой позы, не смягчая суроваго и гнѣвнаго выраженія, онъ слегка кивнулъ головой и велѣлъ Вальтеру затворить дверь.

– Джонъ Каркеръ, – сказалъ приказчикъ, вдругъ обратившись къ брату и выставя страшные зубы, какъ будто онъ собирался загрызть своихъ собесѣдниковъ, – что у тебя за связь съ этимъ молокососомъ, который, какъ злой демонъ, всюду преслѣдуетъ меня твоимъ именемъ? Не довольно ли для тебя, Джонъ Каркеръ, что я, твой ближайшій родственникъ, и могу избавиться отъ этого...

– Позора, что ли?... договаривай, Джемсъ.

– Да, отъ позора. Но къ чему же трубить и горланить объ этомъ позорѣ во всѣхъ концахъ и срамить меня передъ цѣлымъ домомъ? и когда же, въ минуту искренней довѣренности м-ра Домби! Неужели ты думаешь, братъ мой Джонъ Каркеръ, что имя твое въ этомъ мѣстѣ совмѣстимо съ довѣріемъ и откровенностью?

– Нѣтъ, Джемсъ, нѣтъ, – возразилъ Каркеръ младшій, – я вовсе этого не думаю.

– Что же ты думаешь? загородить мнѣ дорогу? бѣльмомъ повиснуть на моихъ глазахъ? Братъ мой, братъ мой! Мало ли обидъ претерпѣлъ я отъ тебя?

– Я никогда не обижалъ тебя, Джемсъ, по крайней мѣрѣ, съ намѣреніемъ.

– Еще разъ: ты – братъ мой, – сказалъ приказчикъ, – и это уже смертельная обида.

– Джемсъ, я бы отъ души желалъ разорвать эти кровные узы.

– Могила разорветъ ихъ, твоя или моя.

Въ продолженіе этого разговора Вальтеръ смотрѣлъ на братьевъ съ безмолвнымъ изумленіемъ и болѣзненной грустью, едва переводя духъ. Старшій по лѣтамъ и младшій по значенію въ торговой администраціи стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, потупивъ взоры, понутивъ голову, смиренно выслушивая упреки грознаго судіи. И горьки были эти упреки, сопровождаемые горделивымъ тономъ и безжалостнымъ взоромъ, въ присутствіи молодого человѣка, невольнаго свидѣтеля ужасной загадочной сцены! И, между тѣмъ, ни одной жалобы, ни одного колкаго слова не вырвалось изъ устъ таинственнаго подсудимаго: онъ стоялъ и слушалъ съ безграничной покорностью и только изрѣдка дѣлалъ правою рукою умоляющій жестъ, какъ будто говорилъ: "Пощади меня, пощади"! Но палачъ не зналъ пощады и безжалостно терзалъ несчастную жертву, измученную продолжительной пыткой.

Наконецъ, великодушный и пылкій юноша, признавая себя невинной причиной этой бури, не могъ болѣе выдержать и съ величайшимъ жаромъ вмѣшался въ разговоръ.

– М-ръ Каркеръ, – сказалъ онъ, обращаясь къ главному приказчику, – повѣрьте, я одинъ во всемъ виноватъ, ради Бога, повѣрьте. По безотчетному легкомыслію, за которое никогда себя прощу, я безумно позволялъ себѣ говорить о вашемъ братѣ гораздо чаще, нежели нужно, и его имя невольно срывалось у меня съ языка, наперекоръ вашему формальному запрещенію. Но еще разъ – только я одинъ виноватъ во всемъ, сэръ. Мы никогда не обмѣнялись ни однимъ словомъ о предметѣ, выходившемъ изъ круга нашихъ общихъ отношеній, да и вообще мы говоримъ очень мало. Впрочемъ, и то сказать, едва ли я правъ, обвиняя себя въ легкомысліи и необдуманности. Знайте, сэръ, если вамъ угодно это знать: я полюбилъ вашего почтеннаго брата, лишь только переступилъ черезъ порогъ этого дома, я почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе съ перваго дня своей служебной дѣятельности, и мнѣ ли было не говорить о немъ, мнѣ, который о немъ только и думалъ?

Вальтеръ говорилъ отъ души и съ полнымъ сознаниемъ своего благородства. Еще разъ онъ окинулъ пронизательнымъ взоромъ дрожащую руку съ умоляющимъ жестомъ, понурую голову, потупленные глаза и подумалъ про себя: "Такъ я чувствую, и такъ, а не иначе, долженъ дѣйствовать въ пользу беззащитной жертвы".

– А, вы между тѣмъ, м-ръ Каркеръ, – продолжалъ благородный юноша со слезами на глазахъ, – вы избѣгали меня, постоянно избѣгали. Я это зналъ, я это видѣлъ и чувствовалъ, къ своему величайшему огорченію. Какихъ средствъ, какихъ усилій не употреблялъ я, чтобы сдѣлаться вашимъ другомъ, чтобы пріобрѣсть ваше довѣріе! Все напрасно.

– И замѣтьте, – сказалъ приказчикъ, перебивая молодого человѣка, – ваши усилія всегда будутъ бесполезны, если при каждомъ случаѣ, ни къ селу, ни къ городу, вы будете болтать о м-рѣ Каркерѣ. Этимъ вы всего меньше удружите моему брату. Попробуйте спросить его самого.

– Правда, – сказалъ братъ, – убійственная правда. Ваша горячность, молодой человѣкъ, послужитъ только поводомъ къ подобнымъ сценамъ, отъ которыхъ, можете представить, какъ желалъ бы я освободиться.

Слѣдующія слова Каркеръ младшій произнесъ съ разстановкой и твердымъ голосомъ, какъ будто желалъ произвести неизгладимое впечатлѣніе на душу Вальтера Гэя:

– Лучшимъ другомъ моимъ будетъ тотъ, кто вовсе не станетъ обо мнѣ думать, забудетъ о моемъ существованіи и оставитъ меня идти своей дорогой.

– Хорошо ли вы слышали, Вальтеръ Гэй? – сказалъ главный приказчикъ съ возрастающимъ одушевленіемъ. – Вы разсѣяны и не любите слушать, что говорятъ старшіе; но этотъ аргументъ, авось, прохладитъ вашу кровь. – Да и ты, любезный братецъ, – продолжалъ Каркеръ старшій саркастическимъ тономъ, – надѣюсь, не забудешь этого урока. Довольно. Ступайте, Вальтеръ Гэй.

Но, выходя изъ комнаты, Вальтеръ снова услышалъ голоса братьевъ и частое повтореніе своего собственнаго имени. Онъ въ нерѣшимости остановился за порогомъ подлѣ непритво-

ренной двери и не зная, идти ему или воротиться назад. Въ этомъ положеніи онъ поневоле услышалъ продолженіе разговора.

— Ради Бога, Джемсъ, думай обо мнѣ снисходительнѣе, если можешь. Моя несчастная исторія, неизгладимо написанная здѣсь, — онъ указалъ на грудь, — мое истерзанное сердце... посуди самъ... могъ ли я не замѣтить Вальтера Гэя? Могъ ли не принять участія въ этомъ мальчикѣ? Какъ скоро онъ пришелъ сюда, я увидѣлъ въ немъ почти другого себя!

— Другого себя? — повторилъ презрительнымъ тономъ главный приказчикъ.

— Разумѣется, не такого, какъ теперь, но какимъ я впервые явился въ этотъ домъ. И онъ, какъ нѣкогда я, пылкій, вѣтренный, неопытный юноша съ романическимъ и тревожнымъ воображеніемъ, съ чувствительнымъ сердцемъ, съ такими способностями, которыя, смотря по обстоятельствамъ, поведутъ его къ добру или злу...

— Будто бы? — сказалъ братъ съ язвительной улыбкой.

— О, братъ мой, братъ мой! ты поражаешь меня безъ пощады, и рука твоя не дрожитъ, и глубокая рана въ моемъ сердцѣ! — возразилъ Каркеръ младшій такимъ тономъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ остріе кинжала глубоко вонзилось въ его грудь. Такъ показалось Вальтеру. — Я все это передумалъ и перечувствовалъ, какъ этотъ молодой человѣкъ. Я вѣрилъ своимъ мечтамъ и жилъ среди нихъ, какъ въ дѣйствительномъ мірѣ. И теперь я увидѣлъ этого мальчика, беззаботно гуляющимъ на краю бездны, куда уже такъ многіе...

— Старая пѣсня, мой любезный, — прервалъ братъ, разгребая уголья въ каминѣ. — Ну, продолжай. Куда такъ многіе... свалились, что ли?

— Куда свалился о_д_и_нъ путешественникъ, безпечный нѣкогда и беззаботный, какъ этотъ мальчикъ. Онъ оступился незамѣтно, скользилъ все ниже и, наконецъ, полетѣлъ стремглавъ на самое дно, разбитый, истерзанный. Подумай, что я долженъ былъ вытерпѣть, когда наблюдалъ этого юношу.

— Благодарю за это себя самого, — отвѣчалъ братъ

— Конечно себя, — со вздохомъ отвѣчалъ тотъ. — Я не прошу другихъ дѣлать мой стыдъ.

— Ты уже р_а_з_д_ѣ_л_и_л_ъ его, — норовилъ Джемсъ сквозь зубы.

— Ахъ, Джемсъ, — возразилъ братъ, въ первый разъ тономъ упрека и закрывая руками лицо, — развѣ съ той поры я не былъ для тебя полезной почвой? и развѣ ты не попираешь меня ногами, когда карабкался наверхъ? Еще ли и теперь станешь добивать меня своими каблуками?

Послѣдовало молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ главный приказчикъ началъ перелистывать бумаги и показалъ видъ, что желаетъ окончить свиданіе. Братъ подошелъ къ дверямъ.

— Я все сказалъ, Джемсъ. Выслушай еще разъ: я слѣдилъ за пылкимъ юношей съ невыразимымъ страхомъ и волненіемъ до тѣхъ поръ, пока онъ благополучно миновалъ роковое мѣсто, съ котораго впервые я оступился, — и тогда его отецъ не могъ бы благодарить Бога усерднѣе меня. Я не смѣлъ его предостеречь, не смѣлъ совѣтовать ему; но въ случаѣ неминуемой опасности, я былъ бы принужденъ рассказать ему собственную исторію. Я боялся говорить съ нимъ въ присутствіи другихъ: могли подумать, что я дѣлаю ему вредъ, искушаю его на зло, развращаю его, а, быть можетъ, и точно совратилъ бы его съ прямой дороги. Какая-то роковая прилипчивая зараза кроется въ глубинѣ моей собственной души. Разбери мою исторію въ связи съ судьбою молодого Гэя, и ты поймешь, что я перечувствовалъ. Думай обо мнѣ снисходительнѣе, Джемсъ, если можешь.

И съ этими словами м-ръ Каркеръ младшій вышелъ изъ комнаты. Онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ Вальтера за порогомъ, и поблѣднѣлъ еще больше, когда тотъ схватилъ его за руку и шепотомъ началъ говорить:

— М-ръ Каркеръ, позвольте мнѣ благодарить васъ. Позвольте сказать, какъ много я вамъ обязанъ и какъ раскаиваюсь, что сдѣлался несчастной причиной этой ужасной сцены. Вы — мой покровитель, отецъ мой, великодушный, страждущій отецъ. О, какъ я люблю васъ и жалѣю о васъ!

И онъ судорожно сжималъ его руку, едва имѣя понятіе о томъ, что дѣлаетъ или говорить.

Такъ какъ по корридору безпрестанно бѣгали взадъ и впередъ писаря и слуги, м-ръ Каркеръ и его собесѣдникъ вошли въ комнату Морфина, которая на тотъ разъ была пріотворена и пуста. Тутъ Вальтеръ ясно разглядѣлъ на лицѣ несчастнаго друга свѣжіе слѣды такого ужаснаго волненія, которое совершенно его измѣнило.

— Вальтеръ, — сказалъ онъ, положивъ руку на его плечо — я отдѣленъ отъ тебя на неизмѣримое разстояніе, и отдѣленъ навсегда. Знаешь ли ты, что я такое?

— Что вы такое! — пролепеталъ Вальтеръ една слышнымъ голосомъ, устремивъ на него проницательный взоръ.

— Это началось, — сказалъ Каркеръ — передъ двадцать первымъ годомъ моей жизни... зародышъ, правда, обнаружился еще прежде, но созрѣлъ и развился только въ это время. Я ограбилъ ихъ, молодой человѣкъ, ограбилъ наповаль, когда достигъ этого возраста. На двадцать второмъ году моей жизни все открылось, и тогда... тогда я умеръ для людей, умеръ для всѣхъ, для всѣхъ!

Вальтеръ пошевелилъ губами, но не могъ произнести ни одного слова.

— Фирма обошлась со мной очень милостиво. Награди Богъ старика за его умѣренность и сына, который тогда только что вступалъ во владѣніе и удостоилъ меня полною довѣренностью. Разъ позвали меня въ комнату, въ нынѣшній его кабинетъ, и я вышелъ оттуда такимъ, какимъ ты теперь знаешь меня. Послѣ уже ни разу нога моя не переступала за этотъ порогъ. Много лѣтъ сидѣлъ я одинокій, какъ и теперь, на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, но тогда меня знали, и я служилъ примѣромъ для другихъ. Всѣ обходились со мной милостиво, жалѣли меня, и я жилъ. Время загладило отчасти мою вину, и теперь, я думаю, во всемъ домѣ никто настоящимъ образомъ не знаетъ моей исторіи, кромѣ трехъ человѣкъ. Когда вырастетъ будущій управитель фирмы, ему скажутъ о Каркерѣ младшемъ, но мой уголь будетъ уже пустъ. Дай Богъ, чтобы такъ случилось. Я прожилъ свою молодость, не выдавъ ея; мои желанія и надежды разлетѣлись въ прахъ. Благослови тебя Богъ, Вальтеръ! Будь честенъ и самъ, и всѣ, которые дороги для твоего сердца, или умри прежде времени, не подвергаясь стыду, отравляющему жизнь въ ея источникѣ.

Вальтеръ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, слушая эту таинственную рѣчь, и слезы ручьями лились изъ его глазъ. Когда онъ поднялъ голову, Каркеръ сидѣлъ за конторкой въ печальномъ безмолвіи, удрученный безотрадной тоской. Онъ принялся за работу, и молодой человѣкъ увидѣлъ ясно, что разговоръ долженъ быть оконченъ. Смутно соображая все, что видѣлъ и слышалъ въ это утро, Вальтеръ едва вѣрилъ, что его назначили въ Вестъ-Индію, что скоро наступитъ время, когда онъ покинетъ, и, быть можетъ, навсегда, старика Соломона, капитана Куттля, когда онъ простится съ Флоренсой Домби, маленькимъ Павломъ и со всѣмъ, что любилъ, чего искалъ, къ чему стремился.

Однако-жъ это былъ не сонъ. Свѣжая вѣсть уже распространилась по всему заведенію, и когда Вальтеръ съ тяжелымъ сердцемъ, съ мучительной тоской, сидѣлъ одиноко въ отдаленномъ углу, подпирая голову руками, Перчъ, разсылный, соскочивъ съ своей красной полки, толкнулъ его локтемъ, извинился и шепнулъ ему на ухо:

— Не можете ли вы, сударь, прислать мнѣ изъ Индіи кувшинъ хорошаго инбирю по дешевой цѣнѣ? Оно, вотъ видите, жена моя недавно родила, и не мѣшало бы ее попотчивать инбирнымъ вареньемъ. Это, говорятъ, очень полезно.

Итакъ, это былъ не сонъ!

Глава XIV

Павель сдѣлался еще страннѣе и уѣхалъ домой на каникулы

Когда приближались лѣтнія каникулы, время вождельнное для всякаго школьника, велемудрые питомцы дра Блимбера не обнаруживали никакихъ внѣшнихъ признаковъ неблагопрстойной радости. Бурное выраженіе «разгула», разумѣется, совершенно не могло согласоваться съ такимъ классическимъ заведеніемъ. Молодые джентльмены по два раза въ годъ степенно и чинно расплывались по домамъ и отнюдь не распускались, а были увольняемы по методѣ, истинно классической.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ господъ вовсе не имѣли положительныхъ причинъ приходить въ восторгъ при мысли о скоромъ свиданіи съ дражайшими родственниками. Воспитанникъ Тозеръ, не будучи дерзкимъ вольнодумцемъ, говорилъ прямо, что если бы въ его волѣ было выбирать изъ двухъ золь меньшее, то онъ ужъ лучше предпочелъ бы остаться въ учебной теплицѣ дра Блимбера, чѣмъ ѣхать на свою любезную родину. Такая декларация, по-видимому, весьма рѣзко противорѣчила ученой диссертациі м-ра Тозера, заслужившей громкую и совершенно справедливую похвалу отъ всего ученнаго синклита. Онъ писалъ, между прочимъ:

"Воспоминанія о родинѣ, или, правильнѣе, о родномъ пепелищѣ, пробуждаютъ въ моей душѣ сладчайшія волненія чудной неземной радости и дивнаго неизреченнаго восторга. Живо представляю себѣ того римскаго вождя, который, одержавъ рѣшительную побѣду надъ карфагенянами, возвращался, наконецъ, съ блистательнымъ триумфомъ въ собственное отечество. Вотъ уже вѣчный городъ, *urbs aeterna*, открывается передъ его глазами; еще нѣсколько минутъ военного марша, и онъ въ Капитоліи, и слава встрѣчаетъ его съ неувядаемымъ вѣнкомъ, и любовь согражданъ несетъ его на раменахъ своихъ въ храмъ безсмертія. Счастливые римляне, счастливый вождь! Но Сципіонъ, Сципіонъ! я не завидую тебѣ. Скоро и для меня наступятъ минуты торжества, равнаго твоему. Скоро и моя нога еще разъ ступитъ на родное пепелище. Съ какимъ, о! съ какимъ восторгомъ буду взирать я на своихъ родственниковъ! съ какимъ радостнымъ трепетомъ брошусь въ объятія той, которая, по могучему мановенію неисповѣдимой судьбы, воззвала меня изъ небытія къ бытію!" ... и т. д.

При всемъ томъ бѣдный ораторъ былъ гораздо искреннѣе въ откровенномъ разговорѣ съ товарищами. Матушка его, м-съ Тозеръ, назначала сына для духовнаго знанія и очень благоразумно разсуждала, что приготовленіе къ такому высокому назначенію требуетъ трудовъ неутомимыхъ, дѣятельности непрерывной. По ея непреложной волѣ, будущій пастырь словесныхъ овецъ постоянно носилъ туго накрахмаленный батистовый галстухъ, который дѣлалъ изъ него истиннаго страдальца. Притомъ былъ у него дядюшка, человекъ очень наблюдательный и ученый, который находилъ высокое наслажденіе проэкзаменовывать въ продолженіе каникулъ своего племянника изъ самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ предметовъ. Иногда для этой цѣли онъ пользовался событіемъ или случаемъ, по-видимому, самымъ невиннымъ, и радовался отъ всего сердца, когда нападалъ врасплохъ на вѣтреннаго юношу. Случалось, онъ ѣздилъ съ нимъ въ театръ или вывозилъ его поглазѣть на какого-нибудь великана, карлика, фокусника, и какъ скоро любезный племянничекъ въ самомъ дѣлѣ начиналъ глазѣть, хитрый дядя вдругъ раскрывалъ передъ нимъ сокровища своей учености, и м-ръ Тозеръ долженъ былъ готовиться къ объясненію цѣлой коллекціи классическихъ цитатъ.

Другой воспитанникъ докторской теплицы, м-ръ Бригсъ терпѣлъ не меньшую пытку отъ своего возлюбленнаго родителя, который считалъ за особую честь и славу держать сына въ ежовыхъ рукавицахъ. Его умственные истязанія въ каникулярное время были такъ много-

численны и строги, что друзья фамилии, проживавшіе въ Бэйсватерѣ близъ Лондона, рѣдко подъѣзжали къ красивымъ прудамъ кенсингтонскихъ садовъ безъ смутной надежды увидѣть на поверхности воды скомканную шляпу молодого Бриггса и неоконченныя упражненія въ высокомъ слогѣ, возлежавшія на скамейкѣ. Такимъ образомъ м-ръ Бриггсъ не слишкомъ радовался приближенію каникулъ, да и вообще никто изъ молодыхъ джентльменовъ не ощущалъ въ себѣ пламеннаго желанія освободиться на это время изъ-подъ ферулы Блимбера, доктора всѣхъ наукъ, и Фидера, магистра всѣхъ искусствъ.

Но изъ всей этой компаніи маленькій Павелъ составлялъ самое рѣзкое исключеніе. Каникулы рисовались его воображенію непрерывной перспективой свѣтлыхъ праздниковъ, и хотя конецъ былъ отравленъ мыслью о разлукѣ съ Флоренсой, которая уже не поѣдетъ болѣе въ Брайтонъ, но Павелъ старался по возможности отстранить отъ себя эту мысль. Да и къ чему думать о концѣ праздниковъ, которые еще не начинались? Передъ ихъ наступленіемъ лвы и тигры, свирѣпствовавшіе по стѣнамъ дѣтской, спальни, вдругъ сдѣлались ручными и веселыми до крайности. Уродливыя гримасы на коврахъ приняли очень ласковое выраженіе и нѣжной улыбкой изъясляли сочувствіе къ своему наблюдателю. Гордые стѣнные часы, очевидно, смягчили выраженіе и съ большимъ участіемъ освѣдомлялись о здоровьи маленькаго друга. Только бурное море по прежнему продолжало по ночамъ распѣвать свою меланхолическую пѣсню; но въ этой меланхоліи отражалась теперь какая-то особенная нѣжность, и морская волна, какъ заботливая нянька, пріятно убаюкивала маленькаго Павла на его постели.

М-ръ Фидеръ рассчитывалъ въ каникулярное время на особыя истинно классическія наслажденія, а м-ръ Тутсъ готовился начать блистательный рядъ нескончаемыхъ торжествъ, которыя послѣдуютъ немедленно по выходѣ изъ докторской теплицы. Въ этомъ году онъ уже оканчивалъ курсъ своего образованія, о чемъ и докладывалъ Павлу разъ по семидесяти въ сутки, объявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ немедленно вступить во владѣніе наслѣдственнымъ имѣніемъ.

Очевидно, м-ръ Тутсъ и маленький Домби сдѣлались закадычными друзьями, несмотря на нѣкоторую разницу въ лѣтахъ и умственныхъ способностяхъ. Передъ наступленіемъ каникулъ м-ръ Тутсъ почти не отходилъ отъ своего пріятеля и смотрѣлъ на него съ особой выразительностью.

Д-ръ Блимберъ, м-съ Блимберъ и миссъ Блимберъ, точно такъ же, какъ и всѣ молодые джентльмены, замѣтили, что м-ръ Тутсъ нѣкоторымъ образомъ принялъ на себя должность защитника и опекуна Павла, и это обстоятельство въ скоромъ времени дошло до свѣдѣнія самой м-съ Пипчинъ, старушки очень ревливой и весьма набожной, которая по этому поводу вознснавидѣла м-ра Тутса всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою и, разговаривая о немъ въ своемъ замкѣ, называла его не иначе, какъ "скалозубымъ болваномъ". Невинный Тутсъ никакъ не подозрѣвалъ, что возбудилъ противъ себя такой ужасный гнѣвъ м-съ Пипчинъ, и въ простотѣ сердца продолжалъ считать ее почтенной дамой, заслуживавшей всякаго уваженія. По этой причинѣ, каждый разъ, какъ м-съ Пипчинъ дѣлала визиты маленькому Павлу, онъ улыбался очень учтиво и съ такимъ добродушнымъ усердіемъ навѣдывался по нѣскольку разъ о состояніи ея драгоцѣннаго здоровья, что почтенная дама, выведенная изъ терпѣнія, однажды вечеромъ объявила ему напрямикъ, что онъ дуракъ, и что она вовсе не расположена сносить обидныя дерзости отъ всякаго молокососа. Озадаченный такими совершенно неожиданными выговорами, м-ръ Тутсъ робко забился въ отдаленный уголъ и уже съ той поры ни разу не смѣлъ явиться на глаза рыцарственной дамѣ.

Однажды, за двѣ или за три недѣли до каникулъ, Корнелія Блимберъ призвала Павла къ себѣ въ комнату и сказала:

- Домби, я намѣрена отправить въ Лондонъ твой "analysis."
- Покорно благодарю, миссъ, — отвѣчалъ Павелъ.

– Понимаешь ли ты, что тако analysis? – спросила Корнелія, пристально всматриваясь через очки въ своего ученика.

– Нѣтъ, миссъ, не понимаю, – отвѣчалъ Павелъ.

– Ахъ, Домби, Домби, – сказала миссъ Блимберъ, – я начинаю думать, что ты очень дурной мальчикъ. Отчего ты не хочашь спросить, какъ скоро не понимаешь ученаго выраженія?

– М-съ Пипчинъ, говорила, что я не долженъ дѣлать вопросовъ, – отвѣчалъ Павелъ.

– Запрещаю тебѣ однажды навсегда упоминать мнѣ о м-съ Пипчинъ по какому бы то ни было поводу, – возразила съ большимъ достоинствомъ миссъ Блимберъ. – Это изъ рукъ вонъ. Курсъ наукъ здѣсь слишкомъ удаленъ отъ понятій какой-нибудь м-съ Пипчинъ. Если ты еще разъ заикнешься этимъ именемъ, я принуждена буду завтра поутру прослушать тебя изъ латинской грамматики! отъ *verbum personale* до *simillima cugno* всключительно...

– Я никакъ не хотѣлъ, миссъ... – началъ маленькій Павелъ.

– Я вовсе не желаю знать, чего ты хотѣлъ или не хотѣлъ. Прошу впередъ не употреблять такихъ отговорокъ.

Павелъ замолчалъ. Миссъ Корнелія Блимберъ, покачавъ головою, съ важностью взяла бумагу и прочитала заглавіе: "Analysis характера Павла Домби".

– Слушай же, Домби, – сказала она. – Слово "Analysis," первоначально происшедшее отъ простѣйшихъ корней въ древнемъ греческомъ языкѣ, безъ малѣйшаго измѣненія перешло въ латинскій и съ теченіемъ времени утвердилось въ англійскомъ языкѣ. Теперь, если не ошибаюсь, оно получило право гражданства во всѣхъ европейскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Знаменитый нашъ соотечественникъ, Уокеръ, обезсмертившій себя изданіемъ превосходнаго англійскаго лексикона, объясняетъ это слово такимъ образомъ: "Analysis есть разложеніе предмета, подлежащаго внутреннему или внѣшнему чувству, на его составные элементы." Я, съ своей стороны, для большаго уясненія, считаю нужнымъ прибавить, что анализъ, въ логическомъ отношеніи, всегда противопоставляется синтезу. Понялъ ли ты теперь?

Казалось, яркій свѣтъ ученаго о_б_ъ_я_с_н_е_н_і_я не провелъ слишкомъ замѣтнаго потрясенія въ мозгу маленькаго Домби. Онъ поклонился и молчалъ.

– Итакъ, – продолжала Корнелія Блимберъ – "Analysis характера Павла Домби". – Я нахожу, что природныя способности Домби чрезвычайно хороши и, если не ошибаюсь, его общая склонность къ образованію состоитъ въ такой же пропорціи. Такимъ образомъ, принимая, по заведенному у насъ обычаю, число восемь за maximum, или за высшее мѣрило при оцѣнкѣ интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей индивидуума, я могу опредѣлить каждый изъ этихъ атрибутовъ въ шесть и три четверти.

Миссъ Блимберъ пріостановилась, чтобы видѣть произведенное впечатлѣніе. Бѣдный Павелъ никакъ не могъ постигнуть, что тутъ слѣдовало разумѣть подъ шестью и тремя четвертями: шесть ли фунтовъ стерлинговъ и пятнадцать шиллинговъ, или шесть пенсовъ и три фартинга, или шесть футовъ и три дюйма, или безъ четверти семь часовъ, или какой-нибудь неизвѣстный предметъ, сличенный съ другимъ предметомъ, котораго онъ не изучалъ. Напрасно ломая голову, онъ потиралъ руками и безмолвно смотрѣлъ на миссъ Блимберъ. Увѣренная, между тѣмъ, что все это ясно, какъ день, Корнелія продолжала:

– Буянство – два. Гордость – два. Склонность къ низкому обществу, проявившаяся. особенно по поводу нѣкаго Глыбба, первоначально семь, но впослѣдствіи сократилась до четырехъ съ половиной. Джентльменское обращеніе покамѣстъ четыре, но впослѣдствіи увеличивается... Теперь, Домби, я желаю обратить твое вниманіе на общія замѣчанія въ концѣ анализа.

Павелъ приготовился слушать.

– Вообще должно замѣтить о Домби, – начала громкимъ голосомъ миссъ Блимберъ, взглядывая на мальчика при каждомъ второмъ словѣ, – что его способности и наклоинности весьма хороши, и что онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, оказалъ очень удовлетворительные успѣхи. Но, къ несчастью, надобно прибавить объ этомъ молодомъ джентльменѣ, что онъ очень

страненъ въ своемъ характерѣ и поведеніи, такъ что не безъ основанія его называютъ чудакомъ, и хотя, строго говоря, нельзя въ немъ указать ни на что, достойное положительнаго осужденія, однако-жь, очень часто онъ вовсе бываетъ непохожъ на своихъ ровесниковъ и товарищей по наукамъ... Ну Домби, хорошо ли ты понялъ?

– Кажется, миссъ, – отвѣчалъ Павелъ.

– Этотъ анализъ, – продолжала миссъ Блимберъ, – я намѣрена отослать въ Лондонъ къ почтенному твоему родителю, и, конечно, ему больно будетъ узнать, что въ его сынѣ развивается характеръ чудака. Это, любезный, и для насъ очень непріятно, потому что при такихъ свойствахъ мы не можемъ любить тебя такъ, какъ бы хотѣли.

Корнелія задѣла теперь за самую чувствительную струну бѣднаго мальчика, и онъ съ этого достопамятнаго дня началъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы его полюбили въ докторскомъ домѣ. По какому-то тайному побужденію, совершенно непостижимому и для него самого, онъ непремѣнно хотѣлъ въ этомъ мѣстѣ оставить по себѣ добрую память. Мысль, что къ отъѣзду его будутъ равнодушны, была для него невыносима. Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, заслужить любовь всего дома, и для это цѣли помирился даже съ огромной цѣпной собакой, хриплой и шаршавой, которой прежде терпѣть не могъ: " Пусть, – думалъ онъ, – и этотъ песъ не жалуется на меня".

Не подозревая, что и другими выходками онъ опять-таки рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ товарищей, бѣдняжка не разъ приставалъ къ миссъ Корнеліи и убѣдительно просилъ сдѣлать милость полюбить его, несмотря на страшный анализъ. Эту же покорнѣйшую просьбу онъ предъявилъ и м-съ Блимберъ, когда та пришла въ комнату дочери. Почтенная лэди даже въ его присутствіи повторила общее мнѣніе насчетъ его странностей. Павелъ не противорѣчилъ и, совершенно соглашаясь съ нею, замѣтилъ только, что это, вѣроятно, происходитъ отъ его больныхъ костей или Богъ знаетъ отчего, но, во всякомъ случаѣ, онъ надѣется, что добрая м-съ Блимберъ извинитъ его, потому-что онъ всѣхъ ихъ любить.

– Конечно, м-съ, – сказалъ Павелъ, тономъ совершенной откровенности, составлявшей прекраснѣйшую черту въ его характерѣ, – конечно я люблю васъ не такъ, какъ сестрицу Флоренсу, этого, м-съ, разумѣется, вы не потребуете и сами, не такъ ли?

– Что это за оригинальный мальчикъ! – прошептала м-съ Блимберъ, – удивительный чудакъ!

– Но все-таки я очень, очень люблю и васъ, и всѣхъ, кто живетъ въ этомъ домѣ, – продолжалъ Павелъ, – и я буду ужасно огорченъ, если кто-нибудь обрадуется моему отъѣзду. Ради Бога, м-съ, попробуйте полюбить меня.

М-съ Блимберъ теперь окончательно убѣдилась, что въ цѣломъ свѣтѣ не сыскать ребенка страннѣе Павла, и когда это мнѣніе, съ надлежащими объясненіями, было сообщено м-ру Блимберу, почтенный докторъ утвердилъ мысль своей супруги на прочныхъ основаніяхъ науки и прибавилъ, что эрудиція современемъ все можетъ исправить. Потомъ, обращаясь къ дочери, онъ съ особой выразительностью сказалъ: "Веди его впередъ, Корнелія, впередъ и впередъ!"

И Корнелія что есть мочи тащила его черезъ терніи и волчцы классической дороги. Павелъ трудился неумоимо, выбивался изъ силъ, и при всемъ томъ ни на минуту не выпускалъ изъ виду своей задушевной цѣли: пріобрѣсть благосклонность всего дома. Онъ сдѣлался ласковымъ, услужливымъ, нѣжнымъ, предупредительнымъ, и хотя иной разъ по прежнему онъ сидѣлъ одиноко на ступеняхъ лѣстницы или задумчиво смотрѣлъ на волны и облака изъ своего уединеннаго окошка, но уже не чуждался болѣе товарищей, гулялъ съ ними и скромно оказывалъ имъ разныя услуги безъ всякой просьбы или понужденія съ ихъ стороны. Вожделѣнная цѣль была, наконецъ, достигнута съ блистательнымъ успѣхомъ. Его полюбили, какъ хрупкую маленькую игрушку, требовавшую деликатнаго обхожденія. Но все же бѣдный мальчикъ не могъ перестроить своей природы, или переписать рокового анализа, и названіе чудака утвердилось за нимъ навсегда.

Это, однако-жъ, не мѣшало ему пользоваться такими привилегіями, какихъ не имѣлъ ни одинъ изъ его товарищей, и даже самыя странности теперь обратились для него въ пользу. Всѣ молодые джентльмены, уходя въ спальни, только кланялись доктору и его семейству, а Павелъ Домби смѣло протягивалъ свою маленькую руку и д-ру Блимберу, и м-съ Блимберъ, и миссъ Корнели Блимберъ. Если кому-нибудь грозило наказаніе, Павелъ отправлялся депутатомъ въ докторскій кабинетъ и нерѣдко вымаливалъ прощеніе. Подслѣповатый малый одинъ разъ держалъ съ нимъ важное совѣщаніе по поводу разбитой фарфоровой чашки, и даже носились темныя слухи, будто самъ буфетчикъ – человѣкъ очень суровый, не имѣвшій особеннаго расположенія ни къ единому смертному – обратилъ благосклонное вниманіе на маленькаго Домби и по временамъ примѣшивалъ въ его столовое пиво значительную часть портеру, чтобы укрѣпить слабаго ребска.

Кромѣ этихъ обширныхъ привилегій, маленькій Павелъ имѣлъ свободное право входить во всякое время въ комнату м-ра Фидера, откуда ему два раза удалось вывести на открытый воздухъ м-ра Тутса, близкаго къ обмороку отъ неудачнаго покушенія выкурить крѣпкую сигару, вынутую изъ огромной пачки, купленной этимъ джентльменомъ на морскомъ берегу у одного отчаяннаго контрабандиста, который сообщилъ ему тайну, что лондонская таможня назначила за его голову, живую или мертвую, двѣсти фунтовъ стерлинговъ чистоганомъ. М-ръ Фидеръ занималъ очень уютную комнату съ крошечной спальней за перегородкой. Надъ каминомъ у него висѣла флейта, на которой онъ еще не игралъ, но имѣлъ намѣреніе выучиться играть при первомъ удобномъ случаѣ. Тутъ же, на самомъ видномъ мѣстѣ, красовалась удочка со всѣми принадлежностями рыболовства, ибо м-ръ Фидеръ имѣлъ твердое намѣреніе выучиться ловить рыбу, хотя еще ни разу не упражнялся въ этомъ искусствѣ. Между книгами на большой полкѣ особенно бросались въ глаза испанская грамматика и шахматная доска: м-ръ Фидеръ покамѣстъ еще не игралъ въ шахматы и не разумѣлъ по-испански, но имѣлъ непремѣнное намѣреніе въ наискорѣйшемъ времени выучиться по-испански и овладѣть важнымъ искусствомъ шахматной игры. Съ этой же цѣлью у м-ра Фидера приобрѣтены были и представлены въ приличныхъ мѣстахъ: рисовальныя кисточки съ разными сортами дорогихъ красокъ, круглый подержанный охотничій рожокъ съ клапанами и пара отличныхъ боксерскихъ перчатокъ. – Искусство самозащиты, – говорилъ м-ръ Фидеръ, – есть одно изъ важнѣйшихъ искусствъ, необходимыхъ для всякаго мужчины, сознающаго чувство чести. Не владѣющій этимъ искусствомъ не можетъ, въ случаѣ надобности, оказать покровительства слабой и беззащитной женщинѣ. Я непремѣнно выучусь боксировать.

Но самую важною драгоценностью въ кабинетѣ м-ра Фидера былъ огромный зеленый кувшинъ съ нюхательнымъ табакомъ, подаренный ему въ концѣ послѣднихъ каникулъ м-ромъ Тутсомъ, который приобрѣлъ это сокровище за весьма высокую цѣну, такъ какъ оно принадлежало первоначально ею свѣтлости принцу регенту. М-ръ Фидеръ и м-ръ Тутсъ, нюхая этотъ табакъ, даже въ самыхъ малыхъ дозахъ, чихали до упаду, и носы ихъ испытывали всѣ признаки судорожнаго пароксизма, имѣвшаго, впрочемъ, свою особую прелесть. Они приступали къ этому наслажденію не иначе, какъ послѣ предварительныхъ церемоній, соблюдавшихся со всею строгостью. Разложивъ на столѣ огромный листъ бумаги первѣйшаго сорта, они высыпали потребное количество табаку, смачивали его зеленымъ чаемъ, мѣшали ложечкой или перочинными ножами и потомъ уже, насыпавъ полныя табакерки, начинали разнюхивать. Набивая такимъ образомъ носы, они выносили ужасную пытку съ удивительнымъ самоотверженіемъ, и потомъ, для вящаго наслажденія, чтобы разомъ испытать всѣ прелести разврата, распивали бутылку крѣпкаго портеру.

Маленькій Павелъ, засѣдавшій иногда въ ихъ обществѣ подлѣ своего главнаго патрона, м-ра Тутса, чувствовалъ при этомъ к_у_т_е_ж_ѣ какое-то странное очарованіе, и когда м-ръ Фидеръ, разговаривая о лондонскихъ тайнахъ, сказалъ м-ру Тутсу, что онъ намѣренъ нынѣшнія каникулы наблюдать ихъ вблизи во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ и отгѣнкахъ и уже

нанялъ для этой цѣли квартиру со столомъ у двухъ старыхъ дѣвицъ въ Пеккгемѣ, Павелъ смотрѣлъ на него, какъ на таинственнаго героя фантастическихъ приключеній, и почти начиналъ бояться такого головорѣза.

Однажды вечеромъ, передъ самымъ наступленіемъ каникулъ, Павелъ, войдя въ ихъ комнату, засталъ Фидера и Тутса за огромной пачкой литографированныхъ билетовъ; м-ръ Фидеръ вписывалъ имена въ оставленные пробѣлы и дѣлалъ адреса, а м-ръ Тутсъ складывалъ и запечатывалъ.

– Ага, Домби! – вскричалъ м-ръ Фидеръ – ты здѣсь, дружище? славно, братъ, славно.

Они всегда обращались ласково съ маленькимъ Павломъ и рады были его видѣть. Бросивъ къ нему одинъ изъ билетиковъ, м-ръ Фидеръ продолжалъ:

– Держи, Домби: это твой.

– Мой? – сказалъ Павелъ.

– Твой пригласительный билетъ на балъ.

Билетикъ былъ напечатанъ съ мѣдной доски отличнымъ шрифтомъ, за исключеніемъ имени и числа, надписанныхъ рукою м-ра Фидера. Павелъ прочиталъ.

"Д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе эсквайру Павлу Домби, имѣютъ честь покорнѣйше просить его удостоить ихъ своимъ посѣщеніемъ въ будущую среду, семнадцатаго числа, въ половинѣ восьмого пополудни. Вечеръ начнется кадрилию".

М-ръ Тутсъ, бросаясь въ объятія Павла, также сообщилъ ему радостную вѣсть, что докторъ и докторша, свидѣтельствуя ему, м-ру Тутсу, совершенное почтеніе, покорнѣйше просятъ его на балъ въ среду вечеромъ, семнадцатаго числа, въ половинѣ восьмого. Оказалось вообще, что д-ръ Блимберъ и м-съ Блимберъ свидѣтельствовали свое совершенное почтеніе всей компаніи молодыхъ джентльменовъ и покорнѣйше просили ихъ на балъ. Иначе и быть не можетъ въ классическомъ заведеніи.

Потомъ м-ръ Фидеръ, къ величайшей радости Павла, объявилъ, что его сестрица, Флоренса Домби, также приглашена на балъ, и такъ какъ въ этотъ же день, то есть семнадцатаго числа, оканчивается ихъ учебный семестръ, то онъ, если ему угодно, можетъ тотчасъ же послѣ бала уѣхать съ сестрою домой, на что Павелъ немедленно отвѣчалъ, что ему это очень угодно. Далѣе, м-ръ Фидеръ сообщилъ, что докторъ и м-съ Блимберъ ждутъ отъ него отвѣта, который долженъ быть написанъ мельчайшимъ почеркомъ на тонкой бумагѣ такимъ образомъ: "Павелъ Домби, свидѣтельствуя свое глубочайшее почтеніе ихъ высокородіямъ д-ру Блимберу и м-съ Блимберъ, имѣетъ честь извѣстить, что онъ сочтетъ не премѣннымъ и весьма пріятнымъ долгомъ воспользоваться ихъ обязательнымъ приглашеніемъ, а посему не замедлитъ къ нимъ явиться въ будущую среду, семнадцатаго числа, ровно въ половинѣ восьмого пополудни". Наконецъ, м-ръ Фидеръ далъ совѣтъ не заикаться объ этихъ распоряженіяхъ ни полсловомъ въ присутствіи д-ра и м-съ Блимберъ, ибо, по правиламъ классическаго воспитанія и высокаго тона, предполагается, что д-ръ Блимберъ, съ одной стороны, а молодые джентльмены, съ другой, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о предстоящемъ торжествѣ.

Поблагодаривъ м-ра Фидера за всѣ эти совѣты, онъ спряталъ пригласительный билетъ въ карманъ и усѣлся по обыкновенію на стулѣ подлѣ м-ра Тутса; но голова его, уже давно слабая и тяжелая, такъ разболѣлась въ этотъ вечеръ, что онъ принужденъ былъ подпереть ее руками и черезъ нѣсколько минутъ вдругъ, какъ снопъ, повалился на колѣни м-ра Тутса.

Казалось, онъ былъ не глухъ, однако-жъ, немного погодя, Павелъ почувствовалъ, что м-ръ Фидеръ кричитъ ему на ухо и слегка треплетъ по плечу, чтобы пробудить его вниманіе. Онъ поднялъ голову въ совершенномъ испугѣ и, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что въ комнату вошелъ д-ръ Блимберъ, что окно было отворено, что лобъ у него вспрыснутъ холодной водой. Какъ все это случилось и зачѣмъ все это случилось, онъ никакъ не могъ понять.

– Очнулся, очнулся! Ну, слава Богу. Теперь ничего, – сказала дръ Блимберъ. – Какъ ты себя чувствуешь, мой маленькій другъ?

– Очень хорошо, покорно благодарю, – сказалъ Павелъ.

Но ему показалось, что комната и всѣ предметы въ ней пришли въ какое-то странное положеніе. Полъ шатался, стѣны кружились и прыгали, а м-ръ Тутсъ раздулся до такой степени, что голова его, очевидно, стала походить на бочку, и когда онъ взялъ своего любимца на руки, чтобы снести наверхъ, Павелъ пришелъ въ неописанное изумленіе, увидѣвъ очень ясно, что м-ръ Тутсъ карабкался съ нимъ прямо въ трубу.

Но вмѣсто трубы, м-ръ Тутсъ благополучно снесъ его въ спальню, чего прежде не дѣлалъ никогда, и Павлу показалась очень удивительною такая необыкновенная учтивость. Онъ поблагодарилъ. Но м-ръ Тутсъ сказалъ, что этимъ еще не ограничатся его ласки, и Павелъ увидѣлъ, что дѣйствительно не ограничились: онъ раздѣлъ его, разулъ и уложилъ нѣжнѣйшимъ образомъ въ постель, сѣлъ подлѣ кровати и началъ ухмыляться очень любезно, между тѣмъ какъ м-ръ Фидеръ, расположившись насупротивъ м-ра Тутса, презабавно взьерошивалъ щетину на своей головѣ, улыбался и, наконецъ, въ припадкѣ необыкновеннаго восторга, выскочилъ на самую середину комнаты и принялся выдѣлывать преуморительные жесты, дѣлая видъ, что боксируетъ. Все это ужасно озадачило Павла и, не зная, плакать ему или смѣяться, онъ заплакалъ и засмѣялся вмѣстѣ.

Но вдругъ м-ръ Тутсъ растаялъ, а м-ръ Фидеръ какимъ-то чудомъ иревратился въ м-съ Пипчинъ. Павелъ уже не спрашивалъ, какъ это случилось, и не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ изумленія.

– М-съ Пипчинъ, – сказалъ онъ, – пожалуйста, не сказывайте Флоренсѣ.

– Чего не сказывать, мой милый? – проговорила м-съ Пипчинъ, обходя вокругъ постели и усаживаясь на стулъ.

– Обо мнѣ не сказывайте.

– Нѣтъ, нѣтъ. Будь спокоенъ.

– А какъ вы думаете, м-съ Пипчинъ: что я стану дѣлать, когда вырасту? – спросилъ Павелъ, поворачивая голову на подушкѣ и подпирая руками подбородокъ.

М-съ Пипчинъ никакъ не могла угадать.

– А вотъ что, – сказалъ Павелъ. – Я положу свои деньги въ банкъ, брошу всякую торговлю, уѣду съ сестрицей въ деревню, разведу прекрасный садъ и стану гулять съ нею всю свою жизнь.

– Неужто? – вскричала м-съ Пипчинъ.

– Непремѣнно, – сказалъ Павелъ. – Вотъ только что... когда я...

Онъ остановился и съ минуту не говорилъ ни слова. Сѣрый глазъ м-съ Пипчинъ скользилъ по его лицу.

– Е_с_л_и только я вырасту, – сказалъ онъ оканчивая фразу.

Потомъ онъ принялся рассказывать м-съ Пипчинъ о разныхъ подробностяхъ насчетъ предстоящаго бала, о приглашеніи Флоренсы, о томъ, какъ молодые джентльмены станутъ ею любоваться, какъ это будетъ ему пріятно и, наконецъ, о томъ, какъ всѣ его любятъ, и какъ онъ этому радъ. Далѣе онъ рассказалъ м-съ Пипчинъ о своемъ анализѣ, о томъ, что миссъ Блимберъ отмѣтила его страннымъ, о томъ, что и м-съ Блимберъ, да и всѣ считаютъ его чудакомъ, о томъ, что онъ этого вовсе не понимаетъ, и потому теперь убѣдительно просить м-съ Пипчинъ объяснить ему, почему онъ чужакъ и что такое чужакъ? М-съ Пипчинъ отвѣчала коротко и ясно, что все это вздоръ; но Павелъ далеко не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и бросилъ на м-съ Пипчинъ такой пытливый взоръ, что она сочла нужнымъ отвернуться и подойти къ окну.

Жилъ въ Англіи скромный аптекарь и вмѣстѣ лѣкарь⁴, прикомандированный къ учебному заведенію д-ра Блимбера, который теперь очутился въ дѣтской спальнѣ вмѣстѣ съ м-съ Пипч-

⁴ Должность лѣкаря и аптекаря въ Англіи часто соединяются въ одномъ лицѣ.

инь. Какъ они пришли, и зачѣмъ они пришли, и давно ли они пришли, Павелъ никакъ не могъ себѣ растолковать; но, увидѣвъ ихъ у своей постели, онъ привсталъ и иачаль весьма обстоятельно отвѣчать на всѣ вопросы домашняго врача, которому, наконецъ, шепнулъ на ухо, чтобы онъ сдѣлалъ милость ничего не говорилъ Флоренсъ, такъ какъ скоро будетъ балъ, и она приглашена. Вообще онъ очень много говорилъ съ лѣкаремъ, и они разстались превосходными друзьями. Положивъ голову на подушку, Павелъ закрылъ глаза; но ему послышалось или, быть можетъ, пригрезилось, будто лѣкарь говорилъ, что въ мальчикѣ замѣтны большой недостатокъ жизненной силы (что бы это такое? – думалъ Павелъ) и большая слабость въ организмѣ. "Такъ какъ ребенокъ, – говорилъ еще аптекарь, – забралъ себѣ въ голову, что семнадцатаго числа онъ будетъ на балу и уѣдетъ домой, то ужъ пусть дозволяютъ ему эту фантазію, чтобы не сдѣлалось хуже. Это хорошо, что дитя скоро ѣдетъ къ родственникамъ, какъ говорить м-съ Пипчинъ. Я самъ напишу къ м-ру Домби, какъ скоро лучше ознакомлюсь еѣ ходомъ болѣзни. Покамѣстъ, кажется, еще нѣтъ большой..." Но чего нѣтъ, Павелъ не разслышалъ. Въ заключеніе лѣкарь сказалъ, что это прелестное, но только очень странное дитя.

Какія-то дались имъ странности! – думалъ Павелъ и никакъ не могъ постигнуть, отчего онъ имъ всѣмъ бросается въ глаза. Между тѣмъ м-съ Пипчинъ какъ-то опять очутилась подлѣ него, а, быть можетъ, она и не уходила, хотя, кажется, онъ видѣлъ, будто она вышла съ докторомъ изъ дверей или, пожалуй, это такъ пригрезилось. Теперь въ рукахъ у нея, Богъ знаетъ зачѣмъ, появилась какаято странная бутылка и рюмка, и она подносила рюмку Павлу. Потомъ м-съ Пипчинъ изъ собственныхъ рукъ поподчивала его какимъ-то сладкимъ желе, и ему сдѣлалось такъ хорошо, что м-съ Пипчинъ, по его настоятельной просьбѣ, отправилась домой, а Бригтсъ и Тозеръ подошли къ его постели. Бѣдный Бригтсъ ужасно ворчалъ на свой анализъ, гдѣ его съ безпощаднымъ искусствомъ опытнаго химика разложили на всѣ составныя части. При всемъ томъ онъ былъ ласковъ съ Павломъ, какъ и Тозеръ, какъ и всѣ молодые джентльмены, потому что каждый изъ нихъ, отходя ко сну, заходилъ напередъ къ Павлу и спрашивалъ: "Каковъ ты, Домби? какъ ты себя чувствуешь, Домби? Будь веселъ, Домби, не робѣй!" и такъ далѣе. Бригтсъ долго метался въ постели и безъ умолку жаловался на свой анализъ, говоря, что тутъ нѣтъ ни на волосъ правды и что его р_а_з_л_о_ж_и_л_и, какъ разбойника.

– Что бы сказалъ д-ръ Блимберъ, – говорилъ онъ, – если бы его самого такъ разложили? Вѣдь отъ этого зависятъ карманные деньги! Какія штуки! Цѣлыхъ полгода мучили бѣднаго парня, какъ конторщика, да потомъ его же отрекомендовали лѣнивцемъ! Хорошъ лѣновецъ! Не давали по два раза въ недѣлю обѣдать, да еще называли жаднымъ! Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ не сталъ бы жадничать на моемъ мѣстѣ. О! А!

Утромъ на другой день, подслѣповатый малый, собираясь, по обыкновенію, колотить въ мѣдный тазъ, сказалъ Павлу, чтобы онъ не беспокоился и почивалъ себѣ спокойно, когда другіе джентльмены будутъ одѣваться. Павелъ обрадовался. Скоро пришла м-съ Пипчинъ, а за нею лѣкарь, а за лѣкаремъ Мелія, та женщина, что выгребала золу изъ камина въ первое утро по прибытіи вла въ докторскій домъ, – охъ, какъ давно, давно это было! Всѣ эти особы посмотрѣли на Павла, спросили, какъ онъ себя чувствуетъ, и пошли въ другую комнату на консультацію, а, пожалуй, что все это пригрезилось. Потомъ лѣкарь воротился уже съ д-ромъ Блимберомъ и м-съ Блимберъ. Онъ сказалъ:

– Да, господинъ докторъ, я совѣтую вамъ освободить этого джентльмена отъ всякихъ занятій. Да вѣдь ужъ и каникулы недалеко.

– Само собою разумѣется, – отвѣчалъ д-ръ Блимберъ. – Душенька, извѣсти объ этомъ Корнелію.

– Очень хорошо, – сказала м-съ Блимберъ.

Лѣкарь съ такимъ участіемъ и заботливостью шупаль пульсъ, сердце и смотрѣлъ въ глаза маленькаго паціента, что Павелъ невольно проговорилъ:

– Покорно васъ благодарю, сэръ.

- Маленькій нашъ другъ, – замѣтилъ дръ Блимберъ, – кажется, никогда не жаловался.
- О, я думаю! – отвѣчалъ докторъ.
- Такъ вамъ кажется, что ему лучше? – спросилъ д-ръ Блимберъ.
- Значительно лучше, – отвѣчалъ лѣкаръ какимъ-то двусмысленнымъ тономъ.

Павель углубился въ размышленіе насчетъ того, что бы такое думалъ аптекаръ, такъ загадочно отвѣтившій на два вопроса д-ра Блимбера. Но когда аптекаръ, уловившій взоръ маленькаго паціента, бросилъ на него ободрительную и дружескую улыбку, Павель тоже разсѣлся и уже болѣе не предпринималъ своего заоблачнаго путешествія.

Весь этотъ день онъ пролежалъ въ постели, дремалъ, грезилъ и по временамъ смотрѣлъ на м-ра Тутса; но на другое утро онъ всталъ очень рано, спустился съ лѣстницы во второй этажъ, вошелъ въ залу, остановился передъ часами и... вотъ чудесато! – часы уже не спрашивали болѣе: "Ка-ко-въ-мой-ма-лень-кій-другъ". Циферблатъ былъ снятъ, и часовой мастеръ, стоявшій на передвижной лѣстницѣ, засовывалъ какіе-то инструменты во внутренность машины. Это обстоятельство ужасно удивило Павла: онъ сѣлъ на нижней ступенькѣ подвижной лѣстницы и принялся наблюдать очень внимательно за всѣми операціями, взглядывая по временамъ на циферблатъ, который какъ будто за что-то косился на него со стѣны.

Часовой мастеръ былъ человѣкъ ласковый и не замедлилъ спросить Павла, какъ его здоровье, на что Павель тоже не замедлилъ отвѣтить, что, кажется, его находятъ не слишкомъ здоровымъ, а, впрочемъ, ничего. Когда такимъ образомъ разговоръ начался, Павель надавалъ мастеру множество вопросовъ насчетъ колокольнаго звона и боя часовъ. Нужно было знать, стоитъ ли кто на колокольнѣ по ночамъ, когда бьютъ часы, или часовой колоколъ приводится въ движеніе самъ собою, и какъ все это устроено? Отчего это колокола иначе звонятъ при похоронахъ, и совсѣмъ иначе на свадьбѣ, или они звонятъ одинаково, а это только такъ кажется, и почему именно такъ кажется? "А не лучше ли было бы, – спросилъ еще Павель, – измѣрять время сожиганіемъ свѣчъ, какъ хотѣлъ это сдѣлать король Альфредъ? Вы вѣдь знаете короля Альфреда?" – Часовщикъ отвѣчалъ, что не знаетъ, но думаетъ, однако-жъ, что это было бы очень дурно, потому-что тогда нечѣмъ было бы жить часовымъ мастерамъ. Вообще бесѣда была очень интересная, и Павель продолжалъ дѣлать наблюденія до тѣхъ поръ, пока циферблатъ не пришелъ въ свое обыкновенное положеніе. Часовщикъ положилъ свои инструменты въ корзину, раскланялся съ любознательнымъ собесѣдникомъ и, выходя изъ дверей, не преминулъ сдѣлать замѣчаніе: "Какой странный мальчикъ! чудакъ, да и только!" Павель хорошо разслышалъ эти слова.

– Что это они всѣ сговорились называть меня чудакомъ! – сказалъ онъ. – Чудакъ да чудакъ, – рѣшительно не понимаю!

Не имѣя теперь уроковъ, онъ часто объ этомъ размышлялъ, и конечно размышлялъ бы еще чаще, если бы другіе предметы не лежали у него на душѣ. Ему было о чемъ думать.

Прежде всего – Флоренса пріѣдетъ на балъ. Флоренса увидитъ, что всѣ мальчики его любятъ, и это будетъ очень пріятно Флоренсѣ. Это было главной темой его размышленій. Пусть Флоренса узнаетъ, что всѣ джентльмены ласковы съ нимъ и добры, что онъ сдѣлался ихъ маленькимъ любимцемъ: тогда она станетъ думать, что онъ не слишкомъ станетъ тужить, когда послѣ каникулъ его опять повезутъ въ пансіонъ.

Повезутъ опять! Разъ пятьдесятъ въ этотъ день заходилъ онъ въ свою комнатку, собиралъ книги, тетради, лоскутья, каждую бездѣлицу, и все это увязывалъ, укладывалъ, упаковывалъ, чтобы взять домой. Ни малѣйшей мысли о возвращеніи назадъ, ни малѣйшаго приготовленія къ этому и, думая о концѣ каникулъ, онъ только останавливался на Флоренсѣ!

Проходя по верхнимъ комнатамъ, онъ думалъ, какъ онѣ опустѣютъ, когда не будетъ его, и сколько потомъ еще пройдетъ безмолвныхъ дней, недѣль, мѣсяцевъ, годовъ между этими стѣнами. Кто то заступитъ его мѣсто? Найдется ли когда-нибудь еще такой же мальчикъ, какъ и онъ?

Онъ думалъ о портретѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ, который всегда какъ-то задумчиво смотрѣлъ на Павла, когда онъ проходилъ мимо, и если случалось, что онъ проходилъ съ товарищемъ, портретъ – чудное дѣло! – смотрѣлъ только на него одного. Много онъ думалъ объ этомъ и почти въ то же время размышлялъ еще объ одной картинѣ, прелестной, удивительной картинѣ, гдѣ, среди группы различныхъ фигуръ, Павелъ зналъ только одну женщину, нѣжную, кроткую, сострадательную, съ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ вокругъ головы. Эта женщина тоже какъ будто смотрѣла на Павла и всегда указывала ему наверхъ.

Въ своей спальнѣ, облокотившись на окно, онъ тоже думалъ безпрестанно, и его мысли смѣнялись одна другою, какъ морскія волны, которыя онъ по прежнему наблюдалъ съ одинаковымъ вниманіемъ. Гдѣ живутъ эти дикія птицы, что летаютъ надъ моремъ въ бурную погоду? Отчего зарождались облака, и куда они спѣшили, перегоняя одно другое? Откуда брался вѣтеръ, и куда онъ шель? Берегъ, ио которому они такъ часто гуляли съ Флоренсой и наблюдали море, и говорили о многихъ вещахъ, останется ли такимъ же, когда ихъ не будетъ, или онъ опустѣетъ? А если бы Флоренса гуляла здѣсь одна, и они бы разлучились, о чемъ и какъ бы стала она думать и что бы всего больше ее занимало?

Онъ думалъ еще о м-рѣ Тутсѣ, о м-рѣ Фидерѣ, о всѣхъ мальчикахъ; и о д-рѣ Блимберѣ, о м-сѣ Блимберъ и миссѣ Блимберъ; о домѣ, и о тетушкѣ Чиккѣ, и о миссѣ Токсѣ; о своемъ отцѣ Домби и Сынѣ, о Вальтерѣ съ его бѣднымъ дядей, которому онъ далъ денегъ, и о басистомъ капитанѣ съ его желѣзной рукой. Кромѣ того, въ этотъ день ему надлежало сдѣлать множество визитовъ – въ класную комнату, въ кабинетъ д-ра Блимбера, въ спальню м-сѣ Блимберъ, въ уборную миссѣ Блимберъ и въ каморку цѣпной собаки. Ему дали теперь полную волю бродить вездѣ въ домѣ и около дома, и онъ на прощаньи хотѣлъ угодить всѣмъ. Онъ отыскивалъ для Бриггса въ учебныхъ книгахъ мѣста, которыя тотъ всегда забывалъ, пріискивалъ въ словарь слова для другихъ молодыхъ джентльменовъ, слишкомъ занятыхъ своимъ дѣломъ, приводилъ въ порядокъ бумаги для миссѣ Корнеліи, а иногда пробирался въ кабинетъ самого доктора и, усаживаясь подлѣ его ученыхъ ногъ, ворочалъ потихоньку глобусы, совершалъ мысленныя путешествія по земнымъ и небеснымъ пространствамъ.

Словомъ въ эти послѣдніе дни передъ каникулами, всѣ другіе молодые джентльмены работали изо всѣхъ силъ, повторяя уроки за цѣлый семестръ, Павелъ былъ привилегированнымъ воспитанникомъ, какого не видавали въ этомъ домѣ. Едва и самъ онъ вѣрилъ такому счастью; но свобода его увеличивалась съ часу на часъ, со дня на день, и всѣ ласкали маленькаго Домби. Д-ръ Блимберъ былъ такъ къ нему внимателенъ, что однажды выслалъ Джонсона изъ-за стола, когда тотъ необдуманно проговорилъ за обѣдомъ; "бѣдненькій Домби!" Павелъ дивился и находилъ, что докторъ поступилъ очень жестоко, хотя краска вспыхнула у него на лицѣ, и онъ никакъ не могъ понять, отчего товарищъ называлъ его бѣдненькимъ. Эта чрезмѣрная строгость казалась тѣмъ несправедливѣе, что Павелъ очень хорошо слышалъ, какъ докторъ въ прошлый вечеръ согласился съ мнѣніемъ м-сѣ Блимберъ, которая сказала напрямикъ, что бѣдный маленькій Домби сдѣлался теперь еще страннѣе. Теперь Павелъ начиналъ догадываться, за что его называли чудакомъ, – конечно, за то, что онъ былъ слабъ, блѣденъ, тонокъ, скоро уставалъ и готовъ былъ во всякое время повалиться, какъ снопъ, и отдыхать.

Наконецъ, наступило семнадцатое число. Д-ръ Блимберъ, послѣ завтрака, обращаясь къ молодымъ джентльменамъ, сказалъ:

– Господа, наши лекціи начнутся въ будущемъ мѣсяцѣ двадцать пятого числа.

М-ръ Тутсъ немедленно надѣлъ кольцо, принявъ гордый видъ а_н_г_л_і_й_с_к_а_г_о_г_р_а_ж_д_а_н_и_н_а и, разговаривая съ товарищами о своемъ бывшемъ начальникѣ, безъ церемоніи назвалъ его Блимберомъ. Старшіе воспитанники съ изумленіемъ и завистью взглянули на гражданина, а младшіе никакъ не могли понять, какимъ образомъ Тутсъ не сгинулъ съ лица земли за такую неслыханную дерзость.

За столомъ никто не закинулъ ни полсловомъ насчетъ вечерняго торжества; но въ домѣ во весь этотъ день происходила страшная суматоха, и Павелъ въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ познакомился съ какими-то странными скамейками и подсвѣчниками, а что всего забавнѣе, при входѣ въ залу онъ увидѣлъ арфу, одѣтую въ зеленый сюртукъ. За обѣдомъ голова у м-съ Блимберъ приняла какую-то странную форму, какъ будто она завинтила свои волосы, и хотя у миссъ Корнеліи Блимберъ на каждомъ вискѣ красовался прелестный букетъ завитыхъ волосъ, но ея маленькія кудри, неизвѣстно по какой причинѣ, были завернуты кусочками театральной афиши, и Павелъ съ изумленіемъ прочелъ у ней на лбу "королевскій театр", а за лѣвымъ ухомъ "Брайтонъ".

Къ вечеру спальня молодыхъ джентльменовъ превратилась въ магазинъ бѣлыхъ жилетовъ и галстуковъ, откуда на весьма значительное пространство несло запахомъ опаленныхъ волосъ, и д-ръ Блимберъ, посылая своимъ питомцамъ нижайшее почтеніе, велѣлъ кстати спросить, не пожаръ ли въ ихъ комнатѣ. Но слуга, возвращаясь съ отвѣтомъ, объявилъ, что парикмахеръ, завивая господамъ волосы, слишкомъ распалилъ щипцы въ жару своего усердія.

Несмотря на слабость и расположеніе ко сну, Павелъ одѣлся на скорую руку и сошелъ въ гостиную, гдѣ д-ръ Блимберъ ходилъ взадъ и впередъ съ величавымъ и совершенно беззаботнымъ видомъ, какъ будто онъ ждалъ не больше двухъ, трехъ человѣкъ, которые, быть можетъ, завернутъ къ нему случайно, немного погодя. Вскорѣ явилась м-съ Блимберъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и съ такимъ длиннымъ шлейфомъ, что прогулка вокругъ ея особы составила для Павла препорядочное путешествіе. Послѣ маменьки пришла и дочка, немного перетянутая, но чрезвычайно очаровательная.

Изъ гостей прежде всѣхъ явились м-ръ Тутсъ и м-ръ Фидеръ. Оба джентльмена держали въ рукахъ шляпы, какъ будто пріѣхали издалека, и когда буфетчикъ, при торжественномъ докладѣ, произнесъ ихъ имена, д-ръ Блимберъ сказалъ: "Прошу покорно, господа, добро пожаловать", и, казалось, былъ чрезвычайно радъ видѣть дорогихъ гостей. М-ръ Тутсъ, великолѣпно сіявшій булавкой, колечкомъ и пуговицами, истинно джентльменскимъ образомъ раскланялся съ дамами и величаво протянулъ руку д-ру Блимберу. Проникнутый глубокимъ сознаніемъ собственного достоинства, онъ тутъ же отвелъ Павла въ сторону и съ особой выразительностью спросилъ:

— Что ты думаешь объ этомъ, Домби?

Но несмотря на совершенную увѣренность въ себѣ самомъ, м-ръ Тутсъ надолго погруженъ былъ въ раздумье относительно того обстоятельства, должно ли застегивать на жилетѣ нижнія пуговицы, или нѣтъ, и какъ приличнѣе распорядиться оконечностями рубашечныхъ рукавчиковъ. Замѣтивъ, что у м-ра Фидера они были вытянуты, м-ръ Тутсъ распорядился точно такимъ же образомъ; но когда оказалось, что у другихъ гостей они были отогнуты на фрачные обшлага, м-ръ Тутсъ не замедлилъ послѣдовать этому примѣру. Разница касательно жилетныхъ пуговицъ не только нижнихъ, но и верхнихъ сдѣлалась у новыхъ гостей еще ощутительнѣе, такъ что пальцы м-ра Тутса безпрестанно шмыгали по этой части его костюма, какъ будто онъ разыгрывалъ на музыкальномъ инструментѣ труднѣйшую арію, которая совершенно сбивала его съ толку.

Немного погодя, явились и другіе джентльмены въ модной прическѣ, въ высочайшихъ галстукахъ, въ ганцовальныхъ башмакахъ, съ лучшими шляпами въ рукахъ. За ними пришелъ м-ръ Бапсъ, танцмейстеръ, въ сопровожденіи своей супруги, которую м-съ Блимберъ приняла очень вѣжливо и благосклонно. Лакей о каждомъ гостѣ докладывалъ громогласно. Осанка м-ра Бапса была очень величественна, и онъ говорилъ съ особой выразительностью, дѣлая ударенія на каждомъ словѣ. Постоявъ минутъ пять подъ лампой, онъ подошелъ къ м-ру Тутсу, который въ молчаніи любовался своими башмаками, и спросилъ:

— Какъ вы думаете, сэръ, относительно сырыхъ матеріаловъ, привозимыхъ въ наши гавани изъ-за границы: что съ ними должно дѣлать?

– Варить ихъ, – не задумываясь отвѣчалъ м-ръ Тутсъ.

Этимъ и окончилась бесѣда, хотя, казалось, господинъ танцмейстеръ не совсѣмъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ м-ра Тутса.

Павель, дѣлавшій теперь глубокомысленныя наблюденія на мягкой софѣ, обложенной подушками, вдругъ соскочилъ съ этого сѣдалища и отправился въ чайную комнату дожидаться Флоренсу, которой онъ не видалъ уже около двухъ недѣль, потому что въ прошлую субботу его не пускали домой изъ опасенія простуды. Вскорѣ явилась она, прелестная, какъ ангель, въ своемъ бальномъ платьицѣ, съ свѣжимъ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ пріятельницы Павла, Меліи, и другой женщины, разливавшей чай. Когда Флоренса стала на колѣни, чтобы поцѣловать маленькаго брата, Павелъ бросился въ ея объятія и не хотѣлъ оторвать глазъ отъ ея цвѣтущаго личика.

– Что съ тобой, Флой, – вдругъ спросилъ Павелъ, почти увѣренный, что увидѣлъ слезу на щекѣ сестры.

– Ничего, милый, ничего, – отвѣчала Флоренса.

Павель тихонько дотронулся до щеки: на ней точно была слеза!

– Милая, что съ тобою?

– Мы поѣдемъ домой, – отвѣчала сестра, – и я буду за тобой ухаживать.

– За мной ухаживать! Это что такое?

Павель дивился, отчего двѣ молодыя женщины смотрѣли на него съ такимъ задумчивымъ видомъ, отчего Флоренса на минуту отворотилась и потомъ опять оборотила на него глаза съ отрадной улыбкой,

– Флой, – сказалъ Павелъ, перебирая рукою ея черные лаконы, – скажи мнѣ, моя милая, правда ли, что я чудакъ?!..

Флоренса засмѣялась, обласкала его и проговорила: "нѣтъ".

– А они всѣ то и дѣло говорятъ, будто я чудакъ, – возразилъ Павелъ, – желалъ бы я знать, что такое чудакъ?

Въ эту минуту постучались въ дверь, и Флоренса, поспѣшивъ къ чайному столу, не успѣла отвѣчать брату на его вопросы. Павелъ удивился опять, когда увидѣлъ, что Мелія о чемъ-то перешептывалась съ Флоренсой; но вошедшіе гости сообщили другое направленіе его наблюденій.

Это были: сэръ Барнетъ Скеттльзъ, леди Скеттльзъ и сынокъ ихъ, еще мальчикъ, который послѣ каникулъ готовился поступить въ учебное заведеніе д-ра Блимбера. Отецъ былъ членомъ нижняго парламента, и м-ръ Фидеръ, разговаривая о немъ съ молодыми джентльменами, сказалъ между прочимъ, что г. Барнетъ Скеттльзъ непременно свернетъ голову отчаянной партіи радикаловъ, только бы уловить ему взоръ президента⁵, чего, однако-жъ, онъ никакъ не могъ дожидаться цѣлыхъ три года.

– Какая это комната? – спросила леди Скеттльзъ у Павловой пріятельницы.

– Кабинетъ д-ра Блимбера, – отвѣчала Мелія.

– Хорошая, очень хорошая комната, – проговорила леди Скеттльзъ, обращаясь къ своему мужу.

– Очень хорошая комната, – повторилъ почтенный супругъ.

– А кто малютка? – сказала леди Скеттльзъ, обращаясь къ Павлу. – Не одинъ ли...

– Изъ молодыхъ джентльменовъ? – подхватила Мелія. – Точно такъ, сударыня.

– Какъ васъ зовутъ, душенька? – спросила леди Скеттльзъ.

– Домби, – отвѣчалъ Павелъ.

⁵ Когда членъ нижняго парламента встаетъ съ своего мѣста для произнесенія рѣчи, онъ не можетъ начать ее прежде, чѣмъ на него и взглянетъ президентъ. Отсюда выраженіе: уловить взоръ президента (to catch the Speaker's eye), равносильное выраженіе: получить позволеніе говорить рѣчь.

При этомъ имени сэръ Барнетъ Скеттльзъ немедленно вмѣшался въ разговоръ и объявилъ, что имѣлъ честь встрѣчаться съ Павловымъ отцомъ на публичныхъ обѣдахъ, и теперь ему очень пріятно слышать о драгоцѣннѣйшемъ здоровьи м-ра Домби. Затѣмъ Павелъ разслышалъ слова, обращенныя къ леди Скеттльзъ: "Сити... богачъ... извѣстнѣйшій... докторъ говоритъ"...

— Потрудитесь передать папенькѣ мое глубокое почтеніе, — сказалъ сэръ Барнетъ Скеттльзъ, обращаясь къ Павлу.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ Павелъ.

— Какой умненькій мальчикъ! — воскликнулъ сэръ Барнетъ Скеттльзъ. — Сынъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому Скеттльзу, который между тѣмъ съ величайшимъ аппетитомъ изволилъ кушать сладкій пирогъ съ изюмомъ, въ вознагражденіе за будущія лишенія въ докторскомъ пансіонѣ, — сынъ, познакомься съ молодымъ джентльменомъ. Это такой джентльменъ, съ которымъ ты можешь и долженъ познакомиться.

— Какое милое личико! Что за глазки! Что за локончики! — восклицала леди Скеттльзъ, лорнируя Флоренсу съ ногъ до головы.

— Сестра моя, Флоренса Домби, — сказалъ Павелъ, рекомендуя.

Скеттльзы ощущали теперь неизреченное наслажденіе, и такъ какъ леди Скеттльзъ, съ перваго взгляда почувствовала къ Павлу материнскую привязанность, то вся компанія поспѣшила отправиться въ залу. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ велъ Флоренсу, а молодой Скеттльзъ шелъ позади.

Молодой Скеттльзъ недолго оставался въ неизвѣстности, потому что д-ръ Блимберъ вывелъ его изъ-за угла и заставилъ танцевать съ Флоренсой. Павлу показалось, что дикій мальчикъ вовсе не чувствовалъ себя счастливымъ отъ этой компаніи и даже будто бы на что-то сердился; но когда леди Скеттльзъ, играя вѣеромъ, сообщила миссъ Корнеліи Блимберъ, что сынокъ ея просто безъ ума отъ этого ангельчика, миссъ Домби, Павелъ заключилъ, что молодой Скеттльзъ, упоенный блаженствомъ, не могъ выразить своихъ впечатлѣній внѣшними знаками.

Удивительнымъ показалось Павлу, отчего никто не хотѣлъ занимать его мѣста на софѣ между подушками, и отчего молодые джентльмены, при входѣ его въ залу, поспѣшили дать ему дорогу и указать на прежнее мѣсто. Замѣтивъ, что маленькій Домби съ наслажденіемъ смотрѣлъ на танцующую сестру, они распорядились такъ, что никто не заслонялъ передъ нимъ Флоренсы, и онъ могъ свободно слѣдить за нею глазами. Всѣ гости, даже посторонніе, были такъ ласковы, что безпрестанно подходили къ нему и спрашивали, какъ онъ себя чувствуетъ, не болитъ ли у него головка, не усталъ ли онъ? Павелъ благодарилъ отъ души и, расположившись на софѣ вмѣстѣ съ м-съ Блимберъ и леди Скеттльзъ, чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, особенно когда Флоренса, послѣ каждого танда, садилась подлѣ него и разговаривала.

Флоренса съ большой охотой вовсе оставила бы танцы, чтобы весь вечеръ просидѣть подлѣ брата, но Павелъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы она танцевала, говоря, что это ему очень пріятно. И онъ говорилъ правду: его сердце трепетало отъ радости, и личико пылало яркимъ румянцемъ, когда онъ видѣлъ, какъ всѣ любятъ Флоренсу и приходятъ отъ нея въ восторгъ.

Обложенный подушками на своемъ высокомъ сѣдалищѣ, Павелъ могъ видѣть и слышать почти все, что вокругъ него происходило, какъ будто весь этотъ праздникъ былъ устроенъ исключительно для его забавы. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, какъ м-ръ Бапсъ, танцмейстеръ, подошелъ къ г. члену нижняго парламента и спросилъ его точъ въ точъ, какъ м-ра Тутса:

— А какъ вы думаете, сэръ, насчетъ сырыхъ матеріаловъ, которые привозятъ изъ-за границы въ обмѣнъ за наше золото: что съ ними дѣлать?

Павелъ дивился и очень хотѣлъ знать, почему этотъ предметъ такъ сильно занималъ м-ра Бапса. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ очень много и очень мудро разсуждалъ о предложенной матеріи, но, казалось, не удовлетворилъ м-ра Бапса.

– Все это такъ, – сказалъ м-ръ Бапсъ, – я совершенно согласенъ съ вами сэръ, однако-жь, если предположить, что Россія запрудитъ наши гавани своимъ саломъ, тогда что?

Сэръ Барнетъ Скеттльзъ былъ совершенно озадаченъ этимъ неопредѣленнымъ возраженіемъ, однако-жь, скоро опомнился и, покачавъ головой, сказалъ:

– Ну, тогда, конечно, намъ придется усилить производство хлопчатой бумаги.

М-ръ Бапсъ не сдѣлалъ болѣе никакихъ замѣчаній и поспѣшилъ къ своей супругѣ, которая между тѣмъ съ большимъ вниманіемъ разсматривала нотную книгу джентльмена, игравшаго на арфѣ. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ, не сомнѣваясь, что бывшій его собесѣдникъ – очень замѣчательная особа, обратился къ д-ру Блимберу съ вопросомъ:

– Скажите, пожалуйста, докторъ, господинъ этотъ, вѣроятно, служить въ департаментѣ внѣшней торговли?

– О, нѣтъ, – отвѣчалъ д-ръ Блимберъ, – нѣтъ, это нашъ профессоръ...

– Статистики или политической экономіи? – замѣтилъ сэръ Барнетъ Скеттльзъ.

– Не совсѣмъ такъ, – сказалъ докторъ Блимберъ, подпирая рукою подбородокъ.

– Ну, такъ нѣтъ сомнѣнія, онъ занимается вычисленіемъ математическихъ фигуръ или чего-нибудь въ этомъ родѣ?

– Именно фигуръ, – сказалъ д-ръ Блимберъ, – да только не въ этомъ родѣ. М-ръ Бапсъ, смѣю доложить вамъ, нашъ профессоръ танцевъ, превосходнѣйшій человѣкъ въ своемъ родѣ.

Сэръ Барнетъ Скеттльзъ нахмурился, разсвирѣпѣлъ и, подойдя къ своей супругѣ, сказалъ очень явственно, что господинъ, съ которымъ онъ говорилъ, пре-без-сты-д-нѣй-шій наглець въ своемъ родѣ. Павелъ никакъ не могъ постигнуть, отчего сэръ Барнетъ Скеттльзъ переѣмилъ такъ скоро свое мнѣніе о м-рѣ Бапсѣ, котораго ему отрекомендовали, какъ превосходнѣйшаго человѣка въ своемъ родѣ.

Скоро наблюдательность Павла приняла другое направленіе. М-ръ Фидеръ, послѣ двухъ-трехъ стакановъ глентвейну, повеселѣлъ удивительнымъ образомъ и принялъ твердое намѣреніе наслаждаться всѣми благами міра сего. Танцы были вообще очень церемонны, и музыка скорѣе походила на церковную, чѣмъ на бальную; но м-ръ Фидеръ, очевидно, приходившій въ восторженное состояніе, сказалъ м-ру Тутсу, что имѣетъ намѣреніе повернуть дѣла по своему. Послѣ того онъ подошелъ къ оркестру и, приказавъ играть веселѣе, принялся танцовать со всею развязностью и беззаботностью моднаго денди. Особенно онъ сдѣлался внимательнымъ къ дамамъ и, танцуя съ миссъ Корнеліей Блимберъ, шепнулъ ей – можете вообразить! – шепнулъ ей два стишка изъ простонародной чрезвычайно нѣжной пѣсни, и – можете вообразить! – миссъ Корнелія Блимберъ ни мало не обидѣлась. Эти же стишки м-ръ Фидеръ немедленно повторилъ еще четыремъ дамамъ, которыя также не обижались. Павелъ все это слышалъ очень хорошо. Онъ слышалъ и то, какъ Фидеръ сказалъ Тутсу, что завтра, чортъ побери, придется расквитаться за этотъ вечеръ.

Наконецъ, оркестръ заигралъ самыя буйныя, площадныя аріи, и это обстоятельство крайне обезпокоило м-съ Блимберъ, которая не безъ причины опасалась, что это можетъ оскорбить благородный слухъ почтенной леди Скеттльзъ. Но леди Скеттльзъ просила не безпокоиться и очень благосклонно выслушала объясненіе касательно м-ра Фидера, который, говорила м-съ Блимберъ, несмотря на нѣкоторые крайности при такихъ случаяхъ, былъ вообще превосходнѣйшій человѣкъ, отлично понималъ Virgilію и убиралъ свои коротенькіе волосы истинно классическимъ образомъ.

Разговаривая съ Павломъ, леди Скеттльзъ замѣтила между прочимъ, что, кажется, онъ очень любитъ музыку.

– Люблю, леди, – отвѣчалъ Павелъ, – а если и вы любите, такъ я вамъ совѣтую послушать, какъ поетъ сестрица моя, Флоренса.

Леди Скеттльзъ немедленно объявила, что умираетъ отъ нетерпѣнія слышать миссъ Домби, и когда Флоренса начала отказываться, говоря, что никакъ не можетъ пѣть при такомъ многочисленномъ собраніи, Павелъ подозвалъ ее и сказалъ:

– Пожалуйста, Флой, для меня, мой другъ, сдѣлай милость.

Флоренса подошла къ фортепьяно и запѣла. Гости разступились, чтобы не загородить сестры отъ маленькаго Домби. Когда онъ увидѣлъ, что его сестра, добрая, милая, прекрасная сестра, сдѣлалась предметомъ общаго вниманія, когда онъ услышалъ ея заливающійся голо-сокъ, очаровательный и сладкій, раздававшійся среди безмолвной блестящей залы звучной трелью любви и надежды, онъ отворотилъ свое личико и заплакалъ, – не оттого заплакалъ, чтобы мелодія была слишкомъ жалобна или печальна, нѣтъ, а оттого, что "она слишкомъ мила для меня", – сказалъ Павелъ, отвѣчая на разспросы гостей.

Всѣ полюбили Флоренсу, да и какъ не полюбить! Павелъ заранѣе зналъ, что иначе и быть не можетъ, и когда онъ сидѣлъ на своей мягкой софѣ съ сложенными накрестъ руками, немногіе могли вообразить, какой торжественный восторгъ озарялъ эту младенческую душу. Со всѣхъ сторонъ доходили до его слуха роскошныя похвалы "сестрицѣ маленькаго Домби"; всѣ удивлялись скромности, уму, талантамъ маленькой красавицы, и Павелъ былъ въ какомъ-то упоительномъ чадѣ, и казалось ему, будто докторская зала превращается въ очаровательный садъ, и атмосфера вдругъ наполнилась какой-то сладкой симпатіей, которая смягчала и разнѣживала сердце.

Какъ это случилось, Павелъ не зналъ. Все, что наблюдалъ онъ въ этотъ вечеръ и чувствовалъ, и мыслить – настоящее, прошедшее и будущее, предметы близкіе и отдаленные – все это перепуталось и перемѣшалось въ его головѣ, подобно цвѣтамъ въ радугѣ или въ богатомъ плюмажѣ павлина, когда надъ нимъ сіяетъ солнце, или въ тихомъ лазурномъ небѣ, когда то же солнце, закатываясь, бросаетъ яркіе лучи на безбрежное море. Многія вещи, о которыхъ онъ думалъ послѣдній разъ, носились передъ нимъ въ неопредѣленныхъ звукахъ музыкальнаго оркестра и уже не пробуждали его наблюдательности. Фантастическія мечты, занимавшія его не далѣе, какъ вчера, когда онъ смотрѣлъ изъ своего уединеннаго окошка на бурныя воды океана, улеглись и убаюкались въ его воображеніи. Но тотъ же таинственный говоръ морскихъ волнъ, которому такъ долго и такъ часто внималъ онъ въ своей колясочкѣ на морскомъ берегу, еще мерещился ему, и чудился въ этомъ говорѣ привѣтъ любви и дружбы, и вмѣстѣ слышалось ему, будто всѣ называютъ его чудачкомъ, хотя опять-таки неизвѣстно за что. Такъ грезилъ и мечталъ, слушалъ и думалъ маленькій Павелъ и былъ совершенно счастливъ.

Счастливъ – пока не пробилъ часъ разлуки, роковой часъ, пробудившій общее волненіе между гостями д-ра Блимбера. Сэръ Барнетъ Скеттльзъ еще разъ просилъ Павла засвидѣтельствовать отъ его имени глубокое почтеніе м-ру Домби и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявилъ надежду, что сынъ его, послѣ каникулъ, постарается пріобрѣсть благосклонность маленькаго друга. Леди Скеттльзъ съ материнской нѣжностью поцѣловала его въ лобъ, и даже м-съ Бапсъ, бросивъ музыкальную книгу, постоянный предметъ своего наблюденія, поспѣшила обнять маленькаго Домби и пожелать ему нескончаемыхъ радостей.

– Прощайте, д-ръ Блимберъ, – сказалъ Павелъ, протягивая руку.

– Прощай, мой маленькій другъ, – отвѣчалъ докторъ.

– Я вамъ очень обязанъ, сэръ, – продолжалъ Павелъ, наивно всматриваясь въ задумчивое лицо доктора. – Прикажете, сдѣлайте милость, беречь Діогена.

Діогеномъ звали цѣпную собаку, которая во всю жизнь одного только Павла удостоила своей искренней довѣренности. Докторъ обѣщалъ покровительство Діогену, и Па. вель поблагодарилъ его отъ души. Потомъ, прощансь съ м-съ Блимберъ и Корнеліей, омъ такъ много обнаружилъ искренняго чувства и дѣтской любви, что м-съ Блимберъ совсѣмъ забыла шепнуть кое-что леди Скеттльзъ насчетъ Цицерона, хотя это намѣреніе тревожило ее цѣлый вечеръ. Корнелія взяла своего питомца за обѣ руки и сказала:

– Домби, Домби, ты всегда был моим любимым учеником. Прощай, дружок. Благослови тебя Бог!

– А я считал ее такою жестокою! – подумал Павел. – Как легко ошибиться!

Вдруг молодые джентльмены зажужали: "Домби уѣзжает! маленький Домби уѣзжает!", и все из танцевальной залы двинулось по лестницѣ за Павлом и Флоренсой, не исключая самого д-ра Блимбера съ его семейством. М-ръ Фидеръ, по этому поводу, сказалъ очень громко, что такой чести, сколько онъ помнитъ, еще не удостоивался ни одинъ изъ прежнихъ молодыхъ джентльменовъ, хотя, быть можетъ, глентвейнъ на этотъ разъ слишкомъ помрачалъ память м-ра Фидера. Лакеи, подъ предводительствомъ буфетчика, всѣ выбѣжали провожать маленькаго Домби, и даже подслѣповатый малый, видимо растаявъ, когда началъ укладывать книги и сундуки въ коляску, отправлявшуюся въ замокъ м-съ Пипчинъ.

Даже вліяніе нѣжной страсти на сердца молодыхъ джентльменовъ – а они всѣ до одного влюбились въ Флоренсу – не могло удержать ихъ отъ выраженія восторговъ при прощаніи съ маленькимъ Домби. Они пожимали ему руки, махали шляпами, и каждый кричалъ: "Домби, не забывай меня!" Такіе взрывы чувствительности были необыкновеннымъ явленіемъ между этими юными Честерфильдами⁶. Когда Флоренса на крыльцѣ окутывала брата, Павелъ шепталъ: "Слышишь ли ты, милая? рада ли ты? забудешь ли ты это?" И глаза его искрились живѣйшимъ восторгомъ, когда онъ произносилъ эти слова.

Усаживаясь въ карету, Павелъ еще разъ взглянулъ на многочисленную толпу, которая его провожала, и теперь всѣ предметы закружились и запрыгали передъ нимъ, какъ будто онъ смотрѣлъ черезъ стекла зрительной трубки, колебавшейся въ его рукахъ. Потомъ онъ забился въ темный уголокъ кареты и крѣпко прижался къ Флоренсѣ. Вся эта сцена трогательнаго прощанья представлялась ему какимъ-то сновидѣніемъ, тревожнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно пріятнымъ, и когда впослѣдствіи онъ думалъ о д-рѣ Блимберѣ, онъ всегда воображалъ его не иначе, какъ стоявшимъ на крыльцѣ при прощаньи съ своимъ маленькимъ другомъ.

Но, кромѣ доктора, другая фигура рисовалась иередъ маленькимъ Павломъ, фигура м-ра Тутса, который совершенно неожиданно открылъ одно изъ оконъ кареты, просунулъ голову и спросилъ: "Домби здѣсь?" Прежде, чѣмъ успѣли отвѣчать, онъ скрылся и захохоталъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Но этимъ еще не окончилось. Когда карета уже тронулась съ мѣста, м-ръ Тутсъ подскочилъ съ другой стороны и, опять просунувъ голову черезъ окно, тѣмъ же тономъ спросилъ: "Домби здѣсь?" И потомъ онъ мгновенно исчезъ, заливаясь тѣмъ же дружелюбнымъ хохотомъ.

Какъ Флоренса смѣялась! Павелъ часто вспоминалъ объ этой сценѣ и самъ смѣялся отъ всего сердца.

Но на другой и въ слѣдующіе дни произошло много такихъ вещей, которыя послѣ воображенію Павла представлялись въ самомъ тускломъ свѣтѣ. Прежде всего онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ они продолжали жить у м-съ Пипчинъ вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, зачѣмъ онъ лежалъ въ постели, и Флоренса всегда сидѣла подлѣ него. Приходилъ ли къ нему въ комнату отецъ, или онъ только видѣлъ на стѣнѣ чью-то высокую тѣнь? Правда ли, что лѣкарь говорилъ – или это пригрезилось – что если бы взяли мальчика домой прежде дѣтскаго бала, на которомъ онъ испыталъ слишкомъ сильныя потрясенія, то, вѣроятно, онъ не завянулъ бы такъ скоро?

⁶ Слово «Честерфильдъ» употреблено здѣсь въ смыслѣ свѣтскаго модника, льстеца. Есть въ англійской литературѣ книги: "The letters of Lord Chesterfield to his son", – "Письма Лорда Честерфильда къ своему сыну". Здѣсь авторъ между прочимъ рекомендуетъ скрывать свои настоящіе чувства и считаетъ притворство необходимою добродѣтелью всякаго молодого человека. Книга пользуется въ Англіи такою популярностью, что недавно одинъ лондонскій портной, рекомендуя въ своемъ пухѣ прилично одѣваться, подкрѣпилъ свои доказательства огромной цитатой изъ писемъ Честерфильда. *Прим. перев.*

Ему казалось также, что онъ говариваль сестрѣ: "Охъ, Флой, возьми меня домой; не покидай меня"! А, впрочемъ, можетъ быть, и это пригрезилось. Только кажется, будто онъ слышаль свои собственныя слова: "Поѣдемъ домой, Флой, поѣдемъ"!

Но зато онъ очень хорошо помнилъ, какъ привезли его домой вмѣстѣ съ Флоренсой, и какая была толкотня на лѣстницѣ, когда понесли его наверхъ. Онъ узналъ свою старую комнату и маленькую постель, гдѣ его положили. Передъ нимъ, въ числѣ прочихъ, стояли: тетушка его, и миссъ Токсъ, и м-съ Пипчинъ, и Сусанна. Онъ всѣхъ ихъ угадалъ и привѣтствовалъ очень радушно. Но было, однако-жъ, и тутъ что-то такое, чего онъ никакъ не понималъ и что крайне его беспокоило.

— Мнѣ надобно поговорить съ Флоренсой, — сказалъ онъ, — съ Флоренсой наединѣ. Оставьте насъ.

— Скажи мнѣ, свѣтикъ мой, Флой, папенька не былъ на крыльцѣ, когда меня вынесли изъ кареты?

— Былъ, мой милый.

— Кажется, онъ заплакалъ и ушелъ въ свою комнату, когда увидѣлъ меня; правда ли это, мой ангелъ?

Флоренса отрицательно покачала головой и прильнула губами къ его щекѣ.

— Ну, я радъ, что онъ не плакалъ, — сказалъ маленькій Павелъ — это правда, мнѣ померещилось. Не сказывай, о чемъ я тебя спрашивалъ.

Глава XV

Замысловатое лукавство капитана Куттля и новые хлопоты Вальтера Гэя

Долго Вальтер не зналъ, что дѣлать съ барбадосскимъ назначеніемъ, и даже лелѣялъ слабую надежду, что м-ръ Домби авось измѣнитъ роковую резолюцію. Быть можетъ, онъ одумается и прикажетъ старику Каркеру "оставить молодого Гэя въ лондонской конторѣ". Но такъ какъ ничто не подтверждало этой, совершенно, впрочемъ, неосновательной надежды, бѣдный юноша увидѣлъ настоящую необходимость дѣйствовать безъ замедленія, не обольщая себя пустыми мечтами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.